

Н. И. ТОЛСТОЙ

ЗНАЧЕНИЕ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале евангельских кодексов)

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Основной проблемой данной работы является не генезис, а значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском, а в связи с ним, отчасти и в других славянских языках. Вопрос этот издавна привлекал лингвистов; ему постоянно отводилось место в отдельных курсах и очерках по грамматике старославянского языка, но специального исследования не было посвящено. Несколько раз выяснялись отношения кратких и полных форм в древнерусском языке, однако почти всегда без должного внимания к фактам старославянского и южнославянских языков, что и приводило обычно к значительным разногласиям и различному толкованию значения рассматриваемой категории.

В современной лингвистической науке господствует, в основном, два мнения: первое — полные и краткие формы прилагательных выражают отношения определенности и неопределенности (притом сама определенность и неопределенность толкуются различно) — и второе — полные и краткие формы прилагательных выражают отношения атрибутивности и предикативности (при этом понятие предикативности определяется очень расплывчато).

Впервые на различие в значении полных и кратких прилагательных обратил внимание хорватский филолог Ю. Крижанич, автор сербско-хорватско-русской, по его представлению общеславянской (т. е. общей для всех славян), грамматики. Он дал следующее объяснение: „Об придѣвних. Ј. Прѣста и Јзрѣдна Ј. Всако ѓб близу Придѣвно јме јмајет двоје обличије. Прѣста придѣвна знаменујут по просту, какво јест что: кт, Велик, велика, велико: Мал, мала, мало: Свѣт, свѣта, свѣто. А Јзрѣдна оказујут вѣщ на јзрѣд, и знаменито бѣт такоу: а творѣтсе от Прѣстих: прибавивши склади иѣ, аѣа, оѣ или еѣ...“¹. В этом первом известном нам определении рассматриваемой категории тонко схвачено основное значение кратких и полных форм. Краткие формы объяснены как простые, нейтральные, полные — как „из ряда вон выходящие“, выделяющиеся из ряда им подобных².

Такая формулировка, по нашему мнению, удачнее более поздней „неопределенные и определенные“, где не отражен момент нейтраль-

¹ „Граматично изказанје об руском језику“. Издание О. Бодянского. М., 1859, стр. 53.

² До Крижанича (1617—1683) в грамматиках не отмечалось различие в значении кратких и полных форм. Мелетий Смотрицкий (см. его „Грамматики славенския прѣвѣльное сунтагма“, 1619, последнее изд. 1721) указывает, например, лишь на наличие двух форм: „И перваго ѓбѣо чѣна имѣнѣ мужеска рода ѓкончѣнѣ сѣтъ два: мѣ, їѣ; и чрезъ ѣпохопѣу сѣрѣчь оусѣченѣь: яко стѣй/стѣ: крѣпкѣй/крѣпокѣ (изд. 1721, стр. 69).

ности и не уточнено понятие определенности. Тем не менее, эта поздняя формулировка прочно укоренилась в лингвистической терминологии. Ее ввел, видимо, И. Добровский в своих знаменитых „*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*“ (1822). Он писал: „*De nomino adjectivo § 34. Adjectivorum terminatio. In Adjectivus duplex terminatio, indefinita et definita, secundum genera distingunda est*“. (О имени прилагательном § 34. Окончание прилагательных. Прилагательные по родам имеют два окончания, неопределенное и определенное)¹.

Вслед за И. Добровским это положение принял А. Востоков, обратив также внимание на некоторое соответствие славянских полных форм прилагательных греческому члену: „Прилагательные качественные, относительные и причастия имеют двойное окончание: первое неопределенное (*indefinita*, по Добровскому) или усеченное, и второе — определенное (*definita*) или полное... Окончание неопределенное употребляется там, где в греческом нет члена, например, *како дрѣво добро плоды добры творитъ* (*πᾶν δένδρον ἀγαθόν καρπὸς καλὸς ποιεῖ*), определенное выражает греческий член, например, *каковыя добрыя гѣма* (*ὁ σπέρων το καλὸν σπέρμα*). Однако же иногда определенное или полное окончание поставлено и там, где в греческом нет члена, например, *примѣте дхъ стъ* И. XX, 22, во всех древних списках евангелий. В греческом *λάβετε πνεῦμα ἄγιον*“². Важно отметить, что Востоков, помимо общности функций полных прилагательных и греческого члена, отметил и известное различие. Это интересно главным образом потому, что в течение всего XIX в. и отчасти XX в. в науке господствовало мнение о почти полной тождественной функции кратких и полных форм прилагательных в старославянском и неопределенного и определенного артикля в западноевропейских языках и члена в греческом. Ярче всего эту точку зрения выразил Ф. Миклошич в своем „Сравнительном синтаксисе славянских языков“. Его определение значений кратких и полных форм прилагательных было до недавнего времени наиболее полным и развернутым: „Сложные формы указывают на обозначенный прилагательным и существительным предмет как на уже упомянутый или ранее известный, указывают потому, что соединение этих форм с точно названным или только присоединенным мысленно существительным происходит в акте речи не впервые, но должно пониматься как уже совершенное до этого: сравни *кръштѣнъ сѧ къзидѣ ѡ βαπτισθεῖς ἀνέβη* — крещенный (*der Getaufte*), т. е. тот человек, который был крещен и нам известен как крещеный, взшел, с *кръштѣ сѧ къзидѣ βαπτισθεῖς ἀνέβη* — после того как он был крещен, он взшел... Именные формы указывают на предмет, обозначенный прилагательным и существительным, как на не известный заранее, указывают, что соединение прилагательного с существительным должно пониматься, как производящееся только впервые в акте речи. Таким образом, понятие при своем первом упоминании обозначается именной формой, а позже, как уже известно, сложной: *оубога нѣкы глаголаше Супр. 433, 18*, после чего: (433, 2) *дастѣ кнѧ оубога оубога; видѣ единѣ къдобиѣ оубога*, после чего *къдобиѣ си оубога* Савв. кн. 52“³.

Определение Ф. Миклошича, в общем правильное, нельзя считать, однако, исчерпывающим и достаточно точным. Оно, прежде всего, оставляет в стороне специфические особенности исследуемой категории:

¹ Изд. 1822 г., стр. 317, т. 1; „Грамматика языка славянского по древнему наречию“, т. 1. Русск. пер. М. Погодина. М., 1833, стр. 372—373.

² А. Х. Востоков. Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древним его письменным памятникам. СПб., 1863, стр. 35. То же см. Филологические рассуждения. „Уч. зап. II Отд. АН“, кн. II, вып. I. СПб., 1856, стр. 45.

³ Franz Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV, Syntax. Wien, 1883, S. 132—134.

категория кратких и полных прилагательных в славянских языках нивелируется с категорией артикля в западноевропейских языках. Основное значение полных форм в старославянском языке, по Миклошичу, анафорическое, т. е. указывающее на предмет уже ранее упомянутый, известный. Главным моментом, определяющим корреляцию обеих форм прилагательных, является первичность или вторичность данного сочетания („прилагательное — существительное“) в акте речи. Между тем этот момент можно считать лишь частным случаем, проявлением (и то не всегда обязательным) более широкой категории определенности, связанной с рядом других моментов синтаксического и лексического порядка.

После Ф. Миклошича исследователи старославянского языка сделали немного для дальнейшего выяснения нашего вопроса. А. Лескин дал несколько иное, по нашему мнению, более правильное, хотя и слишком общее определение рассматриваемой категории. Не подчеркивая момента вышеупомянутой, он отметил, что „прилагательное, являющееся атрибутом существительного, употребляется с членом тогда, когда атрибут относится к определенному, известному самому по себе или из контекста, предмету“¹.

Такую же характеристику исследуемой категории дал А. Мейе: „В общеславянском языке нет члена, определенного или неопределенного. Но в нем имеется особая форма прилагательного, которая употребляется, когда прилагательное служит определением к известному существительному и, следовательно, указывает на то, что существительное является определенным. Прилагательное-сказуемое или прилагательное-определение к существительному неопределенному никогда не имеет этой формы“².

Важно отметить, что, по мнению А. Мейе и других ученых, полная форма придает определенность существительному-предмету, с которым прилагательное находится в атрибутивной связи (определенность предмета), а не самому прилагательному-признаку предмета (определенность признака), что, по нашему мнению, совершенно правильно.

Мнение большинства других исследователей старославянского языка, авторов отдельных курсов и руководств (Вондрак, Кульбакин, Щепкин, Ван-Вейк, Вайнгарт, Дилс, Вайан, Лось, Лер-Сплавинский и др.) в общем мало чем отличается от мнения Мейе³.

Попытку по-новому вскрыть понятие определенности сделал А. М. Селищев в своем труде „Старославянский язык“. По его мнению, „прилагательные в сочетании с местоимениями *i*, *je*, *ja* первоначально имели, вероятно, такое значение: они представляли собою субстантивизированные прилагательные. Например: *matŭi* (*matŭji*) — „малыш“, „малец“, т. е. „мал вот он“. Другая черта была свойственна сложным формам прилагательных: они подчеркивали свойство или качество предмета, каким он отличался среди прочих предметов того же качества или

¹ A. Leskien. Grammatik der altslawischen Sprache. Heidelberg, 1909, S. 142.

² А. Мейе. Общеславянский язык. Русск. пер. М., 1951, стр. 357—358. В другой работе — „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“ — А. Мейе дает определение, близкое к определению Ф. Миклошича: „Основа санскр. *ya-*, ав. *ya-*, др.-сл. *ю-* (со следующей частицей *ж*: им. п. ед. ч. м. р. *нжѣ*, род. *нжѣжѣ* и т. д.) греч. *ο* — служит относительным местоимением; оно образует именительный наравне с прочими падежами. Кроме того, в славянском оно имеет анафорическое значение, т. е. служит указанием на лицо или вещь, уже известную или раньше упомянутую: в литовском оно имеет только это значение. Как анафорическое, оно является энклитикой и может присоединяться к прилагательным для указания того, что имя, к которому оно относится, определено: др.-сл. *докрыи* (из *докры-и*), *докры-и*, *докры-ю*“ (русск. пер. М., 1938, стр. 334).

³ См. более подробный обзор литературы вопроса в статье: И. Курц. K otázce členů v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelem k staroslovenštině. „Byzantinoslavica“, r. VII, Praha, 1937—1938, str. 252—253.

свойства; они сосредоточивали внимание говорящего на этой черте называемого предмета¹.

Следует, однако, отметить, что субстантивация, т. е. употребление прилагательного в номинативной функции, выражение субстанции, чаще всего лица, исключительно через свойство или качество, для него обычно наиболее характерное и постоянное (например, *малой*, малыи (малъ) „малец“, „маленький человек“ и т. п.), не всегда вела в старославянском языке к употреблению полной формы². Обязательное употребление полной формы при субстантивации, как, например, в современном русском языке — явление более позднее, возникшее уже в отдельных славянских языках в период их самостоятельного развития (ср. реликтовое „от мала до велика“ и т. п.).

Категория субстантивности и категория определенности далеко не тождественны, ибо сама субстанция (существительное) может быть определенной и неопределенной. Отсюда и случаи субстантивации кратких прилагательных.

Другая черта, свойственная, по мнению А. М. Селищева, сложным формам прилагательных, изложена им довольно неясно. Бесспорно, отличие полных форм прилагательных от кратких существует, и не только по форме, как полагал Г. Гуннарсон, но и по значению. Однако это не может быть отличие в степени качества (такое отличается либо формами степеней сравнения, либо суффиксально: *-оват-*, *-ив-* и т. п.). Качественно, имея в виду значение качества, прилагательное *добрыи* ничем не отличается от прилагательного *добръа*. Помня, что в старославянском языке полные формы выступают только в атрибутивной функции, нельзя указать особого значения полных форм, не приняв во внимание их связь с существительными и роль последних, т. е. без учета этой атрибутивной функции. Поэтому, по нашему мнению, невозможна, например, определенность и неопределенность признака (качества, свойства), взятая отдельно, без связи с предметом, если нет субстантивации типа *красное* = краснота, и т. п.³.

Попутно отметим, что большая и меньшая определенность может быть заложена в самом лексическом значении прилагательного, но при этом для каждого данного прилагательного она остается всегда неизменной. Нужно учитывать, что эта определенность выступает в ином, лексическом, плане, а не в плане рассматриваемой категории.

Все это позволяет нам считать определение — „они (сложные формы) подчеркивали свойство или качество предмета, каким он отличался среди прочих предметов того же качества или свойства“ — в значительной мере запутанным и неясным. А. М. Селищев правильно замечает, что прилагательное в полной форме отличает предмет от прочих предметов того же качества, но ошибочно видит отличие в самом качестве.

Более удачно это отличие оценил И. Курц, усмотревший его в конкретном моменте, именно в индивидуализации предмета. „Сложные славянские прилагательные, — по мнению И. Курца, — сохранили, по крайней мере частично, свое исконное значение. Прежде местоимение в постпозиции придавало сочетанию прилагательного с существительным

¹ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 2. М., 1952, стр. 127.

² См. четвертый раздел настоящей работы.

³ В связи с этим интересно отметить замечание А. В. Исаченко, что „при изучении данного вопроса в сравнительно-историческом плане внимание исследователя будет сосредоточено не столько на судьбах кратких и полных форм имен прилагательных, сколько на судьбах категорий определенности имен существительных. Здесь особенно полезным будет привлечение болгарского материала, поскольку член в болгарском языке частично принял на себя функцию, выполняемую в старославянском языке полными формами прилагательного“ (А. В. Исаченко. О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий. „Slavia“, R. XXI, Seš. 2—3, 1953, str. 208—209).

особый оттенок, например, оно подчеркивало особое индивидуальное свойство предмета, выделяя его из предметов с подобным свойством, сосредоточивало внимание на прилагательном и т. д. Я полагаю, — продолжает И. Курц, — что возможно было бы, по крайней мере для части случаев, исходить из прилагательного, выступающего в роли существительного (т. е. субстантивированного. — Н. Т.), которое четко обозначает данное лицо как индивидуум с постоянным качеством, например, сочетание *staroŭjъ moŭŭ* обозначало старика мужчину, ср. подобн. *člověkъ grěšnikъ*, *vragъ člověkъ* и подобные примеры в древних языках. Его не следует рассматривать исключительно как член, оно могло иметь функцию обозначения субстантивного свойства прилагательных либо психологического их выделения путем анафорического местоимения. Разграничение обеих форм прилагательных в славянских языках не привлечено извне и основано на различии в их значении¹.

В индивидуализации предмета нужно видеть, по нашему мнению, основное значение полной формы прилагательного. Особый оттенок свойства (индивидуализация-определенность) прежде всего относится к предмету, а не к его качеству (свойству). В этом отношении с И. Курцем нельзя не согласиться. В связи с этим и „средоточение внимания“ привносимого полной формой, с нашей точки зрения, должно относиться не только к прилагательному, но ко всему сочетанию („прилагательное+существительное“) в целом. Что же касается постоянства свойств и других оттенков значения, то они не всегда оказываются решающими при употреблении полной формы и чаще являются частными случаями (дополнительным моментом) проявления указанного основного значения. Более существенным фактором, связанным отчасти и с выдвигаемым И. Курцем моментом постоянства свойства, является лексическое значение прилагательного, определяющее преимущество в употреблении той или иной формы (ср. прилагательное на *-ъкъ*, притяжательные прилагательные и др.). Этот исключительно важный для понимания рассматриваемой категории фактор почти всегда, к сожалению, оставался вне поля зрения исследователей.

Отметим также, что различное значение кратких и полных форм прилагательных (определенность/неопределенность) представлялось некоторым исследователям (Г. Павскому, Г. Гуннарсону, А. Досталю) привнесенным извне, из греческого языка. Корреляция полных и кратких форм, а по мнению Г. Павского, и сама полная форма, возникла под воздействием греческих прилагательных с членом и без члена. В XIX в. против теории Г. Павского² убедительно выступили С. Лебедев (см. его рецензию на этот труд Г. Павского³) и П. Лавровский⁴. Г. Гуннарсон полагал, что две парадигмы склонения прилагательных возникли на славянской почве в результате влияния двойной формы творительного падежа единственного числа существительных основ на *а-* женск., *женѣ*, на склонение прилагательных, что привело к созданию двойных форм *добрѣжъ*, *дѣрѣжъ*, *дѣбрѣжѣ*, *дѣбрѣ* и др. Эти формы первоначально не имели различного значения и приобрели оттенок определенности и неопределенности лишь в представлении писца-переводчика с греческого оригинала под влиянием этого оригинала. Гипотезу Г. Гуннарсона⁵ опроверг

¹ И. Курц. „III Меѹнародни конгрес слависта“, т. 1. Београд, 1939. стр. 46; см. также его монографию: *K otázce členu v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelem k staroslověnině*, стр. 254—255.

² „Филологические наблюдения“. Рассуждение второе. СПб., 1850, стр. 13.

³ „Современник“, 1851, т. XXVIII, № 8, отд. III, стр. 25—44.

⁴ „О языке северных русских летописей“. СПб., 1852, стр. 64—65.

⁵ *Recherches syntaxiques sur la décadence de l'adjectif nominal dans les langues slaves et particulièrement dans le russe*. Paris, 1931.

А. Белич¹. Его доводы, что двойная форма *женѣж*, *женѣѣж* должна была вызвать двойную парадигму прежде всего в склонении существительных, хотя бы тех же основ на *-а*, а затем уже прилагательных, а также и другие доводы, нужно считать обоснованными. А. Досталь полагает, что полные формы прилагательных возникли на славянской почве без иноязычного влияния, в результате стремления к морфологическому обособлению прилагательных от существительных. Что же касается их значения, то он, так же как и Г. Гуннарсон, полагает, что „определенное значение сложного прилагательного и неопределенное именного прилагательного в старославянском языке мы должны объяснить как вторичные. Мы не должны забывать, что старославянские тексты возникли, как правило, в результате перевода с греческого, т. е. переводчик должен был часто считаться с различием греческого оригинала между прилагательным с членом и прилагательным без члена. Помогло ему, вероятно, то, что он употреблял две формы прилагательных, которые старославянский язык в эту эпоху своего развития имел. Позже, поскольку необходимость выравнивания с греческим оригиналом действовала постоянно, развивалась практика употреблять сложное прилагательное вместо греческого прилагательного с членом и, наоборот, именное прилагательное вместо греческого прилагательного без члена. Впрочем, такая практика нигде не проводилась последовательно. Если бы мы допустили, что сложное прилагательное имело исконное значение определенного прилагательного как прилагательное с постпозитивным членом, мы бы с большим трудом объяснили именно пренебрежение этого значения в случаях, где старославянское сложное прилагательное употребляется вместо греческого прилагательного без члена и, наоборот, где употребляется прилагательное именного типа“². Подобное категорическое утверждение возможно, по нашему мнению, лишь после достаточно внимательного рассмотрения фактов древних и современных славянских языков. Между тем эти факты далеко не всегда свидетельствуют в пользу изложенной теории. Укажем, оставляя в стороне западнославянские и древнерусский языки, хотя на сербохорватский и словенский, где не только в литературном языке, но и в говорах сохраняются в большей или меньшей мере следы прежней корреляции по линии определенности и неопределенности. Едва ли это явление можно объяснить исключительно греческим книжным влиянием.

§ 2. Вопрос употребления полных и кратких прилагательных в древних, а отчасти и современных южно- и западнославянских языках слабо отражен в специальной лингвистической литературе. Больше всего внимания было уделено проблеме употребления обеих форм прилагательных в древнерусском языке. Проблема эта, однако, решалась по-разному и для древнерусского и, в связи с этим, что для нас крайне важно, для старославянского языка. Вопрос остался до сих пор окончательно невыясненным; в процессе его разрешения выработались, в основном, две или даже три концепции — С. П. Обнорского, Е. С. Истриной и Л. П. Якубинского.

Академик С. П. Обнорский полагает, что в древнерусском языке продолжали существовать отношения, характерные для старославянского и, возможно, праславянского языка. „Отражая старый строй языка, прилагательные являются в членной или нечленной форме в зависимости от того, служат ли они выражением признака определенного, уже из-

¹ См. рецензию на указанный труд Г. Гуннарсона в журнале „Јужнословенски филолог“, књ. XIII, Београд, 1933—1934, стр. 211—217.

² Antonín Dostál. K otázce slovetvorných tipů, zvláště slovanských. „Studie a práce lingvistické I, k šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka“, Praha, 1954, str. 111).

вестного, или напротив, в общих чертах представляемого, неопределенного"¹. Неточность характеристики С. П. Обнорского в том, что он акцентирует внимание преимущественно на определенности признака и тем самым повторяет одно из положений А. М. Селищева. Тем не менее, важно отметить, что С. П. Обнорский видит в корреляции двух форм прилагательных, так же как и большинство исследователей старославянского языка, выражение категории определенности и неопределенности.

Совсем по-иному объясняет употребление кратких и полных форм прилагательных в древнерусском языке Е. С. Истрина. По ее мнению, „в случаях, где определение выражено именной формой, обозначаемый им признак имеет существенное значение в общем смысле предложения, с чем связывается и энергичность его проявления; между тем, в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предложении, и проявление его не отличается энергичностью. Так, в предложении *і моужа добръ горѣ елѣфрини лазорекича* — определение *добръ* относится к определенному лицу, названному по имени; качество это, надо думать, действительно ему принадлежало, а упоминание об этом качестве, так сказать, подчеркивает, увеличивает степень несчастья; признак проявляется энергично. Иную роль играет определение в предложении — *исторгоша сѧ добрии моужии и жены*. Текст таков: татары обступили Владимир; стало очевидно, что город будет взят; тогда все вошли в церковь св. Богородицы и здесь постриглись: и князь, и княгиня, и дочь, и сноха, и добрии моужии и жены. Определение *добрии* не имеет существенного значения в предложении; просто, в виду благочестивого поступка, книжник всех постригшихся называет добрыми; признак проявляется слабо"². „Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное"³.

Выводы Е. С. Истриной, произведенные на основании анализа одного древнерусского памятника XIII—XIV вв., во многом спорные⁴, могли бы остаться вне нашего рассмотрения как не относящиеся непосредственно к нашему материалу, если бы они не были приняты рядом исследователей и отнесены ко всему древнерусскому и даже старославянскому языку⁵.

Недостатком многих исследований, посвященных прилагательным в древнерусском языке, было частое игнорирование фактов других славянских языков. Делались попытки разрешить все вопросы, в том числе

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. 1946, стр. 110 (из характеристики языка „Моления Даниила Заточника“). То же при характеристике языка „Русской правды“ (стр. 25), „Сочинения Владимира Мономаха“ (стр. 59), „Слова о полку Игореве“ (стр. 169—170).

² Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1 Новгородской летописи. ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1918, стр. 45; см. также более полное определение на стр. 51—52.

³ Там же, стр. 62.

⁴ См., например, критику положений Е. С. Истриной в канд. диссертации А. И. Толкачева и его выводы: „А между тем, отношения именных и членных форм были, вероятно, обратными тем, что было в Новгородской летописи (в языке до XIII—XIV вв. — Н. Т.), прилагательные сложные употреблялись при существительном определенном, а именно при существительном неопределенном или, по терминологии Е. С. Истриной, прилагательные сложные обозначали „признак существенный для данного предложения“, а прилагательные именные — „признак известный, обычный“. И далее: „... можно привести и другие факты, указывающие на то, что именно сложные формы прилагательных обозначали признак, энергично проявляющийся“, „существенный для данного предложения“. А. И. Толкачев. История членных прилагательных русского языка. Смоленск, 1952, стр. 46—47.

⁵ См. например, В. А. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Л. 1952, стр. 5 (автореф. канд. диссерт.).

даже вопрос возникновения полной формы прилагательного, исключительно на материале русского языка. А между тем нельзя было оставлять без внимания в частности тот факт, что активизация полных форм за счет кратких в некоторых славянских языках, например, в сербохорватском, проходила не по линии атрибутивности и предикативности, как в русском языке (т. е. в конечном итоге полного господства местоименных форм в атрибуте и сохранения именных форм лишь в предикате), а по линии постепенного перехода отдельных лексических групп прилагательных одновременно и в атрибуте и в предикате в разряд прилагательных только с полной формой.

Исключительной в нашей лингвистической литературе по истории прилагательных является недавно опубликованная работа проф. Л. П. Якубинского, по-новому разрешающая вопрос взаимоотношения и значения кратких и полных форм¹. Считая теорию Ф. Миклошича в основе совершенно справедливой и полагая, что „наличие местоимений при прилагательных в одних случаях (т. е. полные формы — *Н. Т.*) и отсутствие их в других первоначально выражало категорию определенности и неопределенности в применении к существительным, которые определяло прилагательное“², Л. П. Якубинский утверждал, что „ошибкой всех исследователей, занимавшихся нашей категорией, было то, что они понимали ее узко синтаксически, контекстно, смешивая понятие лексико-семантической определенности с понятием „вышеупомянутости“ и поэтому, дескать, определенности. Они забывали, что понятие определенности есть лексико-синтаксическое понятие, поскольку определенность может быть дана в самом лексическом значении слова“³. Не все в системе доказательств Л. П. Якубинского можно считать совершенно бесспорным⁴, однако основным и наиболее ценным в его концепции является признание большой роли лексико-семантического фактора для исследуемой категории.

Такова в общих чертах история интересующей нас проблемы. Некоторые более частные моменты и полемика с отдельными исследователями даются ниже параллельно с изложением материала.

§ 3. Тематика старославянских памятников — исключительно церковного характера. Это — преимущественно богослужебная, каноническая литература, получившая в свое время название „священной“, не подлежащей какому-либо изменению. Однако и среди этой „священной“ литературы существовала определенная градация.

Наибольшее значение имели тексты евангелия. Именно эти тексты, наряду с псалтырем и апостолом, были переведены в первую очередь на славянский язык еще Кириллом и Мефодием. Надо полагать, что тексты эти как строго канонические, подвергались при дальнейшей переписке наименьшему изменению в отношении языка. Это явилось одной из причин того, что нами при исследовании были взяты прежде всего евангельские старославянские тексты. Наличие четырех древнейших списков нового завета (Маринский, Зографский, Ассеманиев кодексы и Саввина книга) позволяет также произвести очень важный в данном случае сравнительный анализ примеров. Отметим, что в отношении рассматриваемой нами категории эти памятники в общем отличаются единообразием. Число разночтений, тем не менее, достаточно велико, но трудно выделить какой-либо памятник в этом отношении.

¹ Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. „Доклады и сообщения Института языкознания“, т. 1, 1952, стр. 52—61; см. также его „Историю древнерусского языка“. М., 1953, стр. 206—219.

² Указ. соч., стр. 55.

³ Там же, стр. 56.

⁴ См. стр. 78, 99 настоящей работы.

В некоторых функциях прилагательных полной и краткой формы разночтения вообще отсутствуют, что дает нам возможность точнее определить значение рассматриваемой категории.

При исследовании были выписаны из четырех упомянутых кодексов все случаи употребления прилагательных и в полной и в краткой форме. Анализ значения этих форм производился с учетом условий контекста и семантики прилагательных; поэтому в случаях, где имелась специальная фиксация того или иного значения, выраженная или подчеркнутая другими языковыми средствами (т. е. не только одной из двух форм прилагательного), или где особую роль играло лексическое значение прилагательного, примеры приводятся полностью. Наиболее значительное внимание уделяется именно таким примерам. В некоторых случаях даются и численные соответствия тех или иных форм. Факты других славянских языков привлекаются лишь в качестве иллюстраций к выводам, сделанным на материале старославянского языка.

§ 4. Почти все памятники старославянского языка, как известно, являются переводами с греческих оригиналов. Этот факт неоднократно привлекал внимание исследователей. Сличение двух текстов — славянского и греческого — позволило прийти к выводу, что перевод на славянский язык производился достаточно вольно, в духе славянского языка. Однако полностью отрицать влияние греческого оригинала на славянский текст нельзя, — в некоторых случаях можно даже отметить кальки с греческого языка, влияние греческого синтаксиса (например в порядке слов) и др. В отношении исследуемой нами категории влияние греческого языка принципиально вполне возможно. В греческом языке нового завета, так же как и в древнегреческом, наличествовала категория определенного члена (*ὁ, ἡ, τό*), который ставился и перед существительным и перед прилагательным. Значение этого определенного члена было в ряде функций близко к значению исследуемых нами полных форм прилагательных. Эта близость допускает предположение, что могло быть механическое употребление полной формы прилагательных в соответствии с греческим членом. В таком случае наша работа оказалась бы бесцельной, ибо исследовалась бы не живая категория старославянского языка, а категория греческого члена, отраженного в славянском языке. Однако внимательное сопоставление этих двух близких по значению категорий позволило прийти к выводу, что это сходство никак не означает тождества и полного совпадения функций; к тому же имеются и существенные различия, отраженные в славянском переводе. Переводчик с греческого часто находил в своем славянском языке возможность, когда существительное выступало с прилагательным-атрибутом, довольно точно передавать значение греческих форм с членом. Между тем, в тех случаях, когда соответствия не было, переводчик обычно не отступал от духа славянского языка и не копировал рабски оригинал, употребляя ту или иную форму прилагательного, независимо от наличия или отсутствия греческого члена. Число несоответствий славянского перевода греческому оригиналу более значительно, чем предполагали некоторые исследователи. Эти несоответствия частично приводятся в настоящей работе и служат дополнительной аргументацией к ее выводам. Отметим здесь лишь несколько наиболее характерных случаев.

а) Предмет, к которому относится прилагательное, логически не акцентирован, — нет нужды в его выделении из числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством. В славянском переводе краткая форма:

Мр. 6—39. *и поведемъ имъ погладити класъ народы... на споды на трѣхъ зеленѣхъ* (ἐπὶ τῶ χλωρῶ χέρτῳ); в греческом оригинале наличествует член (подробнее см. § 25).

б) Лексическое значение прилагательного — достаточно конкретное, определенное. Прилагательное образовано от существительного локативного значения (земля). В славянском переводе полная форма: Мр. 4—5. *и акае прозакъ зане не имѣаше гл҃быны земѣныа* (διὰ τὸ μὴ εἶναι βᾶθος γῆς); в греческом оригинале член отсутствует (подробно см. § 14).

в) Прилагательное входит в состав фразеологической единицы. В славянском переводе полная форма: Мр. 10—4. *покалѣ мѡги кнѣзѣ рас-поуѣгнѣныа написати и поуѣтити* (βιβλίον ἀποστασίου); в греческом оригинале член отсутствует (подробнее см. § 18).

г) Полная форма прилагательного в славянском переводе часто употребляется вместо формы звательного „падажа“: Мф. 25—23. *докры рабе клагы кѣрзе* (εὖ, δοῦλε ἀγαθὲ καὶ πιστὲ); в греческом оригинале звательная форма без члена (подробнее см. § 12).

д) Прилагательное на -икъ, близкие по значению к притяжательным, в славянском переводе часто выступают в краткой форме: Мр. 8—15. *и прѣ-шгааше имѣ гл҃а видѣте бл҃дѣте са отѣ какаго фарисѣиска* (ἀπὸ τῆς ζύμης τῶν Φαρισαίων); в греческом оригинале родительный падеж существительного с членом (подробнее см. § 29).

е) Субстантивированное прилагательное в славянском переводе часто выступает в членной форме: Лк. 7—22. *ѣже видѣста и слышаша ѣко сѣ-нии прозирашѣа, хромии ходашѣа* (ὅτι τυφλοὶ... ἀναβλέπον σιν... χωλοὶ περιπατοῦσιν...); в греческом оригинале член отсутствует (подробнее см. 4-й раздел).

Остальные разночтения приводятся параллельно с изложением старославянского материала.

2. КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В АТРИБУТИВНОЙ ФУНКЦИИ

§ 5. Атрибутивная функция прилагательного характеризуется его тесной связью с определяемым существительным. Обозначая признак предмета, прилагательное, совместно с существительным, означающим предмет, образует единое целое, выражает одно сложное, нерасчлененное представление. С формальной стороны, существует также непосредственная связь прилагательного с существительным: согласование с существительным в роде, числе и падеже. Другим, не менее важным для старославянского языка, формальным моментом является наличие в атрибутивной функции двух форм прилагательного — полной и краткой. Эта особенность, однако, характерна не для всех прилагательных в равной мере. Корреляция полных и кратких форм охватывает лишь разряд качественно-относительных прилагательных, притяжательным прилагательным свойственна лишь одна краткая форма. Таким образом, традиционное разделение прилагательных на группы качественных, относительных и притяжательных, основанное не только на их лексическом значении, но и на связанных с ним отдельных грамматических признаках (степени сравнения, типы склонения и др.), должно быть принято во внимание при классификации материала. „Однако грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна“¹. Условность ее выражается в том, что часто одно и то же прилагательное, в зависимости от семантики определяемого существительного, может выступить то как относительное, то как качественное прилагательное. В современных славянских языках нередко случаи перехода относительных прилагательных

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 204.

в разряд качественных¹, в старославянских памятниках подобное явление выражено не столь ярко, но, тем не менее, оно наблюдается. Это принуждает нас при классификации материала в некоторых случаях рассматривать употребление кратких и полных форм качественных и относительных прилагательных не отдельно, а вместе, учитывая, однако, в каждом конкретном случае их принадлежность той или иной группе.

Более изолированную группу составляют притяжательные прилагательные, довольно четко отграниченные семантически и обособленные морфологически. Их употребление рассматривается отдельно в конце настоящей главы. По своей семантике притяжательные прилагательные являются наиболее конкретными, наиболее определенными, индивидуализирующими предмет (или лицо), точнее других определяющими его положение по отношению к другим предметам того же рода (ср. *Иванова рубаша* и *рубаша*). Меньше конкретности и определенности в семантике относительных прилагательных, — здесь выделение данного предмета (определяемого существительного) из рода ему подобных значительно слабее (ср. *казенная рубаша* и *рубаша*). Наконец, оно еще менее значительно в семантике качественных прилагательных (ср. *синяя рубаша* и *рубаша*).

Пример притяжательных прилагательных свидетельствует о том, что семантика прилагательного может иметь исключительно важное значение, определяющее наличие той или иной формы (в данном случае только краткой). Необходимо выяснить, в какой мере семантика прилагательного определяет наличие краткой или полной формы в других разрядах, прежде всего в разряде относительных прилагательных, иными словами, какова и сколь значительна связь лексического значения качественно-относительных прилагательных с полными или краткими формами. Наконец, важно выяснить, правомерна ли вообще подобная постановка вопроса.

Рассматривая прилагательное как „часть речи, которая включает в себя слова, определяющие существительные и являющиеся названием свойств, качеств, отношений в их сочетании с названиями субстанций, причем под отношениями разумеются те, которые вытекают из существа, из природы самих субстанций“², необходимо учитывать также, что категория определения не ограничивается категорией прилагательных. В роли грамматического атрибута может выступать также и существительное, и местоимение, и числительное. Атрибут, в свою очередь, может быть определен наречием. Имя прилагательное, выступая в роли атрибута существительного, тесно связано с другими определениями того же существительного — не прилагательными (указательными, определительными, неопределенными местоимениями, числительными). Связь эта и синтаксическая (через существительное) и смысловая. Необходимо поэтому выяснить, в какой мере и какие дополнительные языковые средства определяют наличие полной или краткой формы прилагательного.

В иных случаях при выяснении вопроса о значении краткой и полной формы важен также учет синтаксического момента: в какой синтаксической функции выступает конструкция „прилагательное + существительное“. Однако рассмотрение всех возможных синтаксических функций привело бы к чрезмерному объему работы, без каких-либо достаточно

¹ В этих случаях иногда относительное прилагательное принимает и некоторые формальные признаки, характерные для качественных прилагательных, например образование сравнительной степени (*каменный—каменней*), что совершенно несвойственно притяжательным прилагательным. Степени сравнения отсутствуют и у таких притяжательных прилагательных, которые приобрели качественное значение (например, *Каиново дело*).

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 490.

конкретных результатов. В работе приводятся лишь те синтаксические функции конструкций „прилагательное + существительное“, которые определяют в той или иной мере употребление кратких или полных форм. Так, например, наше особое внимание привлекли те синтаксические категории, значение которых дает возможность выяснить, воспринимается ли существительное, определяемое прилагательным, как уникализированное (определенное) или нет (например, звательный „падеж“, родительный неопределенного объекта и др.).

Отметим, наконец, что и некоторые моменты, относящиеся к словообразованию, не могли не найти своего отражения в нашей работе. Ряд суффиксов в старославянском языке был свойствен в основном только определенным лексическим разрядам (группам) прилагательных. Естественно, что это требует, в свою очередь, выяснения вопроса, в какой степени и с какими суффиксами прилагательных связано употребление полной или краткой формы.

Таким образом, при выяснении значения кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке нельзя останавливаться на какой-либо одной стороне нашего вопроса, на лексическом значении, морфологической структуре, синтаксической функции или словообразовании прилагательных. Результат такого анализа привел бы к неполному, одностороннему, а потому и неточному выводу. Поэтому необходимо многостороннее рассмотрение исследуемой категории, необходимо также выяснение взаимообусловленности указанных выше моментов, определение, какой из них имеет более или менее решающее значение при корреляции полных и кратких форм.

Все это крайне затрудняет классификацию материала и требует особого, разностороннего подхода к исследуемой категории. Поэтому, не выделяя на первый план какой-либо из упомянутых моментов и отказываясь от заранее установленных предпосылок при распределении и описании материала, мы обращаем особое внимание на дополнительные языковые показатели значения кратких и полных форм. При этом нами в первую очередь рассматриваются примеры, где дополнительные показатели строго предопределяют наличие той или иной формы, затем случаи, где эти показатели имеют в известной мере второстепенное значение, подчиняясь иногда другим более решающим факторам, и, наконец, случаи, где подобные показатели отсутствуют. В последних случаях рассматриваются сначала относительные, а затем качественные прилагательные.

В настоящем разделе в качестве иллюстративного материала, помимо фактов других славянских языков, приводятся также отдельные случаи употребления членных форм в современном болгарском языке. При этом в полной мере учитывается тот факт, что категория членной формы в болгарском языке, так же как и категория артикля в западноевропейских языках, генетически не связана с категорией полных и кратких прилагательных в славянских языках. Поэтому нужно решительно отвергнуть возможность сравнительно-исторического исследования категории кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке и членной формы в болгарском языке (или артикля в западноевропейских языках) и считать возможным их совместное рассмотрение лишь в сопоставительном плане. Сопоставление этих двух генетически не связанных категорий может способствовать более ясному пониманию их сущности, выяснению не только общих, но и различных моментов в их значении и употреблении. В этом отношении категорию кратких и полных славянских прилагательных нельзя приравнивать к категории западноевропейского артикля, как это делали некоторые исследователи.

§ 6. Прилагательное, определяющее существительное наряду с числительным *единъ* в функции неопределенного местоимения, имеет последовательно краткую форму. В некоторых кодексах в отдельных случаях вместо числительного *единъ* употребляется неопределенное местоимение *етѣа*.

Мр. 12—42. *и пришедаши едина вѣдовица оубога*. М. З. (*μία χήρα πτωχή*); Лк. 21—2. (*и*) *видѣ же и единъ вѣдовицъ оубогъ*. М. С.; етерж. З. А. (*τινα χήραν πεινχράν*); Лк. 14—1. *и вьста егда кѣниде и҃а къ домъ единого кѣнаса фарисѣиска*. М. С.; етера. А. (*τινος τῶν ἀρχόντων τῶν Φαρισαίων*).

Случаи употребления прилагательного совместно с числительным *единъ* в функции неопределенного местоимения в старославянских текстах немногочисленны. Почти во всех зафиксированных нами примерах числительное *единъ* употребляется при определении лиц (вѣдовица, кѣнаса).

Интерес представляет единственный зафиксированный нами пример употребления числительного (неопределенного местоимения) *единъ* при определении предмета. Мф. 13—45, 46. *подовѣно е҃тъ цр҃кѣи нѣкое члвкоу коупаѣу и҃рѣицѣ доврѣ бисѣрѣ иже обрѣтѣа единъ многоцѣнна бисѣрѣ шедѣ продастѣ вѣсе имѣниѣ* М. З. А.; единого многоцѣнна. А. (*ἐνὶ πολύτιμον μαργαρίτην*).

В Саввиной книге зафиксирована полная форма без числительного *единъ*: *иже обрѣтѣа многоцѣнны бисѣрѣ шедѣ продастѣ вѣсе имѣниѣ своѣ*.

В современном сербохорватском и словенском языках после неопределенного местоимения *један* (словен. *eden*) употребляется довольно последовательно в именительном и винительном падеже единственного числа мужского рода краткая форма прилагательного. Например: *У великој, сниској столици седео је један крупан човек у црногорским хаљинама* (Ненадовић).

В функции неопределенного местоимения-прилагательного числительное *единъ* в старославянском языке выступает только в единственном числе. В этом заключается коренное отличие его функции от функции числительного *един* в современном болгарском языке, где оно и во множественном числе употребляется в функции неопределенного местоимения-прилагательного (например, *едни бедни старици* = *някои бедни старици*). Современный болгарский язык использует числительное *един*, *една*, *едно*, *едни* также и в функции неопределенного члена (например, *„Ще му дам аз едни помощи пѣса му неден“*. — Кр. Велков). Эта новая функция развивалась в связи с укреплением и активизацией определенного члена. Она отличается от функции числительного *един* — неопределенного местоимения — в той же мере, как и членная форма *ѣт*, *та*, *то* от указательного местоимения *тѣ*, *та*, *то* (болг. *този*, *тази*, *това*). Современный сербский язык в этом отношении близок к старославянскому; по-сербски можно сказать: *једна убога удовица*, *једна убога кућица*, но нельзя сказать: *то је једна срамота* (в болгарском языке говорят: *тоза е една срамота*) или *ако можеш навести један добар разлог* (в болг. *една добра причина*).¹ Числительное *један* может выступать в сербском языке лишь в роли неопределенного местоимения, определяющего лица и конкретные предметы. В современном сербском языке, так же как и в русском, невозможно употребление множественного числа числительного *један* в функции неопределенного местоимения-прилагательного (*једна убога старица*, но не *једне убоге старице*; ср. рус. *одна убогая старушка* и *одни убогие старушки* уже со значением „лишь убогие старушки“).

¹ Г. Исаев и М. Йоич. Сръбска граматика. София, 1948, стр. 89.

В рассмотренной функции числительное единъ не определяет предмет путем уникализации, не выделяет его из числа других ему подобных, не подчеркивает его отличия от них, а указывает на предмет как на один из многих ему подобных. Числительное единъ в данной функции тоже определяет предмет, но определяет его в отношении, прямо противоположном указательному местоимению (см. § 10).

§ 7. Прилагательное, определяющее существительное наряду с местоимением каѣкъ, имеет, как правило, краткую форму.

Мф. 5—11. ...И рекхѣтъ каѣкъ звалъ глаго на вы лажжѣи мене ради. З. С.; каѣ звалъ глаголъ. А. (παῦ ποιητόν); Мф. 23—25. да придетъ на вы каѣкъ крѣкъ поаксаѣна. М. А. (παῦ αἶψα δίκαιον); Мф. 7—17. тако каѣкъ дрѣво дасро плоды добры творитъ. М. З.; каѣ дрѣво доброе А. (παῦ δένδρον ἀγαθόν);

Мф. 12—36. глаго же кама ѣко каѣкъ слово празданъ еже аще рекхѣтъ члвкъ. ... М. З. А.; каѣкъ глаго празданъ. С. (παῦ ῥῆμα ἀργόν); Мф. 27—15. на каѣкъ же денъ великъ обычанъ ѣтъ (ἰημονῷ) отпапоуштати народоу. М. З. А. С. (κατὰ δὲ ἑορτήν). В сочетании „днѣ великъ“ полная форма вообще не употребляется. Лк. 16—19. (чкѣ) кесела ѣ на кѣкъ дана скѣтала. З.; каѣкъ денъ скѣтло. М. А. С. (καθ' ἡμέραν λαμπρῶς).

В рассматриваемой конструкции местоимение каѣкъ не выделяет предмет из числа ему подобных. Роль прилагательного — лишь указать на качество предмета; эту функцию и выполняет краткая форма. Порядок слов довольно строго определен: каѣкъ, так же как и числительное единъ, предшествуют прилагательному и определяемому существительному.

§ 8. С разделительным союзом ли при наличии двух прилагательных, определяющих одно существительное, в обоих случаях выступает краткая форма.

Мф. 5—36. ѣко не можешъ каѣ единого ѣѣла ли чрзна сѣтворити. М. З. (μίαν τρίχα λευκήν... ἢ μέλαιναν).

В данной конструкции прилагательное-атрибуты характеризуют совместно с союзом ли существительное по принципу: один из двух предметов, но безразлично который, — случай, обратный уникализации предмета.

Наличие вопросительной частицы ли при прилагательном определении не всегда, однако, требует употребления краткой формы. Несмотря на то, что в семантике частицы ли заложена немалая степень неопределенности, все же другие более веские и решающие факторы могут повлиять на употребление той или иной формы. Таким фактором может оказаться, например... вышеупомянутость, когда речь идет о конкретном, ранее известном предмете („не то ли самое доброе сѣмя ты посеял?“).

Мф. 13—24 и 27. Подобно ѣтъ цѣсарство небесное члвкоу сѣвъшоу добро сѣма на сѣлѣ своемъ. ... — пришедше же раби господина рѣша емоу господи не добро ли сѣма сѣла ѣи на сѣлѣ своемъ. Ассем. к. (καλὸν σπέρμα).

Тем не менее, в Мариинском и Зографском кодексах наблюдаются следующие разночтения, очевидно вызванные семантикой частицы ли:

оуподои ѣ црѣтѣи небесное члвкоу сѣвъшоу добро сѣма на сѣлѣ своемъ. ... — пришедше же раби гина рѣша емоу ги не добро ли сѣма сѣла ѣи на сѣлѣ твоемъ. ... Мар. к.; оуподои ѣ црѣтѣи небесное чкѣ сѣвъшномуу добро сѣма на сѣлѣ своемъ. ... пришедше раби гноу рѣша ги

не добро ли была елаз еси на елаѣ твоима. Зопр. к. Во втором случае краткая форма!

§ 8. Прилагательное-определение в составе конструкции родительного части имеет также краткую форму.

Мф. 10—42. иже колиждо напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашъ стгоудены воды... М. З. А. С. (ποτήριον ψυχροῦ).

Примеры из притчи о вине и мехах.

Лк. 5—36. никтоже представлениѣ ризы новы не представлѣтъ на ризѣхъ ветхъхъ. (ἀπὸ παλίου καινού).

Лк. 5—37. ...никтоже не вливалъ вина нова въ мѣхы ветхы. (οἶνον νέον). Лк. 5—39. никтоже пивъ ветхѣхъ винъ хощетъ новоуому глѣти ко ветхѣхъ лоуѣ есѣ. (πὼν παλαιόν); аналогично — Мф. 9—16, 17.

В рассматриваемой конструкции краткая форма употребляется довольно последовательно¹. Эту последовательность легко объяснить значением родительного партитивного (количественно-отделительного) падежа, указывающего на „вещество конкретное неопределенное“².

В современном сербохорватском языке в данной конструкции может быть употреблена и краткая и полная форма прилагательного (*парче бела шећера*, *парче белог шећера*). В болгарском языке в данной конструкции членная форма не употребляется (*парче захар*, *чаша вода*; невозможно — *чашата водата* или *чаша водата*; с прилагательным: *парче бял захар*, *чаша студена вода*). В западно-европейских языках, например во французском, в соответствии с древним родительным — партитивным, употребляется в этих случаях частичный член (*article partitif*) — *un morceau du sucre*. Ф. Брюно справедливо считает, что частичный артикль имеет значение неопределенного артикля³.

§ 9. Помимо изложенных факторов первостепенного значения, требующих безусловно краткой формы, существуют и факторы, которые можно обозначить как второстепенные, ибо они, как это будет видно из материала, в иных случаях в свою очередь подчиняются другим первостепенным факторам, определяющим употребление полной формы. К второстепенным факторам, требующим употребления краткой формы, можно отнести такие переходные глаголы как имѣти и оуподобити (подобати).

а) С глаголом имѣти.

Ио. 4—11. ни погрѣшала имаша и стгоуденецъ есѣ глѣбокъ отъ кѣдѣхъ оуко имаша кодѣ жиѣхъ. М. З. (ἔχεις τὸ ὕδωρ τὸ ζῶν); Ио. 6—9. есѣ отроциштѣ еде единъ иже имѣтъ пакъ хлѣбъ ѣчанъ. М., ѣчанѣхъ. З.; ѣчанѣхъ. А. (ἔχει πέντε ἄρτους χρισθίους); Мр. 9—17. прикѣтъ ѣнъ мои къ тебе имѣштѣ дѣхъ нѣмѣхъ. М. З. С. (ἔχοντα πνεῦμα ἄλαλον); Мр. 3—30. зане глѣдѣхъ тво дѣхъ нечистѣ имѣтъ⁴. М. (πνεῦμα ἀκάθαρτον ἔχει); Мр. 3—1.

¹ Единственное исключение: Мф. 26—7. пристѣпи къ нему жена имѣшти алаѣстрѣ мѣра драга. М. З.; мѣра драгаго. А. С. (ἀλάστειρον μέτρον πολυτίμου).

² А. И. Томсон. К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса, 1903, стр. 69. Он различает два случая: „Принеси кусок хлеба, дай мне поток воды“ и т. д. выражает вещество как конкретное неопределенное, притом как пространственно ограниченное... наоборот, когда нужна напр. известная бутылка как предмет с известным содержанием, мы скажем; *принеси бутылку с вином*, или: *бутылку из-под вина*“ (там же; стр. 69 и 74): или: „Различие в представлениях между; дай мне один, два и т. д. куска мыла, и: дай мне то масло, которое на столе, такое же, как между: дай мне два карандаша, и: дай мне твой карандаш, т. е. во втором случае имеется в виду конкретное определенное вещество, в первом — конкретное неопределенное“ (там же, стр. 72).

³ F. Brunôt. Précis de grammaire historique. Paris, 1899, p. 368.

⁴ В аналогичных конструкциях: Мр. 7—25. имѣшъ дѣхъ нечистѣ. М. З. (πνεῦμα ἀκάθαρτον) Лк. 13—11. дѣхъ имѣшти неджжѣхъ. М. З. С. (πνεῦμα ἐκποῦσα ἀσθενείας); последний случай может быть рассмотрен как предикативный.

1 ВНИДЕ ПАКЫ КЪ СНАМИШТЕ 1 ВЪ ТОУ ЧЛѢКЪ СΟΥХЪ РЖКЪ ИМЫ¹. М. З. С. (ἐξηραμμένῃν ἔχων τὴν χεῖρα); Лк. 11—36. ште оубо тѣло твое кѣде сѣтло бѣдетъ не имы части едины тѣмъны. М. З. (μὴ εἶχον τι μέρος σκοτεινόν).

В приведенных примерах после глагола имѣти речь идет не о каком-либо единичном, уникальном предмете; глагол имѣти лишь указывает на то, что данное лицо обладает одним из предметов определенного рода, не выделяя этот предмет и не обособляя его².

Однако краткая форма прилагательного после глагола имѣти выступает не во всех случаях³. Возможно обладание и единичным, уникальным предметом; при этом после глагола имѣти следует указание на эту единичность⁴. Это один из первостепенных факторов. Таким фактором может являться, например, и наличие фразеологического единства или лексическое значение прилагательного, требующие полной формы.

Лк. 14—2. 1 се члѣкъ единъ имы водънзи трѣдъ вѣ прѣдъ нимъ М. А. С. (καὶ ἰδοὺ ἄνθρωπος τις ἦν ὕδρωπικός); Ио. 5—24 и кѣрж елма позлакъшнмоу ма иматъ жикота кѣузнадо М. З. А. (με ἔχει ζωτὴν αἰώνιον)⁵.

Зафиксированы случаи разночтения:

Мф. 4—24. прикѣдоша кмоу кѣа болацама ... и вѣснѣма и мѣсачнѣма зѣма недѣгы имѣща. М. зѣма З. (καὶ ὕληνιαζομένους); Мр. 4—5. аѣ де прозѣе зѣне не имѣше гѣжѣны зѣмѣнѣма. (μὴ ἔχειν βάθος γῆς). Мф. 22—11, 12. видѣ тоу чѣ не обѣзчена кѣ одѣани бѣрѣзно гѣа емоу дроуже како вѣниде сѣмо не имы одѣани бѣрѣзна М.; бѣрѣзнадо А. (μὴ ἔχων ἐνδομα γάρμου).⁶

б) С глаголом подобати (оуподобити).

Мф. 13—52. сего ради вѣсѣкз кѣнижѣникъ наоучѣ сѣ цѣрѣтѣню небѣкоумоу подобѣнъ естѣ чѣкоу доможитоу, М. З. А. С.⁷ (ὁμοίός ἐστιν ἀνθρώπῳ οἰκοδοσπότη);

Лк. 13—19. подобно естѣ цѣтѣне небѣкое зрѣноу горюшѣноу, еже приемѣ чѣкѣ. М. З. А. С. (ὁμοίᾳ ἐστὶν κόκκῳ σινάπεως; аналогично — Мф. 13—31, М. З.); Мр. 4—30, 31. 1 гѣше чѣсѣмоу оуподобимѣ цѣрѣтѣне бѣжѣне ли коси прѣтѣчи приложимѣ е тѣко горюшѣнѣ зрѣнѣ еже егда вѣсѣно бѣдетъ кѣ зѣмѣж. М. З. (ὡς κόκκῳ σινάπεως); Мф. 7—24. вѣсѣкз оубо иже слышитѣ

¹ В аналогичных конструкциях; Л. 6—8. имѣштѣмоу соухъ ржкѣ. М. З. (ἐπὶ ἄν ἔχοντι τὴν χεῖρα); Мф. 12—10. и се члѣкѣ вѣ тоу ржкѣ имы соухъ. М. З. (λεῖρα ἔχων ἐπὶ ἄν), и здесь последний случай может быть рассмотрен как предикативный. Если рассматривать его как атрибутивный, то здесь — обособленное определение, которое также требует краткой формы.

² В современном болгарском языке после глагола *имам* (нямѣм) существительное или определяющее его прилагательное выступают обычно без членной формы. Например, *имам голям чук*, *нямѣм книга*.

³ Зафиксированы еще следующие случаи употребления краткой формы: Мф. 13—5. не имѣша зѣма мѣногы М. З.; Мр. 4—5. не имѣ зѣма мѣногы. М.; Мф. 12—22. вѣ ко имѣма сѣтажѣнѣ мѣнога. М. З. С. А.; Мр. 11—22. имѣнѣ вѣрж бѣжѣ. М. З.; Мр. 1—34. имѣшта разѣчѣны еѣма. М. З.; Лк. 4—40. имѣахъ болацама недѣгы разѣчѣны. М. З.

⁴ В исследуемых кодексах примера с прилагательным не обнаружено; зафиксирован пример с причастием: Мр. 12—6 ште же имѣаше единго сна възлюбѣннаго своего. М. З.

⁵ Аналогично: Ио. 3—15, 16; Ио. 3—36; Но. 5—39; Ио. 6—40; Но. 6—47; Но. 6—54; Но. 20—31; Мф. 19—16.

⁶ В этом примере, с одной стороны, глагол *имамъ* требует употребления краткой формы, с другой — прилагательное, определяющее предмет по его предназначению (в данном случае *кѣчѣнѣ*), почти всегда выступает в полной форме (см. § 19). Предмет в этом примере упоминается впервые, к тому же с отрицанием, и выступает в полной форме, а во втором случае в краткой (в Мр. к.).

⁷ В аналогичном контексте — Мф. 20—1. подобно естѣ цѣрѣтѣне небѣское чѣкоу доможитоу. М. А. С. (ἀνθρώπῳ οἰκοδοσπότη).

словеса моѣ си и творитъ ѣ оуподобѣи и мѣжѣ мѣдрѹ. М. З. С. (ὁμοιωθήσεται ἄνδρι φρονίμῳ): Мф. 7—26. и вѣтъкъ слышави словеса моѣ си и не творѣи ихъ оуподобитъ сѧ мѣжѣ коуѣ. М. З. А. С. (ὁμοιωθήσεται ἄνδρι ὑποφῶ).

Отметим, что во всех приведенных примерах¹ не зафиксировано ни одного случая, где бы лексическое значение прилагательного или характер конструкции с существительным требовали употребления полной формы (т. е. где бы действовали первостепенные факторы, требующие полной формы). Краткая форма после глагола подобаети (υποδοῦναι) фиксируется без колебаний, ибо глагол указывает на то, что данное лицо (предмет) обладает таким же свойством, как и лицо (предмет), определенное полным прилагательным, которое ничем не выделяется из ряда ему подобных, выступая лишь ординарным представителем этого ряда (ср. § 10а).

§ 10. Прилагательное, определяющее существительное наряду с указательным местоимением, выступает всегда в полной форме.

а) С указательным местоимением сѧ, си, се.

Мф. 25—40. понеже сѧтвористе единомуѹ отъ сѧхъ малыхъ братѣ моѹхъ манашихъ. М. З. А. С. (ἐν τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων); Мф. 25—29. ꙗко не имамъ пити юже отъ сего плода лозанаго. М. З. А. С. (ἐκ τούτου τοῦ γένιματος τῆς ἀμπέλου); Лк. 16—28. да не и ти приидѣтъ на мѣсто се мѣчаное. М. З. А. С. (εἰς τὸν τόπον τοῦτον τῆς βρασάνου); Мр. 12—43. ꙗко вѣдоуца си оукога мнѹже вѣтъхъ вѣрѣже. М. З. А. С. (ἡ χηρά αὕτη ἡ πτωχή); Мр. 8—38. иже ко аште постыдитъ сѧ мене... вѣ родѣ семѣ прѣмѣодѣимѣ и прѣшнѣемѣ. М. З. А. С. (ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ μοιχαλίδι καὶ ἀμαρτωλῷ); Мф. 12—45. тако вѣдетъ и родѹ семѹ лѣкавоуемоѹ. М. З. (τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ πονηρᾷ); Мр. 13—2. рече емоѹ ки(ди)ши ли великаѧ си зѧданиѣ. М. З. (ταύτας τὰς μεγάλας οἰκοδομὰς); Мр. 1—27. ꙗкоже сѧ вѣси ... чѣто оуко вѣтъ се чѣто оучение новѹе се. М. (τί ἐστιν τοῦτο διδάχῃ καὶ νῇ).

Постпозиция или препозиция указательного местоимения по отношению к прилагательному не играет в данном случае особой роли; так, последний пример в Зогр. к. имеет иной порядок слов: оучение се новѹе (Мр. 1—27).

б) С указательным местоимением тѣ, тѧ, то.

Мф. 24—48. аште ли речетъ зѧлы рабѣ вѣ рѣдѧци евоѣмѣ. З.; зѧлы рабѹт. А.; зѧлы тѣ рабѣ. С. (ὁ κακὸς δούλος).

в) С указательным местоимением онѣ, она, оно.

Ио. 16—13. егда же придетъ онѣ ахъ истинѣны. М. З. А. С. (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας).

Случаи употребления указательного местоимения и прилагательного как атрибутов существительного в общем немногочисленны. Сравнение исследуемых кодексов и их разночтений показывает, что полная форма прилагательного выполняет иногда как бы ослабленную функцию указательного слова. Указательное местоимение выступает часто в качестве дополнительного, более энергичного определения. Так, в соответствии с приведенным выше примером с указательным местоимением из Зогр.

¹ Этим исчерпываются примеры на употребление прилагательного в конструкции с существительным после глагола подобаети: в текстах еще много примеров с краткой формой причастия в аналогичной конструкции, например; Мф. 13—24. оуподѣи сѧ цр҃ствѣи нѣбескѹ чл҃вкоу сѣкъшоу добро сѣмѣ. М. З. А. и подобные, всегда с краткой формой причастия.

Асsem. и Савв. кн. (Мф. 24—48) в Мар. к. фиксируем: *аште ли речетъ зълаи раба къ рѣдци косяма*; а в соответствии с примером Мф. 26—29 можно привести аналогичный пример с разночтением: Лк. 22—18. не имамъ пити отъ плода сего лознаго. З., в то время как в Мар. к. только прилагательное в полной форме: *отъ плода лознаго* (*ἀπὸ τοῦ νῦν ἀπὸ τοῦ γενήματος τῆς ἀμπέλου*).

В аналогичной позиции в современном сербскохорватском языке употребляется и полная и краткая форма прилагательного, хотя полная форма, бесспорно, более обычна (чаще, например, *тај лаки и лепи занат*, чем *тај лак и леп занат*). Можно предположить, вопреки мнению А. Белича¹, что употребление краткой формы в рассматриваемой конструкции — явление сравнительно позднего порядка. Об этом нам, как будто, говорят факты других славянских языков. В древнерусском в подобных случаях довольно последовательно выступает полная форма прилагательного²; в современном словенском языке, главным образом разговорном, так называемый препозитивный „член“, развившийся из указательного местоимения и являющийся позднейшим наслоением, употребляется всегда с полной формой прилагательного, а не с краткой (*ta stāri* наряду с *stār*)³; аналогично и в болгарском языке членная форма мужского рода единственного числа присоединяется исключительно к полной форме прилагательного (*белият* наряду с *бял*). Такие диалектные формы как *наш'ят татку*, *чичува син*, *главеников'ят пр'апур*, употребляющиеся наряду с формами типа *цървения чул'амица*⁴, не противоречат нашему положению: притяжательные прилагательные и местоимения (в именительном падеже), видимо, не имели во время возникновения и активизации членных форм в болгарском языке, как и в старославянском, полных форм на *-и*, и потому член мог присоединяться непосредственно к краткой форме. В дальнейшем по аналогии с прилагательными типа *червеният* могло появиться и *главениковият*. Полная форма прилагательного в современном болгарском языке не может выступать без члена (исключение звательный „падеж“ — *скъпи другарю* и некоторые архаические устойчивые сочетания типа *свети Петър*). Появление постпозитивного члена полностью нарушило прежнее соотношение полных и кратких форм; член оказался новым и более сильным выразителем определенности. Можно предположить, что в первый период его развития и активизации в болгарском языке было то же положение, что и в современном тимочко-лужничком говоре, где полная форма с членом выступает как форма определенная, а полная форма без члена, наряду с краткой, как неопределенная⁵. Затем в бесчленном употреблении краткая форма вытеснила полную, что привело, видимо, в свою очередь и к тому, что с указательным местоимением в современном болгарском языке употребляется только краткая форма (*този хубав занаят*; никогда не — *този хубавият занаят*). Трудно согласиться с мнением Л. Милетича, согласно которому в старославянской конструкции *зълаи-тъ раба* мы имеем ту же членную форму прилагательного, что и в современном болгарском

¹ См. А. Белич, И. Голенищев-Кутузов, Н. Радосевич. *Сложена приведска форма у прасловенском и њено основано значење*. „III Међународни конгрес слависта“, т. 1. Београд, 1939, стр. 43.

² См. Н. Wissemann. *Die Syntax der nominalen Determination im Großrussischen*. Leipzig, 1939.

³ F. Ramovš. *Občji momenti iz razvoja slovenskega jezika*. „III Међународни конгрес слависта“, т. II, 1939, стр. 37.

⁴ С. Младенов. *Език на тракийските българи*. София, 1936, стр. 90—91.

⁵ А. Белич, *Дијалекти Источне и Јужне Србије*. Београд, 1905, стр. 428.

языке¹. Указательное местоимение в старославянском языке в конструкциях типа злыѣтъ-тъ раба, так же как и в конструкциях типа рабаѣтъ и подобных, не имело или, по крайней мере, еще не приобрело функции члена и сохраняло свое основное демонстративное значение². Отсутствие развитой категории членных форм в старославянском языке, таким образом, не создавало тех условий, которые позже в болгарском языке привели к полному распаду исследуемой категории кратких и полных прилагательных.

§ 11. В тех случаях, когда числительное единъ употребляется в значении прилагательного „единственный“ и за ним следует другое прилагательное-атрибут, последнее имеет полную форму.

Ио. 17—3. да знаѣтъ тебѣ единого истиннаго ба... (*τὸν μόνον ἀληθινὸν θεόν*).

В данном случае единъ (единственный) подчеркивает уникальность предмета, его единичность. Это хорошо иллюстрирует пример разночтения в Саввиной книге, где прилагательное истиннаѣ, употребленное без числительного единъ (единственный), стоит в краткой форме, несмотря на то, что в представлении писца „бог“ был понятием единичным: Ио. 17—3. да свѣдѣтъ тебѣ истинна ба.

§ 12. Несколько изолировано от всех других конструкций стоит конструкция, в которой прилагательное определяет существительное, выступающее в звательной форме. В этих случаях, как правило, прилагательное имеет полную форму именительного падежа. Известны лишь единичные случаи употребления звательной формы именного склонения и то лишь в мужском роде. Например, Мф. 23—26. фарисею елѣне очисти поезде канѣтрѣне стеклѣници. М. (Φαρισαῖτε τυφλέ); Мф. 25—21. рече емоу гѣ его добры рабе и блага и кѣрѣне. М. З. А. С. (*δοῦλε ἀγαθὲ καὶ πιστὲ*); то же: Л. 19—17, М. З. А.

Как видно из последнего примера, обе формы могут выступать вполне равноправно. Значительно чаще употребляется полная форма именительного падежа. Например:

(Муж. р.) Мф. 25—26. гѣ его рече емоу злы рабе и лѣны. М. З.; лѣники. А. С. (*πονηρὲ δοῦλε καὶ ὀκνηρὲ*); Мф. 18—32. гѣ его гла емоу рабе лѣкавы. М. А. С. (*δοῦλε πονηρὲ*); Л. 19—22. гла емоу ота оуѣтъ твоиха елѣдѣтъ ти злы рабе³. М. З. А. (*πονηρὲ δοῦλε*); (Ср. р.) Л. 12—32. не кон ел малое стадо. М. З. А. С. (*τὸ μικρὸν ποίμνιον*).

¹ Л. Милетич. Прилагателни членни форми в старобългарския език. „Македонски преглед“, VIII, кн. 2. София, 1932, стр. 19; см. и другие работы Л. Милетича о членной форме в болгарском языке.

² См. об этом обстоятельную монографию: Jozef Kurz. K otázce členu v jazicích slovanských, se zvláštním zretelem k staroslověnštině. „Byzantinoslavica“. Praha, r. VII, 1937—1938, стр. 212—340; r. VIII, 1939—1947, стр. 172—288. Точки зрения И. Курца придерживался также А. Селищев, см. его „Заметки по истории русского языка“ („Уч. зап. МГПИ“. М., 1941, стр. 185). Против концепции И. Курца недавно выступил И. Гылыбов, см. кн. Иван Гылыбов. За члена в български език. „Известия на Народния музей Бургас“, т. 1. София, 1950, стр. 173—227; Ив. Гылыбов. Към вопроса за члена в славянските езици с особен оглед, към старобългарския език. „Известия на Института за български език“, т. III, София, 1954, стр. 356—371 (рецензия на указанную работу И. Курца).

³ Помимо приведенных примеров, зафиксированы также: Лк. 1—3. славны тѣбѣ М. З. А.; Мр. 9—25. нѣмы глагоуши дшѣ. М. З. А. С.; Мр. 5—8. дшѣ нечисти. М. З. А. С.; Ио. 17—25. отѣ[чѣ]чи праведными. М. З. А. С.; Ио. 17—11. отѣ стѣ. М. А. С.; Лк. 4—34. стѣ ежѣн. М. З. А.; Мф. 19—16. оучителю блага. М.

Во множественном числе при обращении (звательный „падеж“) последовательно употребляется полная форма именительного падежа. Например: Мф. 23—16. *горе вамъ кожди слѣпни.* (ὀδύροι τυφλοί); аналогично — Мф. 23—24, М. Лк. 5—34. *егда можете сыи брацѣиша донадеже женихъа естѣа съ ними.* М. З. (τοὺς υἱοὺς τοῦ νυμφῶνος).

В исследуемых кодексах зафиксировано лишь два случая употребления краткой формы в звательном „падеже“.

Мр. 9—19. *онъ же отвѣщаѣа емоу гла . . . ѿ роде нечѣрнаа доколѣ къ кагъ бѣахъ.* М. З. А.; нечѣрны. С. (ὁ γενεᾶ ἄπιστος); аналогично — Лк. 9—14, нечѣрнаа и разбраштенъ. М. З. А.; нечѣрны и разбращены. С.; при этом в Савв. кн. дана последовательно во всех случаях полная форма.

Наличие полной формы в конструкции звательного „падежа“, с нашей точки зрения, закономерно. Звательный „падеж“ является изолированной синтаксически категорией, не связанной в предложении с теми или иными членами и не способной выражать субъектно-объектные или пространственные отношения и связи. Звательный „падеж“ узко ограничен, выражая лишь обращение говорящего к лицу (изредка к предмету, который воспринимается как одушевленный), к которому направлена речь. Естественно, что лицо это известно говорящему, единично и выделяется из ряда ему подобных уже тем, что именно к нему обращено высказывание говорящего. Признак лица, выраженный прилагательным, при этом выступает особенно ярко (см. вопрос о связи яркости и неяркости признака в связи с употреблением полной или краткой формы прилагательного — § 20). Отметим также, что почти во всех зафиксированных нами случаях выступают качественные прилагательные.

Материал старославянского языка отражает процесс вытеснения формы звательного „падежа“ именного склонения (кѣрлне) формой именительного падежа местоименного (кѣрлны). Исходя из значения и функции звательного „падежа“, выясняем, почему заменяющей формой оказалась именно местоименная (полная), а не именная (краткая) форма. В южнославянских языках процесс этот полностью завершен.

В современном сербохорватском языке в звательном „падеже“ всегда употребляется форма именительного падежа так называемого определенного склонения („одређена придевска промена“). Например, *„Казуј право, стари лупежу, колико си украо“* (Матавуљ). Краткая форма прилагательного в звательном падеже не употребляется (исключение представляют отдельные случаи, зафиксированные в народном эпосе, например, *„млад јуначе Страхинићу Бане!“*)¹.

В современном болгарском языке в мужском роде единственного числа при обращении употребляется полная форма прилагательного без члена (*скѣпи другарю, мили брате* и т. п.). Эту форму, с точки зрения современного состояния языка, можно считать формой звательного „падежа“, так как в остальных случаях полная форма прилагательного употребляется только с членом (*скѣпият, милият*)².

§ 13. К числу имен прилагательных, употребляющихся в функции определения только в полной форме, относятся прилагательные, образованные от наречий места и времени, а также ряд прилагательных с локативным и темпоральным значением³.

¹ T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1899, str. 196. Здесь случаи употребления краткой формы вызваны требованиями версификации.

² Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. Русск. пер. Москва, 1949, стр. 260.

³ Вопрос классификации относительных прилагательных по их значению мало разработан в лингвистической литературе. Не выяснены окончательно разряды относи-

Прилагательные, образованные от наречий места и времени. (влизѣ).
 Мр. 1—38. глѣ имѣ идѣмѣ къ ближанама вѣси и грады. М. 3. А. С. (εις τὰς ἐχομένους χωροπόλεις), Мф. 14—15. о҃тѣпоу҃рѣти народы да шедѣше въ ближанама градыца. М. 3. А.; окрѣстѣнама. С. (εις τὰς κόμας); (окрѣстѣ).
 Мр. 6—36. отпоу҃рѣти ѿ да шедѣше въ окрѣстаниихѣ селѣхѣ и вѣсехѣ. М. 3. (εις τοὺς κύκλῳ ἄγρους); Лк. 9—12. отѣпоу҃рѣти народы да шедѣше въ окрѣстѣнама вѣси і сѣла. М. 3. (εις τὰς κύκλῳ κόμας καὶ ἄγρους). (прѣмо).
 Лк. 19—30. глѣ идѣта въ прѣданиѣхѣ вѣсѣ. М. 3. (εις τὴν κατέναντι κόμην). (вѣше); Мр. 5—7. что манѣ и тебѣ нѣсѣ еше въ вѣшнѣаго. М. 3. (τοῦ θεοῦ ὀψίστου). (Ниже) Мф. 27—51. і се катѣпетѣзма цркѣнаѣ раздѣаа сѣ сѣ вѣшнѣаго краѣ до нижнѣаго на дѣкоѣ. М. 3. С. (ἐσχίσθη ἄνωθεν ἕως κάτω). (прѣдѣ) Лк. 14—8. егда звѣаа вѣдѣши цѣмѣ на бракѣ не сѣди на прѣданима мѣстѣ. (εις τὴν πρωτοκλισίαν). (послѣдѣ) Лк. 14—9. и тогда начѣнешѣ сѣ сѣтоу҃домѣ послѣдѣнѣе мѣсто дражати. М. 3. А. С. (τὸν ἔσχατον τόπον); Мф. 5—26, не изидѣши отѣ тѣаѣ донадеже вѣздѣши послѣдѣнии кодрѣнтѣ. М. 3. (τὸν ἔσχατον κοδραντήν); Мф. 27—64. і вѣдѣтѣ послѣдѣнѣа лѣстѣа горѣши прѣвѣма. М. 3. А. (ἡ ἐσχάτη πλάνη); Ио. 6—39. не погоу҃кѣма отѣ него нѣ вѣскрѣсѣнѣ и въ послѣдѣнии денѣ. М. 3. А. (ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ). (кромѣ) Мф. 25—30. і неключимааго раба вѣкрѣстѣтѣ къ тѣмѣхѣ кромѣштѣаниѣхѣ. М. 3. А. С. (εις τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον); аналогично — Мф. 8—12, М. 3. С.; Мф. 22—13, М. А. (данѣа). Мф. 11—23. прѣвѣли бѣ до данѣанѣаго данѣ. М. 3. (μέχρι τῆς σήμερον). (оу҃трѣ) Ио. 12—12. къ оу҃трѣкѣ же денѣа народѣа многа прииѣады къ празданѣкѣ. М. 3. А. С. (τῇ ἐπαύριον).

тельных прилагательных, различное понимание рамок отдельных разрядов. Классификация, данная в академической грамматике русского языка применительно к современному языку, кажется нам достаточно: логичной и убедительной, стр. 300: „а) отношение к лицу: родительские наставления, детские книги; б) отношение к животному: конский базар; в) отношение к предмету неодушевленному: золотая монета; книжная торговля; морская волна; г) отношение к отвлеченному понятию: научный труд; философский диспут; д) отношение к действию: подготовительный класс; покупательная способность; е) отношение к месту: здешние жители; тамошние нравы; ж) отношение ко времени: сегодняшнее известие; вчерашний знакомый; з) отношение к числу: двойная ширина; тройная плата“, однако недостаток этой классификации для нашей работы заключается в том, что одни разделы охватывают слишком широкий круг прилагательных (например раздел „отношение к предмету“), другие — очень узкий (например „отношение к месту“). Применение такой классификации при рассмотрении случаев употребления полной и краткой формы не даст желаемых результатов. Иную, более общую классификацию предлагает Л. Андрейчин: „Относительные прилагательные... означают, например, кому принадлежит предмет (*Петрова книга, майчини грини, ловджийска пушка*), с каким местом или временем он связан (*полски билки, селски нощи, пролетен ден, лански снят*) или из какого вещества сделан (*каменна чешма, дървена лъжица*). Классификация Андрейчина также не может нас удовлетворить (хотя бы потому, что в ней притяжательные *Петрова книга* включены в относительные). Если ее принять, а она несомненно не лишена своего основания, то прилагательные *золотой* (золотая монета) и *морской* (морская волна) окажутся в различных разрядах. Рассматриваемый материал показывает, что, с точки зрения исследуемой нами категории, между прилагательным типа *золотой* и прилагательным типа *морской* — большее различие, чем между прилагательными *морской* и *тамошний*. Прилагательные, образованные от существительных локативного значения, более конкретны лексически. Поэтому мы, вслед за Андрейчиным, причисляем к временным и местным прилагательным и те, которые выражают отношение к месту и времени (образованные от наречий и выступающие всегда в полной форме), и те, которые выражают отношение к предмету, означающему место или время (выступающие в подавляющем большинстве случаев в полной форме). Сводя эти две группы прилагательных воедино, мы, однако, не игнорируем и их различия.

В последнем примере трудно выяснить, является ли прилагательное *оутрѣ* образованным от наречия *оутрѣ* или существительного *оутро*.

Таковы случаи употребления в старославянском языке прилагательных, образованных от наречий места и времени. Все рассмотренные прилагательные входят в разряд относительных и образуют довольно тесный лексически круг слов, выражающих локативные или временные признаки предмета. К последним тесно примыкают прилагательные, образованные не от наречий, а от существительных с местным и временным значением.

(*оутро*) Мф. 6—34. не плаѣте сѧ оубо на оутрѣи оутрни бо денѧ собоѧ печѣтѧ сѧ. М. 3. (*ἢ γὰρ αὐρίον*). в Савв. кн. этому примеру соответствует субстантивированное прилагательное *оутрѣ* (*оутрѣ бо печѣтѧ сѧ собоѧ*). Мф. 27—62. Вѧ оутрѣнии же денѧ иже естѧ по параскевѣнии. М. 3. (*Τῇ δὲ παύριον ἡτίς*). (данѧ) Лк. 9—3. хѣѣзѧ нашѧ днѣбны даждѧ намѧ кѧкѧ днѧ. С.; наданѣ кѧны. 3.; насѣштѧны. М. (*τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον*). (ноштѧ) Лк. 2—8. кѣхѧх пастыри... стрѣхѣе стрѣажѧ ноштѧхѧ о стадѣ своемѧ. М. 3. А. С. (*φυλακὰς τῆς νοκτὸς*); Мр. 6—48. и при чѣтѣрѣтѣи стражи ноштѧнѣи приде кѧ нимѧ по морю хода. М. 3. С. (*φυλακὴν τῆς νοκτὸς*). (собота). Лк. 13—16. не догтоѣашѧ ли раздрѣшитиѣѧ отѧ хѣзы кѧ денѧ соботѧны. М. 3. А. С. (*τῇ ἡμέρᾳ τοῦ σαββάτου*); М. 28—1. Вѧ вечерѧ же соботѧны скитѧхѧи кѧ пѣхѧхѧ соботѧ. М. 3. А. С. (*Ὁψὲ δὲ σαββάτων*); Лк. 14—5. истрѧгнѣтѧ его кѧ денѧ соботѧны. М. 3. А. С. (*ἐν ἡμέρᾳ τοῦ σαββάτου*); аналогично — Лк. 4—16, М.; Лк. 13—4, М. (*κῆρυγὰς*) Лк. 18—18. чѧто сѧтѣорѧ животѧ кѣхѧны наслѣдѧстѣорѧхѧ¹. М. 3. А. С. (*ζωὴν αἰώνιον*); Мф. 15—41. идѣте отѧ мене проклѧтии кѧ огнѧ кѣхѧны... М. 3. А. С.; аналогично — Мф. 18—88, М. (*εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον*); Мф. 25—46. идѣтѧ ти кѧ мѧхѧ кѣхѧхѧ. М. 3. А. С. (*εἰς κόλασιν αἰώνιον*); Лк. 16—9. да егда оскѧдѣте принимѧтѧ кѧ кѧ кѣхѧныѧ крокѧ. М. 3. (*εἰς τὰς αἰώνιους σκληνάς*); Мр. 3—29. нѧ повиненѧ естѧ кѣхѧноуѧмоу сѧдоу М. (*αἰωνίου κρίσεως*).

Последовательное употребление полной формы в рассмотренных сочетаниях объясняется, с одной стороны, лексическим значением существительных, с другой стороны, лексическим значением самого прилагательного *кѣхѧны*, близко примыкающего к прилагательным темпорального значения. Во всех исследуемых нами кодексах прилагательное *кѣхѧны* употребляется только в полной форме. И. В. Ягич в словаре к Мар. к. дает лишь полную форму: *кѣхѧныи* (стр. 495). Однако в современном сербском языке возможна и краткая форма *viječan*². В представлении писца (переводчика) животѧ *кѣхѧны*, мѧхѧ *кѣхѧныѧ*, кѣхѧныи *крѣхѧты* определенные уникальные понятия ада или рая. Кроме того, такие сочетания, как животѧ *кѣхѧны*, огнѧ *кѣхѧны*, близки по своему значению к фразеологическим единствам.

§ 14. Если прилагательные с темпоральным значением (не образованные от наречий) последовательно употребляются только в полной форме, то прилагательные с локативным значением (не образованные от наречий) выступают в исследуемых кодексах в отдельных случаях, хотя и единичных, в краткой форме.

¹ Животѧ *кѣхѧны* (жизнь *кѣхѧныи*) зафиксировано в исследуемых кодексах только в полной форме: в Савв. кн. — 12 раз; в Мар. к. — 23 раза; в Зогр. к. — 18 раз; в Ассем. к. — 17 раз.

² См. Вук. Каравиѧ Српски рјечник, изд. IV. Београд, 1936, стр. 65.

(ЗЕМАНЪ) Мр. 4—5. і авѣе прозаве занѣ не имѣашѣ глѣбини ЗЕМАНЪ. М. (βᾶθος γῆς); Мр. 4—31. еже егда вѣстѣно вѣдетѣ кѣ ЗЕМАНЪ манѣ кѣстѣхѣ ѣ[...]МЕНЪ ЗЕМАНЪХѣ. М. 3. (τῶν σπεράτων τῶν ἐπὶ τῆς γῆς); Мф. 17—25. ЧТО ТИ ЕД МАНИТѣ СИМОНЕ ЦѢРЬ ЗЕМАНЪЦИН ОТА КИХѣ ПРИЕМЛЖИТѣ ДАНИ. М.; ЗЕМАНЪ. С. А. (οἱ βασιλεῖς τῆς γῆς); Мф. 24—30. і ТАГДА КѢСИПАНЖИТѣ ЕД КѢКѢ КОЛѢНА ЗЕМАНЪКАКѢ. М. С.; ЗЕМАНЪА А. (φυλαὶ τῆς γῆς). (МОРКАКЪ) Лк. 21—25. ОТА НЕЧАНИКЪ ИИМА МОРКАКАДО. М. 3. А. С. (ἔχους θαλάσσης καὶ σάλου); Мф. 18—6. ПОТОПАТѣ і Вѣ ПЖИНИКЪ МОРКАКЪНИ. М. (ἐν τῷ πελάγει τῆς θαλάσσης). (НЕКЕКАКЪ) Лк. 21—26. СИЛИ БО НЕКѢКѢ ПОДКИНЖИТѣ ЕД М. 3.; НЕКѢКѢА. А. С. (δυνάμεις τῶν οὐρανῶν); Мф. 13—47. ПОДОКЪНО ЕСТѣ ЦѢРѢТѢНИЕ НЕКѢКОЕ. М. 3. С.; НЕКЕКОЕ А. (ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν); Мф. 15—13. КѢКѢКА ЕДА ЕГОЖЕ НЕ ЕДИ ОЦѢА МОИ НЕКѢКА. М. 3. (ὁ πατὴρ μου ὁ οὐράνιος)¹.

В Савв. кн., Мар. к. и Ассем. к. зафиксировано по одному случаю употребления краткой формы:

Мф. 19—23. не ОУДОКА БОГАТОУ КѢНИТИ Вѣ ЦѢРѢТКО НЕКѢКОЕ. (εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν); Мф. 18—35. ТАКО И ОТЕЦѣА МОИ НЕКѢКА ЕДѢТОРИТѣ КАМѢА. М. (ὁ πατὴρ μου ὁ οὐράνιος); Мф. 24—36. НИКТОЖЕ НЕ КѢКѢТѣ ИИ АНѢЛИ НЕКѢАНИ. А. (οἱ ἄγγελοι τῶν οὐρανῶν).

§ 15. К этой же группе примыкает прилагательное ДЕСНА (прилагательное ЛѢКА и ПОУИ в исследуемых текстах в функции определения не зафиксированы). В качестве определения к существительному прилагательное ДЕСНА выступает почти всегда в полной форме. Например, Лк. 6—6. і КѢ ЧѢКѢКА ТѢУ и РЖКА ДЕСНАА ЕМОУ КѢ РОУХѢА. М. 3. А. (ἡ χεὶρ αὐτοῦ ἡ δεξιὰ); Ио. 18—10. і ОУРѢЗА ЕМОУ ОУХО ДЕСНОЕ. М. 3. А. С. (τὸ ὠτόριον τὸ δεξιόν).

Зафиксирован только один пример, где употреблена краткая форма:

Мф. 5—30. і АШТЕ ДЕСНА ТВОѢ РЖКА ЕДѢЛАЖНАТѣ ТѢА. М.; ДЕСНАКЪ 3² (ἡ δεξιὰ σου χεὶρ).

¹ В Мар. к. употребляется последовательно только прилагательное НЕКѢСЪ (всего зафиксировано 50 случаев, из них в полной форме 49, в краткой — 1), так же и в Зографском кодексе только один суффикс — СЪ (всего 40 случаев — всегда полная форма), в Ассем. к. последовательно лишь НЕКѢСЪ, случаи с суффиксом СЪ не зафиксированы (всего 39 случаев, из них в полной — 38, в краткой — 1), в Саввиной книге рассматриваемое прилагательное выступает и с суффиксом СЪ и с суффиксом НИ (из 39 случаев в полной форме — 38, в краткой — 1). Прилагательное НЕКѢСЪ, НЕКѢСЪ выступает в следующих сочетаниях с существительными: 1) ЦѢТКО НЕКѢКОЕ — 26 раз, (Зогр. к. 18 раз, Савв. кн. — 19 раз (и 1 раз ЦѢТКО НЕКѢКОЕ), Ассем. к. — 22 раза — ЦѢТКО НЕКѢСЪ); 2) ОЦѢ НЕКѢСЪ — Савв. кн. — 7 раз, Мар. к. — 9 раз, Зогр. к. — 7 раз и Ассем. к. — 6 раз — ОЦѢ НЕКѢСЪ; 3) ПТИЦѢ НЕКѢСЪ — Мар. к. — 8 раз, Зогр. — 8 раз; Савв. кн. — 2 раза (и 2 раза ПТИЦѢ НЕКѢСЪ) и Ассем. к. — 5 раз — ПТИЦѢ НЕКѢСЪ; 4) СИЛИ НЕКѢСЪ Мар. к. — 2 раза; Зогр. к. — 2 раза; Савв. кн. — 2 раза — СИЛИ НЕКѢСЪ и Ассем. к. — 2 раза — СИЛИ НЕКѢСЪ; 5) АНИЛИ НЕКѢСЪ — Мар. к. — 1 раз, Зогр. к. — 1 раз, Савв. кн. — 1 раз (и один раз АНИЛИ НЕКѢСЪ), Ассем. к. — 1 раз — АНИЛИ НЕКѢСЪ; 6) КОИХѢ НЕКѢСЪ — Мар. к. — 1 раз, Зогр. к. — 1 раз, Савв. кн. — 1 раз, Ассем. к. — 1 раз КОИХѢ НЕКѢСЪ; 7) СѢ ОБЛАКИ НЕКѢСЪ (на ОБЛАКѢХѢ НЕКѢСЪ) Мар. к. — 3 раза, Зогр. к. — 3 раза, Ассем. к. — 2 раза на ОБЛАКѢХѢ НЕКѢСЪ.

Кроме того, в кодексах встречается форма МОРКѢКѢ в заглавии: „О МОРКѢКѢХОЖЕНИИ“, Мар. к. — 114—17; 113—9.

² Всего в полной форме (ДЕСНАА, ДЕСНОЕ, ДЕСНЪ) употреблено: в Савв. кн. — 2 раза; в Мар. к. — 6 раз; в Зогр. к. — 7 раз; в Ассем. к. — 3 раза, в краткой форме — 1 раз в Мар. к.

§ 16. В современном сербском языке во всех рассмотренных случаях (и в тех, когда прилагательное выражает отношение к месту и времени и образовано от наречий, и в тех, когда прилагательное выражает отношение к предмету или понятию, означающему место и время) употребляется полная форма. Например: *оближњи, околњи, виши, (вишњи), предњи, последњи, данашњи, сјутарњи, јутрањи, дневњи, ноћњи, суботњи*, а также *земаљски, морски, небесни, (небески), дeсњи, леви* и т. п. Притом в современном сербском языке, в тех случаях когда в атрибуте существует только одна полная форма, в сказуемом невозможно употребление краткой формы (см. далее § 40). Только полную форму имеют все прилагательные на *-ски* и прилагательные локативного и темпорального значения, выражающие отношение к отдельным строениям и учреждениям (значения, близкие к местным, — например: *кѹћњи, собњи, башчењни*) и к некоторым отдельным единичным предметам¹. Все они объединены либо в указанные лексические группы, либо своей тесной связью с притяжательными прилагательными (прилагательные на *-ски*; см. стр. 81). Переход в разряд прилагательных, имеющих только одну полную форму, не связан исключительно с моментом словообразовательного порядка, как это можно было бы предположить в связи с суффиксом *-ски* и как это имеет место в современном болгарском языке, а с лексическим значением самого прилагательного. Так, прилагательные с суффиксом *-ан* (краткая форма) из *-ън-* в большинстве случаев имеют обе формы (*златан — златни; књижан — књижни*), и лишь прилагательные указанного лексического круга имеют одну полную форму (*небесни*). Это положение об употреблении только одной, полной, или двух, полной и краткой, форм распространяется в современном сербском языке не только на прилагательные, относящиеся к общеславянскому словарному фонду, известные и в старославянском языке, но и на прилагательные новые, заимствованные. Например, *сатњи* — часовой (от турец. *saat* — „час“) — только полная форма и *челичан, челични* — стальной (от турец. *çelik* — „сталь“) — и краткая и полная форма.

Факты современного болгарского языка представляют для нас также известный интерес. Появление членной формы (*ът, та, то*) было решающим фактором, направившим развитие категории кратких и полных форм прилагательных по иному, чем в других славянских языках, пути. Возникла, как указывалось, тенденция замены полных форм прилагательных без члена краткими. Эта тенденция сильна и в современном языке (исключение представляют прилагательные на *-ски*, где полная форма тесно связана с суффиксом, — *български, политически*); так, многочисленные заимствования передаются обычно краткой формой: *бивши* > *бивш*, несмотря на протесты болгарских грамматистов („Руски са в днешни книжевни обиход *висши-повисок, горни, и низши = понизък, долни, окастрени* и до *висш* и *нисш*!“)².

§ 17. Помимо группы временных и местных прилагательных, четко выделяющихся из всех других групп, можно выделить еще несколько рядов относительных прилагательных, имеющих в исследуемых текстах преимущественно или исключительно полную форму. Такова, прежде всего, группа прилагательных, означающих отношение детали или части предмета к его целому. Это главным образом прилагательные, образованные от существительных, обозначающих какое-либо строение или сооружение, например:

¹ См. Т. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, str. 459.

² См. А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 77.

Мф. 27—51. і се катапетазма цркѣнаѣ раздѣра сѧ. М. З. А. С. (τὸ καταπέτασμα τοῦ ναοῦ); Лк. 23—45. и помръче сѧзнаце і катапетазма цркѣнаѣ раздѣра сѧ. М. З. А. С. (τὸ καταπέτασμα τοῦ ναοῦ); Лк. 4—9. и постави и на крѣѣ цркѣнаѣма. М. З. А. С. (ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ).

Ряд исследователей справедливо отмечает близость значения этих прилагательных к значению принадлежности¹; следует отметить также их близость к прилагательным локативного значения.

В современном сербском языке эти прилагательные также выступают в полной форме: црквѣнѣи (см. также ниже), кѹћнѣи, башчѣнѣи и т. п. Только полную форму в современном сербском языке имеют и прилагательные, выражающие отношение к различным частям тела: нѡснѣи, врѣтнѣи, рѹчнѣи, лѣђнѣи, зѹбнѣи, крѡнѣи и т. п. К сожалению, в исследуемых нами старославянских текстах подобные прилагательные не обнаружены.

§ 18. Наконец, можно выделить прилагательные, представляющие характеристику предмета по его предназначению. Эта группа охватывает довольно широкий круг прилагательных с различными оттенками значения.

Мф. 24—1. і пристѣпиша къ немуѹ оученици его показати емуѹ зѣданѣѣ цркѣнаѣ. М. (τὰς οἰκοδομὰς τοῦ ἱεροῦ); Мф. 23—16. а иже казнѣтъ сѧ златомъ цркѣнымъ. М. (ἐν τῷ χρυσῷ τοῦ ναοῦ).

В этих случаях также можно отметить близость значения данных прилагательных к притяжательным.

Наличие полной формы цркѣнаѣи можно объяснить также и тем, что в контексте имеется в виду одна единственная церковь, и прилагательное, таким образом, выражает отношение к единичному предмету. Однако и в других прилагательных данной группы, где подобный момент отсутствует, фиксируется, в основном, полная форма.

Лк. 16—2. вѣздаждѧ отѣкѣтъ о пристѣпленнѣи домоуаѣма. М. З. (τῆς οἰκοδομίας); Мр. 10—4. повелѣ мози кѡнигы распоуѣтанѣима написати. М. З. (βιβλίον ἀποστασίου); Мр. 9—42. доврѣе емуѹ естъ паче аѣе обложѣтъ камена жрѣновѣи о кѡи его. М. З. (λίθος μολικός); Лк. 17—2. оунѣе емуѹ би было аште би камена жрѣновѣима вѣзложенъ на кѡиъ его. М. З. (λίθος μολικός).

§ 19. В некоторых случаях, как видно и из приведенных выше примеров, прилагательное с существительным выступает в качестве фразеологической единицы, образуя с ним вместе словосочетание, которое разложимо грамматически и соответствует прочим синтаксическим сочетаниям, но отличается от последних неразложимостью своего лексического значения. Эта лексическая неразложимость выделяет предмет из ряда ему подобных, делает его единственным в своем роде, отличным от других предметов. Поэтому наличие в таких фразеологических сочетаниях полной формы прилагательного, притом исключительно полной формы, вполне закономерно.

а) Полная форма последовательно употребляется в терминах родства:

Л. 8—42. іако дѣци иночадама боѣше еѹмоу. С. В других кодексах — краткая форма, так как прилагательное входит составной частью в сказуемое: ꙗко дѣци иночада вѣ еѹмоу. М. З. А. (θυγάτηρ μονογενῆς ἢ αὐτῷ); Ио. 1—18. бѧ никѣгоже не видѣ николиже иночада сѧъ. М. З. А. (μονογενῆς).

¹ См., например В. А. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Л., 1952 (канд. диссерт.).

б) В терминах, обозначающих род занятий, титул, звание:

Л. 22—52. рече же ѿ кѣ пришедѣшимъ на нѣ архіереомъ і стратигомъ црквинымъ. М. З. (στρατηγούς τοῦ ἱεροῦ); Мф. 26—3. тѣгда сѣкзраша сѣ архіерси и книжзници и старѣци людастии. М. З. А. С. (οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ); Мр. 2—19. еда можѣтъ снѣе брѣчанин поситити сѣ (οἱ υἱοὶ τοῦ θυμῶνος).

Аналогично — Мф. 9—15, М.; Лк. 5—34. М. З.

Аналогично при именах, прозвищах: Мр. 16—40. кѣ ни хѣ же кѣ... і маріѣ ѿкоба малаго. М. З. (ἡ Ἰακώβου τοῦ μικροῦ).

в) в названиях болезней:

Лк. 14—2. і сѣ члвкъ єдинъ имѣ кодѣзни трѣдѣ кѣ прѣдѣ нимъ. М. С. А. (ἄνθρωπος τις ἦν ὑδρωπικός).

Число подразделов устойчивых сочетаний можно было бы при желании увеличить; например, сочетание камня жрѣнокѣни может быть отнесено также в настоящий раздел и истолковано как технический термин.

Наконец, к числу фразеологических единиц можно причислить и такие сочетания, как, например, дѣна сѣдѣни.

Мф. 12—36. кѣзѣдѣдѣтъ о немѣ слово кѣ дѣна сѣдѣни. М. З. А. С. (ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως).

Характерен пример из оглавления книги от Марка, где дано толкование рассматриваемого сочетания: () сѣдѣнѣма дѣнѣ си рѣча о конѣ чинѣ. М.

Однако следует подчеркнуть, что говорить о фразеологических единицах в старославянском языке в том же плане, как мы говорим о них применительно к современному русскому языку, очень трудно. Язык старославянских памятников, всего на сто лет отстоящий от языка первых переводных книг славянской письменности, не имел (или по крайней мере мы его не знаем) предшествовавшего ему литературного языка. Многие фразеологические сочетания (например, стратигъ црквины, сѣдѣни людастии и т. п.), возникшие в связи с новыми религиозными воззрениями, были в старославянском языке новыми, в основном образованными по греческому образцу. Впоследствии, с установлением более прочной книжной традиции, все они стали фразеологическими единицами, но в период написания первых старославянских памятников и их ранних копий многие из них могли еще не ощущаться таковыми. Следует также учитывать, что нашей задачей является не рассмотрение устойчивых сочетаний и их типов в старославянском языке, а объяснение наличия в них полной формы.

Если, скажем, такой пример, как „дѣна сѣдѣни“, не воспринимать в качестве фразеологического единства, то все равно наличие полной формы объясняется лексическим значением существительного дѣна, которое в сочетании с прилагательным сѣдѣнѣ означает определенное, единичное понятие.

Некоторые из прилагательных, приведенных выше (во фразеологических единствах) в функции определения употребляются только в полной форме (например, црквины), некоторые (например, брѣчны, малы) в иных сочетаниях выступают и в краткой форме.

В современном сербо-хорватском языке в этих случаях последовательно употребляется полная форма. Например: термины родства — *стари сват* (сват), *крштени кум* (крестный); имена, прозвища — *глупи Август* („рыжий“ в цирке); названия болезней, растений, животных — *црвени ветар* (рожа), *бели лук* (чеснок), *бели медвед* (белый медведь). Вне

этих сочетаний прилагательные *стар, глуп, бео* и так далее могут употребляться и в краткой форме. (Ср., например: *лепи човек* — бальзамин и *леп човек, лепи човек* — красивый человек).

Нужно предположить, что при возникновении устойчивых сочетаний, ставших позднее лексическими единствами, выражающими одно понятие, признак, обозначенный прилагательным, ощущался еще довольно ярко (прежде всего в тех случаях, когда это было качественное прилагательное); но достаточно ему было обратиться в постоянный признак (ср. в сербском языке *белый медведь* — постоянный, но *глупый медведь* — непостоянный — *један бели медвед* и *један глупав медвед*), стать определенным и неизменным, как указание на качество, качественный признак предмета (*бели медвед* или *бели лук* — указание на то, что медведь и лук — белый) стало все больше и больше стираться, тускнеть, в некоторых случаях исчезло совершенно в сознании говорящих, приобретая иную функцию — функцию указания на определенный предмет, выделяющую этот предмет из общего рода ему подобных, хотя этот определенный предмет и не был единичным.

§ 20. Выше говорилось о том, что в ряде случаев трудно применить термин „фразеологическое единство“ к отдельным сочетаниям прилагательного и существительного в старославянском языке, соответствующим устойчивым фразеологизмам в современных славянских языках. Еще труднее применить к старославянскому языку понятие о постоянных эпитетах, вводимое некоторыми исследователями в научный обиход при рассмотрении синтаксических функций прилагательных в древнерусском языке¹.

Тем не менее, попытаемся рассмотреть употребление прилагательных, которые могут быть восприняты как постоянные эпитеты, и объяснить наличие в них краткой формы. Такое рассмотрение даст нам возможность выяснить, сколь применимо по отношению к старославянскому языку положение об „эпитете“.

(истинанъ) Ио. 14—16, 17 да вѣдѣтъ сѧ вами вѧ вѣкъ ѿ хъ истинанъ
М. З. А. С₉₁ (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας), однако в том же контексте
И. 14—17. С₁ ѿ хъ истинанъ.

¹ Понятие эпитета как фактора, определяющего употребление полной формы, было впервые выдвинуто Е. И. Истриной: „Обращаемся к определению в местоименной форме. Как уже было указано, местоименная форма употребляется в Синодальном списке тогда, когда определение не имеет в общем смысле предложения существенного значения и не отличается энергичностью проявления. Сюда относится, прежде всего, целый ряд определений, каковые могут быть названы эпитетами; они постоянно употребляются при определенных существительных, составляя с ними как бы одно целое. Таковы выражения: скатын архипискупъ, скатаю богородица, скатам софия, скатам цркви, чьстѣнын крстъ, истинъная вѣра, правѣи вѣра, богоявленъ архипискупъ, блаженъ архипискупъ, сканънин татарки, оканънин пелсвчн, поганънин исповѣдникъ и т. п. Для синтаксического понимания таких определений нет нужды приводить целые предложения: эти определения тесно примыкают к своим определяемым; в общем смысле предложения значение их так слабо, что они могут быть даже выброшены из предложения, не нарушая тем его общего смысла“ (Употребление именных и местоименных форм прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. ИОРЯС, XXIII, кн. 1, стр. 47—48). Е. С. Истрина, к сожалению, не обращает должного внимания на лексическое значение прилагательных и существительных, входящих в состав приведенных ею примеров. Однако, она дает сравнительно узкий лексически круг слов (чины и церковные реалии, названия народностей и т. п.), тем самым как бы ограничивая ими круг постоянных эпитетов. Значительно дальше Е. С. Истриной идет В. А. Георгиева. В ее исследовании, например, все качественные прилагательные делятся на две основные группы: 1) прилагательные характера эпитетов и 2) все остальные, причем в разряд эпитетов включаются такие прилагательные, как жалостныя и радостныя слезы, свѣтъ твой красивый, зломоу оубиствоу, злый свой глас, храбрая мысль. При такой классификации грань между прилагательными-эпитетами и прилагательными не-эпитетами стирается совершенно.

С указательным местоимением без колебания: Ио. 16—13. она дх̄а истинна̄ны. М. З. А. С.

С числительным едина̄ — единственный: Ио. 17—3. да знайт̄а тебе единого истинна̄аго ба. М. З. А. С. (τὸν μόνον ἀληθινὸν θεόν).

Без числительного едина̄ — единственный: истинна̄ны ба. Ио. 17—3. С₂, хотя следовало бы ожидать истинна̄аго ба̄. Случай без разночтений: Ио. 15—1. аза ема̄ лоза истинна̄а̄к. М. З. А. С.₉₃. С₃. (ἐγὼ εἰμι ἡ ἀμπέλος ἡ ἀληθινή); Ио. 6—32. на̄ отца̄ моӣ даст̄а вам̄ хлѣба̄ истинна̄ны с̄а̄ ме̄се. М. З. А. (τὸν ἄρτον . . . τὸν ἀληθινόν).

Случай с разночтениями: Ио. 1—9. кѣ̄ свѣт̄а̄ истинна̄ны иже̄ проскѣпшт̄ает̄а̄ вѣт̄кого̄ чка̄. М. З.; истинна̄ны̄ А. (τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν); Ио. 4—23. на̄ гра̄дет̄а̄ година̄ и нынѣ̄ ест̄а̄ егда̄ истинна̄ны̄ поклонанӣцы̄ поклонат̄а̄ с̄а̄. М.; истинна̄ны̄ А. (οἱ ἀληθινοὶ προσκυνῶσι). Ио. 6—55. пакт̄а̄ ко̄ моѣ̄ истинна̄но̄ ест̄а̄ бра̄шно̄ і̄ кз̄к̄а̄ моѣ̄ истинна̄но̄ ест̄а̄ пибо̄. М.; истинна̄но̄е̄ — первый̄ случай. З. (ἡ γὰρ σὰρξ μου ἀληθῆς ἐστὶν βρωσίς καὶ τὸ αἷμά μου ἀληθῆς ἐστὶν πόσις).

(нечист̄а̄) Употребление полной формы: Лк. 11—24. егда̄ же̄ нечисты̄ны дх̄а̄ изидет̄а̄ от̄а̄ чка̄. М. З. (τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα); аналогично — (Мф. 12—43, М. З.; Мр. 1—26, [М. З.; Мр. 9—25. за̄прѣтӣ дх̄оӯ нечистоӯ (οὐ)моӯ гла̄ емоӯ. М. З. А. С. (τῷ πνεύματι τῷ ἀκαθάρτῳ). Аналогично — Мф. 9—25, М. З. А. С.; Лк. 8—29, М. З. А. С.; Лк. 9—42, М. З. А. С. В этих примерах полная форма употреблена, видимо, потому, что речь идет об едином злом начале, бывшем в представлении писца единичным понятием.

Мр. 5—8. гла̄ емоӯ изидӣ дше̄ нечисты̄ны от̄а̄ чакка̄. М. З. (τὸ πνεῦμα τὸ ἀκάθαρτον). Здесь звательная форма требует употребления полной формы.

Полная форма выступает также и во множественном числе¹: Мр. 3—11. егда̄ видѣах̄ж̄ ӣ дсӣ нечисты̄ны припадах̄ж̄ к̄з̄ немоӯ. М. З. (τὰ πνεύματα τὰ ἀκάθαρτα); аналогично — Мр. 5—13, М. З.; Лк. 4—36. ꙗко̄ влает̄ӣж̄ ӣ сина̄ж̄ велит̄а̄ нечисты̄ным̄ дх̄м̄з̄. М. З. А. (τοῖς ἀκαθάρτοις πνεύμασιν); аналогично — Мр. 1—27, М. З.; Мф. 10—1. даст̄а̄ им̄з̄ влает̄а̄ на̄ дх̄а̄ нечисты̄х̄. М. З. С. (πνευμάτων ἀκαθάρτων); аналогично — Мр. 6—7, М. З.

Употребление краткой формы:

Мр. 7—25. слышавшӣ же̄ жена̄ о̄ нем̄а̄ еѡже̄ дз̄штӣ имѣаще̄ дх̄а̄ нечист̄а̄. М. З. (πνεῦμα ἀκάθαρτον); Лк. 4—33. к̄з̄ с̄знамиш̄тӣ кѣ̄ чак̄а̄ им̄з̄ дх̄а̄ кѣ̄са̄ нечист̄а̄. М.; им̄з̄ дх̄а̄ в̄з̄с̄а̄ нечист̄а̄. З.; вѣс̄а̄ нечист̄а̄. А. (ἔχων πνεῦμα σατανᾶ ἀκάθартου); Мр. 3—30. зане̄ гла̄ах̄ж̄ ꙗко̄ дх̄а̄ нечист̄а̄ имат̄а̄. М. В этих случаях наличие краткой формы обусловлено глаголом имѣти.

Или: Мр. 1—23. кѣ̄ на̄ сон̄змӣ(ци)х̄з̄ чак̄а̄ нечистом̄з̄ дх̄м̄з̄. М. З. (ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ), аналогично — Мр. 5—2, М. З.; Мр. 7—2. видеах̄ше̄ едины̄ от̄а̄ оученик̄а̄ его̄ нечистом̄з̄ р̄ж̄кама̄ сӣ р̄ѣча̄ не̄ оум̄а̄кенама̄ ꙗ̄д̄ж̄ш̄т̄а̄ хлѣба̄. М. З. (ὅτι κοιναῖς χερσίν . . . ἐσθίουσιν). В первом случае — прилагательное в творительном падеже является атрибутом существительного, определяющего совместно с ним другое существительное (атрибутивная

¹ Укажем, что в текстах исследуемых кодексов слова, обозначающие злое начало, даны то в единственном числе (изидӣ дше̄ нечисты̄ны. Мр. 5—8), то во множественном (нш̄д̄ах̄ше̄ дсӣ нечисты̄ны. Мр. 5—13).

связь не с существительным $\chi\alpha\kappa\lambda$, а с существительным $\delta\chi\lambda$, во втором — прилагательное совместно с существительным управляется действительным причастием настоящего времени, выражая образ действия.

Из многочисленных конструкций с прилагательным несчитая зафиксирован только один случай разночтения:

Лк. 6—18. и стражаѣштен отъ дѣла нечиста исцѣлѣхъ ел. М. З. А.;
и стражаѣмихъ отъ дѣла нечистыхъ исцѣлѣхъ ел. С. (ἀπο πνευμάτων
ἀκαθάρτων).

Случай этот, как видно из контекста, — наиболее нейтральный; синтаксическая связь конструкции и ее лексическое значение не требуют категорически употребления полной или краткой формы¹.

Употребление полной формы в рассмотренных сочетаниях вызвано не тем, что прилагательные не отличались энергичностью проявления, а тем, что они, определяя существительное, придавали ему, в большинстве случаев, значение конкретного, часто единичного предмета или понятия². В случаях, когда не было необходимости уникализировать предмет, подчеркнуть его определенность и единичность, когда предмет, сам (совместно с прилагательным) давал качественную характеристику другого предмета или действия, употреблялась краткая форма.

Приведем еще случаи употребления прилагательного *правдливый*.

Мф. 21—32. приде ко нона крстителя пѣтема праведномѣ. М. (ἐν ὁφ̄ δικαιοσύνης); Ио. 7—24. не сждите на лица на праведны сждѣ сждите. М. 3. А. (τὴν δικαίαν κρίσιν κρίνετε); Мф. 23—35. да придетъ на вы кѣтка крѣва праведна проливѣма на землѣ отъ крѣве авела праведнаго. М. (Ἐλθὲ τοῦ δικαίου); аналогично — Лк. 9—51, М. В сочетании авела праведнаго прилагательное определяет собственное имя, является частью этого имени (см. § 19).

В звательной форме:

Ио. 17—25. ¹⁷отъ(тъ)че праведныхъ миръ тебе не познѣ. М. З. А. С.
(πατήρ δικαίαις).

Во всех указанных примерах наличие полной формы закономерно; столь же закономерно и наличие краткой формы в следующих примерах: Мф. 23—35. да придетъ на вы кыска крѣзъ праведна проливаема на земѣхъ. М. (παῦ ἀίφα δίκαιον). Здесь предмет не уникализирован (кыска, см. § 7) в противоположность крѣзѣ двема праведнаго, где одно, определенное лицо. Или: Лк. 23—50. се мѣжъ именема исифъ свѣтъника сы мѣжъ блгъ и праведнъ. М. 3. (ἀνθρ ἀγαθὸς καὶ δίκαιος); Мр. 6—20.

и родъ къ вѣдѣше сѧ икона вѣдѣи и мѣжа праведна и сѧ. М. 3. А. (ἄνθρωποι δίκαιοι καὶ ἄγιοι); Мф. 23—28. тако и вы вѣнчаеши оубо акаѣте сѧ члвкомъ праведни. М. (τοὺς ἀνθρώπους δίκαιοι). Здесь прилагательное характеризует существительное, которое в свою очередь является определителем другого существительного — приложением (мѣжа благъ и праведна) — или частью составного сказуемого (вѣдѣи и мѣжа праведна и акаѣте сѧ члвкомъ праведни); не определяя непосредственно данное

¹ Краткая форма в данном сочетании более уместна, прилагательное выступает в конструкции, определяющей причину состояния, выраженного действительным participium настоящего времени (в данном случае — субстантивированным).

² Отметим, что почти все реликтовые случаи употребления кратких форм в функции определения в русском фольклоре, например, относятся к постоянным эпитетам: *добр молодец, красна девица* и т. п. (см. примеры в статье: Я. Автомонов. Нечеленные прилагательные в качестве определения ЖМНП, ч. XV (новая серия), 1908, стр. 398—414).

лицо или предмет (в данном случае — *исифъ, иоанъ, кы*), прилагательное выступает в краткой форме.

Обратив внимание на случаи употребления краткой формы прилагательного в приведенных примерах, легко убедиться в том, что краткая форма выступает отнюдь не тогда, когда необходимо подчеркнуть энергичность проявления признака (например, *да придетъ на кы вѣстка кракъ пражедны*), точно так же, как и употребление полной формы, как уже говорилось, не вызвано слабым проявлением признака предмета (например, *не ѡждитѣ на лица нъ пражедны ѡжда ѡждитѣ*). Естественно, что постоянство признака несколько ступеневывает его яркость, но, тем не менее, оно не низводит его до полной бесцветности и потери лексической насыщенности. Едва ли такое определение может быть легко выброшено из контекста, не изменяя значения последнего. Например: ...*да съ вѣдми ѡждетъ въ вѣкъ дѣхъ (истинны)*; ...*аза ѡсма лоза (истиннаа)*...; ...*приде во иоанъ крѣтитѣлѣ нѣтѣмъ (пражедномъ)*...; ...*не ѡждитѣ на лица нъ (пражедны) ѡжда ѡждитѣ*; и т. п.

Таким образом, факты старославянского языка принуждают нас решительным образом отказаться от выделения отдельной группы прилагательных на основе их особой стилистической функции — эпитета. Эпитет как понятие стилистическое — имеет к тому же преходящий, исторический характер. Устанавливая факторы, определяющие употребление краткой (resp. полной) формы, мы учитываем три основных определяющих момента: синтаксический, лексический и отчасти связанный с ними словообразовательный (например, суффикс *-ов-, -ьск-*). Мы ни в коем случае не можем принять определяющим фактором момент стилистический. И если наличие постоянного эпитета в известной мере определяло в эпоху древнерусской письменности (в особенности поздней) употребление той или иной формы, то в эпоху старославянского языка оно не имело решающего значения.

§ 21. Рассмотренные выше лексические группы относительных прилагательных (темпоральные и локативные, означающие отношение детали или части предмета к его целому, характеризующие предмет по его предназначению) отличаются тем, что свойство предмета, выраженное прилагательным, не содержится в самом предмете, а привносится извне (например, *последний дом, летошний снег*). Этому большому разряду прилагательных, к которым примыкают и притяжательные (*Петров дом*, см. далее § 30), противостоит разряд относительных и всех качественных прилагательных, которые выражают внутреннее свойство (качество) предмета, присущее ему по самой его природе (*деревянный дом, белый снег*)¹. Подобное разграничение принимается во внимание не всеми исследователями, однако для нашего вопроса оно нам представляется нужным и важным. Материал показывает, что принадлежность прилагательного к той или иной группе в известной мере влияет на употребление полной или краткой формы.

§ 22. Относительные прилагательные, выражающие отношение к отвлеченному понятию и обозначающие содержание предмета.

(*сѣмръгѣтъ*) Мф. 4—16, *і сѣдѣшѣтѣмъ въ тѣмѣ і въ сѣни сѣмръгѣтъ* сѣтъ въ сѣтѣтъ на насъ З. А. С. (*σκιᾶ θανάτου*); Лк. 1—79, *прѣсѣтити сѣдѣшѣмъ въ тѣмѣ і сѣни сѣмръгѣтъ*. М.; *сѣмръгѣтъ*. З. (*σκιᾶ θανάτου*).

¹ А. Белич для первой и второй группы, т. е. для прилагательных типа *московский, последний, летошний, Петров*, с одной стороны, и прилагательных типа *деревянный, белый*, с другой, предлагает следующую терминологию: „*неправе придевске речи*“ — ненастоящие прилагательные слова и — „*праве придевске речи*“ — настоящие прилагательные слова. См. его „О језичкој природе и језичком развјутку“. Београд, 1941, стр. 64.

(δοῦλος). Лк. 4—14. і кзвратѣи сѧ іѣзъ кѧ сѣлѣ дхѡбѣнѣи к галѣлѣѣ. М. (ἐν τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος). (грѣшнѣ) Ио. 9—16. ови глѧдѧхѣ како можѣтъ члѣкѣ грѣшенѣи сѣица знаменѣи тѣкорѣи. М. З. А. (ἄνθρωπος ἁμαρτωλός); Лк. 5—8. ізиди отѧ мене тѣко мѧжѧ грѣшенѣи сѣмѧ гѣ¹. М. З. А. (ἄνθρωπος ἁμαρτωλός εἰμι); Лк. 19—7. рѧптѧдѧхѣ гѧжшѣте тѣко кѧ грѣшнѣмѣ мѧжѣи вѧнѣде вѣгатѧ. М. З. А. (παρὰ ἁμαρτωλῶ ἄνδρι); (жикотѣнѣ) Ио. 6—35. рѣче же имѧ иѣ азѧ сѣмѧ члѣкѣ жикотѣнѣи. М. З. А. (ἐγὼ εἰμι ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς); аналогично — Ио. 6—48, Ио. 8—12. не имѧтъ ходѣти кѧ тѧмѣ нѧи — имѧтъ сѣѣтѧ жикотѣнѣаго. М. З. (ἔξει τὸ φῶς τῆς ζωῆς); Ассем к.: нѧ имѧтъ сѣѣтѧ вѣѣтѣнѣи.

Наличие краткой формы в конструкциях члѣкѣ грѣшнѣи, мѧжѧ грѣшнѣи — вполне закономерно; речь идет не об отдельном единичном лице (в данном случае — человеке, мужчине), а о лице — представителе определенного типа лиц, обладающих свойством, выраженным прилагательным, притом это лицо (человек, мужчина) ничем не выделяется из ряда ему подобных. Конструкции же типа сѣѣтѧ жикотѣнѣи близки по своему характеру к устойчивым сочетаниям (см. § 19), этим и мотивировано наличие в них полной формы прилагательного. В представлении писца сѣѣтѧ жикотѣнѣи — синоним истины единственной, уникальной. Более нейтральны остальные случаи: кѧ сѣи сѧмрѧтѣнѣи, кѧ сѣлѣ дхѡбѣи; в них как раз и наблюдается колебание (сѧмрѧтѣнѣи — сѧмрѧтѣнѣи), краткая форма несколько преобладает над полной.

Того же типа прилагательные истѣнѣи, правѣдѣи, неправѣдѣи, вѣрѣи. Этим почти исчерпываются прилагательные данного типа в исследуемых кодексах.

§ 23. Относительные прилагательные, выражающие отношение к предмету и обозначающие содержание предмета.

(тѣлѣсѣнѣ) Лк. 3—22. сѧнѣде дхѣ сѣѣи тѣлѣсѣнѣимѧ зѧкомѧ. М. З. (σωματικῶς εἶδει). (огнѣнѣ) Мф. 13—50. і кзвратѣѣи сѧ кѧ пѣиѧ огнѣнѣи, М. З. С. (εἰς τῆς κάμινον τοῦ πυρός); то же — Мф. 13—42, М. А. пѣиѧ огнѣнѣи. З.; Мр. 9—47. неже оѣѣ очѣ имѧѣи иѣи кѧ ѣеонѣи огнѣнѣи. М. З. (εἰς τὴν ἕξινον τοῦ πυρός); то же — Мф. 18—9, М.; (водѣнѣ) Лк. 8—24. онѧ же вѧстѧвѧ заѣрѣѣи вѣтрѡу¹ і вѧнѣ(н)иѧ водѣнѡу¹моу¹. М. А.; морѧскоу¹моу¹. З. (см. § 14). (тѣ жлѣдѡнѣи тоу ѣдѧтѡс). (гѡзѣнѣи) Ио. 20—25. онѧ же рѣче имѧ ашѣте не вѣждѧ на рѧжѡу¹ его тѣвѣи гѡзѣнѣиѧ¹. М. А. (τὸν τύπον τῶν ἡλῶν); Ио. 20—25. ашѣте ни вѧложѧ прѧсѧга моего кѧ тѣвѣи гѡзѣнѣиѧ¹ не имѧжѧ вѣрѣи. М. А. (τὸν τύπον τῶν ἡλῶν).

Наличие полной формы в последних двух примерах — закономерно; здесь речь идет об определенном предмете, заранее известном, хотя прежде и не упоминавшемся, — о ранах Христа (эпизод с Фомой Неверным), а не о каких-либо ранах вообще. Важно также отметить, что предмет этот занимает центральное место в повествовании о данном эпизоде. Остальные случаи относительно нейтральны.

§ 24. Относительные прилагательные, означающие материал, довольно резко отличаются от рассмотренных выше относительных прилагательных. Некоторые исследователи справедливо указывают на их особое поло-

¹ Прилагательные, выступающие атрибутом существительного, являющегося именной частью составного сказуемого, не рассматриваются отдельно, ибо они в функциональном отношении принципиально не отличаются от атрибута подлежащего или дополнения. Функция прилагательного остается атрибутивной, а не предикативной.

Мф. 17—1, М. А.; аналогично — Лк. 6—5, М. Лк. 6—17. *и свидѣла съ ними ста на мѣсто рѣкѣ и народа оученика его и множаство много людии.* М. З. А. С. (ἐπὶ τοῦτου πεδινού). Мр. 6—31. *рече имъ придѣте вѣ сами къ поусто мѣсто едини.* М.¹ (εἰς ἕρμον τόπον).

При этом, например, применительно к первому примеру, трудно говорить о яркости признака, выраженного прилагательным, об энергичности его проявления. Наоборот, именно в обычных признаках, в том, что „зеленая трава“ в рассматриваемом контексте не выступает в центре внимания говорящего, мы и видим причину употребления краткой формы. В нейтральной позиции краткая форма преобладает, однако возможна и полная форма².

Нейтральность позиции обуславливает колебания в употреблении той или иной формы. Наиболее значительное число разночтений по различным кодексам отмечается именно за счет исследуемого положения.

Мф. 13—24. *Оуподоки са прѣтвие небеское члвкоу сѣвѣишу докро сѣма на селѣ своемъ.* М.; *докрое З. А. (καλὸν σπέρμα)* — предмет упомянут впервые (см. § 28), или *Ио. 10—32. о'тѣкѣшта имъ ис многа дѣла докра ꙗкихъ (къ) кага.* М. А. *докраа. З. (πολλὰ ἔργα καλὰ)*³.

¹ В Зогр. к. фиксируем: Мр. 6—31. *рече имъ придѣте вы сами къ мѣсто едини;* этот пример свидетельствует о том, что для писца признак предмета был в данном случае выражен настолько неярко, что он вовсе счел возможным опустить его.

² Нельзя полностью согласиться с мнением Л. П. Якубинского, полагающего, что „отсутствие члена (краткое прилагательное) показывало как неопределенность (=неопределенному члену других языков), так и собственно отсутствие члена, нейтральность“. (Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. „Доклады и сообщения института языкознания“, т. 1. М., 1952, стр. 56). Материал старославянского языка показывает, что нейтральность была, выражаясь фигурально, той почвой, где сходило на нет различие полной и краткой формы. Четкой границы, четкого разграничения функций кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке не было, — это, однако, нисколько не означает, что категория определенности и неопределенности, выражаемая различными формами прилагательного в старославянском языке, была уже нарушена или вовсе заменена другими отношениями. В современном болгарском языке в категории членных форм мы наблюдаем несколько аналогичное явление. В целом ряде нейтральных случаев возможно колебание в употреблении членной формы. Употребление существительного (или прилагательного) без члена или с членом зависит порой от языковой традиции или даже от ряда чисто субъективных моментов (например, *на село, но в градѣ*, см. Б. Цонев. История на българский език, т. II. София, 1934, стр. 517—520). Однако нужно учитывать и значительное отличие категории определенности и неопределенности прилагательных в старославянском языке от категории определенности и неопределенности имени в современном болгарском языке. В старославянском языке велика роль семантического фактора, существует связь полной и краткой формы с определенным лексическим кругом прилагательного. В современном болгарском языке зависимость употребления или неупотребления членных форм от лексического значения имени — значительно меньшая (членная форма не употребляется, например, с названиями месяцев, собственными именами, географическими названиями и т. п., но известны и такие примеры как *Балканѣт, Старанджата, Миткото* и т. п.). Наконец, если категорию определенности и неопределенности прилагательного в старославянском языке рассматривать с точки зрения категории артикля в западноевропейских (и болгарском) языках, то нейтральным окажется также значительное число из тех случаев, когда в старославянском языке употребляется только полная форма (темпоральные, локативные и другие прилагательные).

³ Аналогично: Мф. 12—33. *и сѣтвѣшите дрѣво добро и плодъ его добръ.* М. З. А.; *докрое. С. (τὸ δένδρον καλόν)* Мф. 12—35 *и зѣмъ члвкъ ст зѣлааго сѣкровѣшта возноситъ зѣлаа.* М. З. А.; *ажкава. С. (ἐκ τοῦ πονηροῦ θησαυροῦ);* Мф. 15—19. *ста срѣца ко неходѣти помышленѣ зѣла.* М.; *зѣлаа. З. (διαλογισμοὶ πονηροί);* Мф. 16—4. *редъ зѣла и прѣлюкодѣи знаменѣ нѣитѣ.* М.; *зѣмъ. З. (γενεὴ πονηρῶν);* Мф. 17—15. *и помилуи сѣ мен, ꙗко, на новы мѣстѣ кѣсѣиотѣ са.* М.; *на новы мѣца. А.; на новы мѣк. С. (ἐλεῆσόν μουτὸν οὖν ὅτι σελήνιζέσθε);* Мф. 24—45. *кто ꙗко естъ вѣрны рѣкѣ и мѣдрѣ.* М. З. А.; *кѣрѣна и мѣдрѣ. С. (Τίς ἄρχ ἐστὶν ὁ πιστὸς δοῦλος καὶ φρόνιμος.);* Мр. 4—20. *а си сѣтъ сѣани на докрѣ зѣми.*

Вводя понятие о нейтральном положении, мы должны оговориться, что вообще вполне нейтральных случаев не так много, — обычно можно найти то или иное объяснение для употребления полной (resp. краткой) формы. Однако ни одно из этих объяснений не будет основано на наличии постоянного (первостепенного или второстепенного) определяющего фактора; такое объяснение зачастую будет опираться на ряд субъективных и случайных моментов, а поэтому мы и считаем его излишним.

Краткая форма может быть употреблена и тогда, когда предмет логически акцентирован и свойство его (в данном случае качество) достаточно энергично выражено, но предмет этот выступает как обычный для своего рода, ничем от него не обособляющийся. Например, Мф. 11—8. нз чегэ изидете видѣтъ члѣка ли кѣз макаккы ризи облачена се нже макака ногатъ кѣ домохъ цѣр(и)хъ). М. З. А. (*ἐν μακαροῖς ἑστῆσι*).

Здесь логический акцент и энергичность признака подчеркивается придаточным определительным предложением с *иже*, которое также указывает, что предмет не выделяется из ряда ему подобных.

Полная форма, как было указано выше, возможна в нейтральной позиции, но, как правило, она выступает тогда, когда конструкция с качественным прилагательным обозначает единичный, обособленный предмет, отличный от ряда ему подобных (см. в примере не просто „тесные ворота“, как и все другие ворота с подобным качеством, а „тесные ворота в рай“). Например:

Лк. 13—24. подвизанте сѧ вѣннги еккозѣ тѣсна(ѣ)а врата. М. З. А. С. (*τῆς στενῆς πόλης*), или: Ио. 6—51. азѧ есмѧ хлѣбъ жикы сѧшеды снѣсе. М. З.; жикын. А. (*ἐγὼ εἰμι ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς*), аналогично см. § 22; здесь „тѣснаѧ врата“ и „хлѣбъ жикы“ — метафорические обозначения ворот в рай и истины. Естественно, что в представлении писца, они были единичными, уникальными предметами (понятиями).

§ 26. Значительное число примеров с качественными прилагательными, зафиксированными в свободных сочетаниях, не дает нам возможности привести их все полностью, как это было сделано при рассмотрении прилагательных других типов (например, относительных — местных и временных). Укажем, что употребления качественных прилагательных, оставшиеся вне рамок нашего исследования, не включают в себе каких-либо иных, кроме изложенных выше, положений и моментов. Приведем, однако, для иллюстрации все случаи употребления одного из качественных прилагательных (зѧлѧ) в атрибутивной функции.

Краткая форма: Лк. 7—21. кѣ тѣ чѧсѧ исцѣли мѧногѧ отѧ недѣжѧ і рѧнѧ и ѧхъ зѧлѧ. М. З. (*πνευματικῶν πονηρῶν*); аналогично — Лк. 8—2. М. З.; Лк. 6—43. нѣстѧ ко дрѣво докро тѣсрѧ плода зѧлѧ ни дрѣво зѧло тѣсрѧ плода докра. М. З. (*...καρπὸν σαπρὸν ...δένδρον σαπρὸν*); аналогично — Мф. 12—33, М. З. А. С. — здесь дано указание на предметы вообще, ничем не выделяющиеся из рода им подобных.

Полная форма: Лк. 6—45. зѧлѧ члѣк отѧ зѧладогэ сѧкровниѧ сѣрдѧ своѣго износитѧ зѧлоѣ. М. З. (*ὁ πονηρὸς[ἄνθρωπος] ἐκ τοῦ πονηροῦ*); аналогично — Мф. 12—35, М. З. А. „от зѧладогэ сѧкровниѧ“ — пример нейтральной позиции, хотя слова „сѣрдѧ своѣго“ могут указывать на единичность, обособленность (учитывая полную форму в конструкции „зѧлѧ члѣк“).

М.; докрѣі. З. (*ἐπὶ τῇ γῇ τὴν χαλὴν*); Лк. 11—13. кѧ зѧли сѧште оумѣте даиннѣ клѣга даѣти чѧдомъ вашнмъ. М. З. А.; блѧгѧ. С. (*δοματὰ ἀχθῆ*).

Колебания: Мф. 16—4. родъ зѡла и прѣдвѣдѣніи знаменитъ ищетъ. М.; зѡлаи. З. (γενεὰ πονηρὰ καὶ μοιχαλῆς). Мф. 15—19. отъ срѣдѣи бо исхѡдѣтъ поманишениѣ зѡлаи. М.; зѡлаѣ. З. (διαλογισμοὶ πονηροί).

В других случаях употребление полной (resp. краткой) формы обусловлено различными факторами. С указательным местоимением:

Мф. 24—48. аще ли речеѣтъ зѡлаи тѣ раба въ срѣдѣи своемъ. С.; зѡлаи раба. М.; зѡлаи раба тѣ. З.; зѡлаи рабат. А. (ὁ κακὸς δοῦλος).

Звательная форма: Лк. 19—22. гла емоу отъ оуѣтъ твоихъ сѣждаѣ ти зѡлаи раба. М. З. А. (πονηρὲ δοῦλε); Мф. 25—26. тѣ его рече емоу зѡлаи раба и лѣни. М. З., зѡлаи. А. С. (πονηρὲ δοῦλε καὶ ὀκνηρѣ).

С местоимением каѣтъ: Мф. 7—17. тако каѣтъ доѣко докро, плоды докраи творига, а зѡлаи доѣко плоды зѡлаи творига. М. З. (πᾶν δένδρον ἀγαθόν); Мф. 5—11. и рекѣтъ каѣтъ зѡлаи гла на ка лѣжѣ мене ради. М. З. А. С. (πᾶν πονηρὸν ῥήμα).

С глаголом имѣти: Мф. 4—24. и прикѣдоша емоу бѣа бѡлаѣѣѣ раз-
личными недѣѣга и страѣтами и дрѣжжѣми и бѣѣѣѣѣ и мѣѣѣѣѣѣѣ зѡлаи недѣѣга
имѣѣѣѣѣ. З.; зѡлаѣѣѣѣѣ. М. (καὶ διαιμονιζομένους καὶ σεληνιζομένους). В составе
конструкции мѣѣѣѣѣѣѣ недѣѣга имѣѣѣѣѣѣѣ — термин, название болезни
(мѣѣѣѣѣѣѣ недѣѣга). Вся конструкция означает „лунатик“ (греч. σεληνι-
ζομένους); см. § 19.

§ 27. Таковы главные условия употребления кратких resp. полных форм качественных прилагательных в так называемых свободных сочетаниях. Основная сущность рассматриваемой категории (противопоставление полных форм кратким) выступает у качественных, а отчасти у относительных прилагательных, выражающих внутреннее свойство предмета, более четко и рельефно. Это объясняется тем, что лексическое значение качественных прилагательных, по сравнению с притяжательными и относительными прилагательными, — более общее: признак качества (красный, добрый) сочетается с большим кругом предметов, чем признак отношения, например, к месту или ко времени (соседний, вчерашний). При употреблении полных (resp. кратких) форм с качественными прилагательными лексический фактор оказывается индифферентным, в отличие от положения в отдельных группах относительных и в притяжательных прилагательных, где лексический фактор имеет решающее значение.

§ 28. В § 1 отмечалось, что теория определенности и неопределенности Ф. Миклошича, в принципе своем правильная, сводилась им и, главным образом, его толкователями, в основном, к положению о вышеупомянутости (вторичной упомянутости) и неупомянутости. Исходя из значения артикла и его употребления в западноевропейских языках и рассматривая его функцию так, как и большинство его современников, т. е. прежде всего как эмфатическую, Ф. Миклошич сравнивал артиклъ с полными и краткими прилагательными в древнеславянских и старославянском языке и не находил существенного различия в их значении и функции. Он пришел к выводу, что „сложные формы указывают на обозначенный прилагательным и существительным предмет, как на уже упомянутый или известный прежде, указывают поэтому, что соединение этих форм с точно названным или только присоединенным мысленно существительным происходит в акте речи данного говорящего лица не впервые“¹.

¹ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik, Bd. IV, Wien 1883, S. 132.

Аналогичной точки зрения придерживался и Л. П. Якубинский; он полагал, что „первоначально наличие местоимения (и, ѡ, ѣ) четко ощущалось, ощущалась и указательность-релятивность этого местоимения. Сравним, например, в Зографском евангелии: „прине҃гоша емоу̑ ослабленѧ (краткая форма) жилами, на одрѣ лежашѧ... и рече̑ ослабленѡму̑“ (— этому) (местоименная форма, поскольку речь идет уже об известном расслабленном); или там же: „...и сѣрѣтѡстѣ и дѣѧ вѣсѧна“ (краткая форма, потому что впервые говорится о неизвестных бесноватых); „отѣгребшиѧ ихѧ исхоуѣѧ люѧ зѣло“ (по той же причине краткая форма); „вѣ же далеко от немѣ стадо скинни много пасомо“ (краткая форма, впервые упоминается стадо свиней, какое-то стадо свиней); „ашѣ изгониши ны поведеи намѣ ити в стадо скинноѣ“ (полная форма, так как речь идет об уже известном стаде); „известиши вѣѣ о вѣсѧну“ (полная форма, так как речь идет об уже известных бесноватых). Объяснение полной формы прилагательного как членной (т. е. формы с артиклем, указывающим на определенность предмета) принадлежит еще Миклошичу и является в своей основе совершенно справедливым“¹.

Представление Ф. Миклошича о значении исследуемой категории кажется нам неполным, а потому и в известной мере неточным. Момент первичности и вторичности упоминания лица (или предмета) не охватывает всех моментов, связанных со значением полных и кратких форм. Понятие определенности, по нашему мнению, шире понятия вышеупомянутости. Однако и в границах последнего полная форма употребляется не всегда последовательно — это показывает анализ примеров. Отметим также, что следует различать случаи вышеупомянутости лица (живого существа) и предмета.

Рассматривая приведенные Л. П. Якубинским примеры подробнее, укажем прежде всего, что все они относятся к случаям вышеупомянутости лица (или живого существа), но не предмета. Первый пример относится к употреблению субстантивированного прилагательного (в данном случае причастия). Второй (о бесноватых) — также пример с субстантивированным прилагательным. В нем прилагательное люѧ определяет краткое субстантивированное прилагательное вѣсѧна. Употребление краткой формы в этом примере может быть объяснено не только фактором первичной упомянутости, но и тем, что, во-первых, при субстантивированном прилагательном в краткой форме не может быть прилагательного определения в полной форме; во-вторых, с наречием, определяющим прилагательное (зѣло), также обычна краткая форма; в-третьих, обособленное определение выступает, как правило, в краткой форме. Таким образом, употребление прилагательного люѧ в краткой форме обуславливается в данном случае еще целым рядом факторов. Третий пример (о свиньях) является единственным, зафиксированным нами в текстах, характерным примером на вышеупомянутость лица (живого существа). Пример этот, к сожалению, также не может быть признан классическим, так как в нем в одном из случаев (либо в первом, либо во втором) выступает существительное. В тексте каждого кодекса он повторяется несколько раз:

1-й раз: Мф. 8—30, 31. вѣ же далеко отъ неѣхѣ стадо скинни много пасомо вѣси же молѣхѣ и глѣше аще изгониши ны поведеи намѣ [и] ити вѣ стадо скинноѣ. М. З. А. С. (ἦν δὲ μακρὰν ἀπ' αὐτῶν ἀγέλη χοίρων πολλὴν βοσκομένη οἱ δὲ δαίμονες παρεκάλουν αὐτὸν λέγοντες εἰ ἐκβάλλεις ἡμᾶς, ἀπόστειλον ἡμᾶς εἰς τὴν ἀγέλην τῶν χοίρων).

¹ Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного, стр. 55.

2-й раз. Мр. 5—11, 12. вѣ же тоу е҃тадо свини паромо келие при горѣ
і моиша и вѣси вѣси гл҃ѣште порзали ны вѣ свиниѣ, да вѣ на ванидема.

М. 3. (ἦν δὲ ἐκεῖ πρὸς τῇ ὄρει ἀγέλη χοίρων μεγάλη βοσκομένη καὶ παρεκάλεσαν αὐτὸν λέγοντες πέμψον ἡμᾶς εἰς τοὺς χοίρους, ἵνα εἰς αὐτοὺς εἰσέλθωμεν).

3-й раз: Лк. 8—32, 33. вѣ же тоу е҃тадо свиноѹ много паромо вѣ горѣ
и моиша и вѣси да повеитѣ имѣ ванити вѣ е҃тадо свиноѹ... ишѣдѣше же
вѣси ванидѣ вѣ е҃тадо свиноѹ. С. (ἦν δὲ ἐκεῖ ἀγέλᾳ χοίρων ἱκανῶν βοσκομένων ἐν τῇ ὄρει καὶ παρεκάλεσαν αὐτὸν ἵνα ἐπιτρέψῃ αὐτοῖς εἰς ἐκεῖνους νисελθεῖν... ἐξελθόντα δὲ τὰ δαιμόνια ἀπὸ τοῦ ἐνθρώπου εἰσῆλθον εἰς τοὺς χοίρους).

Этому последнему примеру в других кодексах соответствует текст без прилагательных: вѣ же тоу е҃тадо свинни много паромо вѣ горѣ
і моиша и да повеитѣ имѣ вѣ ты ванити... ишѣдѣше же вѣси от чѣвѣ
ванида вѣ свиниѣ. М. 3. А. В третьем примере (в Саввиной книге) в трех случаях полная форма.

Третий пример указывает на известную факультативность употребления полной и краткой формы прилагательного-определения (по крайней мере, для писца Саввиной книги) при первом упоминании лица (живого существа) и свидетельствует о том, что в этом отношении нет полной четкости в языке старославянских памятников. Вышеупомянутость и невышеупомянутость, воспринимаемая как определенность и неопределенность лица (живого существа), может быть поэтому усилена указательным или неопределенным словом. Такое усиление мы наблюдаем как раз в примере, где прилагательное выступает в обоих случаях (этот пример, не считая приведенного выше третьего примера из Саввиной книги, в исследованных текстах — единственный).

Мр. 12—42, 43. і пришедѣши едина вѣдовица оубога вѣрѣже дѣвѣ
лепѣѣ... і призѣвѣзѣ оученики своѣя рече имѣ амина гл҃ѣ вѣмѣ вѣко вѣдовица
си оубогаа многоѣе вѣсѣхѣ вѣрѣже. М. 3. (καὶ ἐλθούσα μία χήρα πτωχή
ἔβαλεν λεπτὰ δύο... καὶ προσκαλεσάμενος τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ εἶπεν αὐτοῖς ἀμὴν
λέγω ὑμῖν ὅτι ἡ χήρα αὕτη ἡ πτωχή πλεον πάντων βέβληκεν...).

То же — Лк. 21—2, 3. вѣдѣ же и едина вѣдовица оубога... и рече...
вѣко вѣдовица си оубогаѣ. М. 3. А. С. (εἶδεν δὲ τινὰ χήραν πενιχράν... καὶ
εἶπεν... ὅτι ἡ χήρα ἡ πτωχή).

Случаи вышеупомянутости предметов в исследуемых текстах более многочисленны; в них нет строгой последовательности употребления сначала краткой, а затем полной формы.

Мр. 5—3, 4. (чѣз)иже жилиште імѣаше вѣ гроѣхѣхѣ і ни желѣзнома
жжема никтоже не можаѣше его сѣвѣзѣти за нѣ емоу много кра҃ты пѣты
і жжи желѣзны сѣвѣзанѣ жшштю прѣтѣрѣзѣахѣ еа отѣ него жжема желѣзнаа
і пѣта сѣкрошахѣ еа. 3. (ἄνθρωπος... ὃς τὴν κατοίκησιν εἶχεν ἐν τοῖς
μνημασιν, καὶ οἷδὲ ἀλύσει οὐκέτι οἷδεις ἐδύνατο αὐτὸν δῆσαι διὰ τὸ αὐτὸν πολλάκις
πῆδαις καὶ ἀλύσειν δεδεσθαι καὶ διεσπᾶσθαι ὑπ' αὐτοῦ τὰς ἄλύσεις καὶ τὰς
πῆδας συντετριῖσθαι). Однако в Мар. к. находим: ...прѣтѣрѣзѣахѣ еа отѣ него
жжема желѣзна — во всех случаях краткая форма.

Или: Мф. 13—45, 46. подобно е҃стѣ цѣр҃кѣто нѣое чл҃коу ишѣциюму
добрѣ вѣсѣрѣ иже оѣрѣѣтѣ многоцѣнѣны вѣсѣрѣ шѣдѣ продаѣтѣ вѣсѣ імѣѣние
свое. С. (πάλιν ὁμοίᾳ ἐστὶν ἡ βασιλεῖα τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ ἐμπόρῳ ζητοῦντι
καλοὺς μαργαρίτας εὐρὼν δὲ ἓνα πολύτιμον μαργαρίτην ἀπελθὼν πέπρακεν πάντα
ὅσα εἶχεν).

Однако в других кодексах мы находим краткую форму; употребление ее обусловлено иным фактором, наличием числительного (неопреде-

ленного местоимения) единъ: ниже одрѣтъ единъ многочѣнна висаръ М.; единъ многочѣнна. З.; единого многочѣнна. А.

Или: Лк. 5—37. и никтоже не вѣликаѣтъ вина нова къ мѣхы кетъхы аце ли же ни прогидѣтъ вино новое мѣхы. М. З. (*καὶ οὐδεὶς βάλλει οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς παλαιούς· εἰ δὲ μήγε, ῥήξει ὁ οἶνος ὁ νέος τοὺς ἀσκοὺς*).

Употребление полной формы во втором случае закономерно. Однако в следующем примере в соответствии с греческим оригиналом в обоих случаях краткая форма:

Мф. 9—17. ни вѣликаѣтъ вина нова къ мѣхы кетъхы аце ли же ни прогидѣтъ ѣа мѣхи и вино пролѣтъ ѣа и мѣхи погыбѣтъ нъ вино новое къ мѣхы новы вѣликаѣтъ. М. (*οὐδὲ βάλλουσιν οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς παλαιούς· εἰ δὲ μήγε, ῥήγνυνται οἱ ἀσκοὶ καὶ ὁ οἶνος ἐκχεῖται καὶ οἱ ἀσκοὶ ἀπόλλυνται· ἀλλὰ βάλλουσιν οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς καινοὺς*).

В этом примере быть может в представлении писца речь шла не об одном и том же предмете, о котором говорится во второй раз, а вообще о предмете отвлеченно. Тем не менее, едва ли убедительно такое объяснение; это видно из следующего примера. В том же кодексе и в том же контексте находим:

Мр. 2—22. и никтоже не вѣликаѣтъ вина нова къ мѣхы кетъхы аце ли же ни прогидѣтъ вино ново и вино пролѣтъ ѣа и мѣхи погыбѣтъ нъ вино новое къ мѣхы новы лиѣти. М. З. (*καὶ οὐδεὶς βάλλει οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς παλαιούς· εἰ δὲ μή, ῥήξει ὁ οἶνος τοὺς ἀσκοὺς, καὶ ὁ οἶνος ἀπόλλυται καὶ οἱ ἀσκοί*).

В греч. тексте νέον употреблено только один раз.

Закономерно (по теории Миклошича) и употребление краткой формы в следующем примере, где предмет упоминается впервые:

Мф. 13—24, 38. оуподоби ѣа црѣткне небеское цѣлкоу ѣѣшиюу докро ѣма на ѣлѣ ѣкоема. . . следует притча и затем разъяснение этой притчи . . . а ѣло ѣтъ кѣа миръ докрое же ѣма ѣе ѣтъ ѣнѣ црѣткнѣ. М. (*ομοιώθη ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ σπείραντι καλὸν σπέρμα ἐν τῷ ἀγρῷ αὐτοῦ. . . ὁ δὲ ἀγρὸς ἐστὶν ὁ κόσμος· τὸ δὲ καλὸν σπέρμα οὗτοί εἰσιν οἱ υἱοὶ τῆς βασιλείας*). Однако в других кодексах в том же контексте, и в первом и во втором случае, употребляется полная форма — докрое ѣма. З. А. 162, 163.

Или: Мр. 4—8, 20. (Из притчи о сеятеле). . . и доутое паде на земи докрѣ и дѣаше посѣа . . . затем толкование: а ѣи ѣтъ ѣнни на докрѣ земи ѣе ѣмѣтъ ѣлоко. М. (*καὶ ἄλλα ἔπεσεν εἰς τὴν γῆν τὴν καλὴν, καὶ ἔδιδου καρπὸν. . . καὶ ἐκείνοί εἰσιν οἱ ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν σπυρέντες, οἵτινες ἀκούουσιν τὸν λόγον. . .*).

В этом примере, и в первом и во втором случае краткая форма.

Можно снова предположить, что в данном примере писец не стремился подчеркнуть того факта, что семя упало именно на ту же (упомянутую выше) хорошую почву, говоря о ней более отвлеченно (вообще на хорошую почву), однако пример из Зографского кодекса (см. ниже) противоречит этому. Нельзя также согласиться и с объяснением А. Вайана. А. Вайан указывает на два случая неизменного употребления краткой формы — в застывших оборотах и в названиях праздников, приводя как раз рассматриваемый нами пример — ѣнни на докрѣ земи (Мар. к. IV—20)¹. Применительно к старославянскому языку очень трудно говорить об устойчивых сочетаниях и оборотах (см. §§ 18, 19). Об этом свидетельствует и следующий пример:

¹ См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. Русск. пер. М., 1952, стр. 201.

Мр. 4—20. а си сѣтъ сѣани на доврѣтѣ земли. З. (пример, где „хорошая почва“ повторяется во второй раз; лист с примером из Мр. 4—8 — в кодексе утерян).

Однако в том же Зографском кодексе есть примеры, когда в обоих случаях употреблена краткая форма.

Мф. 13—8, 23. дрогтаа же падаж на земни доврѣтѣ і даѣхѣхъ плода...
...а сѣаное на доврѣтѣ земни сѣ естъ сѣишані слово. М. З. (ἄλλα δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν καὶ ἐδίδου καρπόν... ὁ δὲ ἐπὶ τὴν καλὴν γῆν σπαρείς οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ συνιείς). Аналогично: Лк. 8—8, 15. а другое паде на земни доврѣтѣ... а еже на доврѣтѣ земни си сѣтъ іже доврѣма сѣда-цема... М. З. А. С. (καὶ ἕτερον ἔπεσεν εἰς τὴν γῆν τὴν ἀγαθὴν... τὸ δὲ ἐν τῇ καλῇ γῇ, οὗτοί εἰσιν οἵτινες ἐν καρδίᾳ καλῇ...).

Или: Ио. 19—2, 5. и конни сѣплеташе кѣнца отъ траниѣ кѣзложиша на глакѣ емоу и кѣ ризѣ прѣпрѣданѣ обѣѣша... изиде же ісѣ конѣ носѣ транѣ кѣнца и прѣпрѣданѣ ризѣ. А. (καὶ οἱ στρατιῶται πλέξαντες στέφανον ἐξ ἀκανθῶν ἐπέδηξαν αὐτῷ τῇ κεφαλῇ καὶ ἱμάτιον πορφυρῶν περιέβαλον αὐτόν... ἐξῆλθεν οὖν ὁ Ἰησοῦς ἔξω φορῶν τὸν ἀκάνθινον στέφανον καὶ τὸ πορφυροῦν ἱμάτιον).

Этот пример полностью соответствует положению Миклошича о вышеупомянутости, однако, в других кодексах фиксируем: кони же сѣплеташе кѣнца транѣ и кѣзложиша на глакѣ емоу и кѣ ризѣ прѣпрѣданѣ обѣѣша... изиде же ісѣ конѣ носѣ транѣ кѣнца и прѣпрѣданѣ ризѣ. С.; кѣнца отъ траниѣ; 2-й случай: транѣ. М. Здесь уже только прѣпрѣданѣ в полной форме и, наконец, в Зографском кодексе фиксируем только краткие формы во всех случаях: і кони сѣплеташе отъ траниѣ кѣнца кѣзложиша на глакѣ емоу і кѣ ризѣ прѣпрѣданѣ обѣѣша... изиде ісѣ конѣ носѣ транѣ кѣнца і прѣпрѣданѣ ризѣ. З.

Этим почти исчерпываются примеры на вышеупомянутость лиц или предметов в исследуемых текстах. Фактор вышеупомянутости можно считать одним из моментов проявления категории определенности и неопределенности прилагательных в старославянском языке, однако его никак нельзя признать основным, центральным моментом рассматриваемой категории. Само по себе употребление полной формы при вышеупомянутости в старославянском языке — непоследовательно. Это свидетельствует о неустойчивости рассматриваемого фактора в случаях, когда прилагательное выступает в функции определения. При субстантивации употребление сначала краткого, а затем полного прилагательного более закономерно (см. § 45).

В современном сербохорватском и словенском языках употребление кратких и полных форм при первичном и вторичном упоминании лица (предмета) в принципе то же, что и в старославянском языке, но менее последовательно.

§ 29. Некоторые прилагательные на -лскѣ (небеслскѣ, землскѣ, морлскѣ) были уже рассмотрены выше, в § 13, наряду с прилагательными с другим суффиксом (земанѣ, небесанѣ); однако для более полной характеристики этой группы прилагательных необходимо их специальное рассмотрение в целом.

Выделение прилагательных на -лскѣ в отдельную группу можно считать оправданным потому, что эти прилагательные в старославянском

языке, в отличие от современных славянских языков, имели довольно ограниченный и замкнутый круг значений, во многом определявший употребление полной (resp. краткой) формы в атрибутивной функции. Суффикс *-лкѣ*, по справедливому замечанию А. Мейе, „служит для образования прилагательных от существительных, обозначающих место, например *назарѣтлѣкѣ*... , вне этого главного типа число примеров не очень велико, и здесь уже немало случаев, когда другой суффикс того же значения конкурирует с *-лкѣ* (*члѣкѣчлѣкѣ* „той члѣвѣчѣ“ З. М. С., но *члѣкѣчлѣ*, Асс.)“¹. Вне главного, основного типа локативных прилагательных с суффиксом *-лкѣ* в исследуемых текстах зафиксированы почти исключительно прилагательные со значением родовой притяжательности. Прилагательные на *-лкѣ* тесно соприкасаются с другой лексически и морфологически обособленной группой — группой притяжательных прилагательных. Этот факт отмечался рядом исследователей, которые даже включали группу прилагательных на *-лкѣ* в разряд притяжательных прилагательных². Такую классификацию, с точки зрения современного состояния славянских языков, нельзя признать достаточно обоснованной, но в применении к старославянскому языку, учитывая при этом специфику рассматриваемой нами категории, ее можно считать приемлемой³. В современных славянских языках легко выделить немалое число прилагательных на *-ски* и с качественно-относительным значением, притом в них оттенок качественности бывает часто очень значительным. В старославянском языке прилагательные на *-лкѣ* имели почти всегда чисто относительное значение. Прилагательные на *-лкѣ*, образованные от существительных, означающих место, были тесно связаны по своему смысловому значению с притяжательными прилагательными (прилагательными родовой притяжательности), ибо само отношение к месту ощущалось как принадлежность определяемого предмета к этому месту⁴.

В зависимости от семантики существительного (имя собственное или нарицательное и т. п.), от которого образовано прилагательное, значение последнего может быть более или менее конкретным. Этот момент необходимо постоянно учитывать при рассмотрении случаев употребления краткой (resp. полной) формы прилагательного.

а) Прилагательные на *-лкѣ*, образованные от собственных имен существительных означающих место. Прилагательное на *-лкѣ* служит для обозначения названий стран, рек, гор, городов и т. п. (*странѣ*, *землѣ*). Например, Мр. 5—1. *и приидѣ къ странѣ гадаринскѣ*. М. 3. (*την χώραν τοῦ Γαδάρηων*); Мф. 15—21. *и отиде къ странѣ тоурабскѣ и евреинскѣ*.

¹ A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, II p. Paris 1905, p. 330.

² Такого мнения придерживался И. И. Срезневский; прилагательные типа *детский*, *отцовский* он относил к притяжательным (см. его „Мысли об истории русского языка“. СПб., 1887, стр. 58). За ним следовал В. А. Богородицкий; он ставил в один ряд прилагательные *Иванов*, *отцов*, *братнин*, *сельский* (см. его „Общий курс русской грамматики“, изд. 5. М., 1935, стр. 157). Это же положение принимали и некоторые другие русские ученые; из иностранных укажем на Л. Андрейчина (см. сноску в § 11).

³ А. Вайан полагает, что „имя прилагательное на *-лкѣ* в известной мере трактуется как притяжательное прилагательное; суффикс *-лкѣ* в этом случае образует производные прилагательные от групп в отличие от притяжательных прилагательных на *-скѣ* и др., образуемых от названий отдельных лиц“. А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*, стр. 235.

⁴ Подобное разграничение особенно трудно и пожалуй даже невозможно провести в таких, например, случаях, как старцы иудейские. Здесь неизвестно как перевести: „старцы иудейские“ (т. е. иудеев) или „старцы Иудеи“ (страны), — возможно и то и другое.

М. З. А. С. (τὰ μέρη Τύρου καὶ Σιδῶνος); Мр. 6—53. и прѣдѣлкѣхъ приидѣ на землѣхъ геннисаретскѣхъ и приидѣ на ¹. М. З. (τὴν γῆν Γεννησαρέτ).

Почти независимо от греческого оригинала в данных случаях преимущественно выступает краткая форма; полная форма встречается довольно редко и притом непоследовательно, в разночтениях².

Это же положение отражают и следующие примеры: (прѣдѣла) Мф. 15—39. и приидѣ къ прѣдѣламъ магдаланаскал. М. З. А.; къ прѣдѣламъ магдаламъ. С. (в соответствии с греч. εἰς τὰ ὅρια Μαγδαλάν). (окластѣла) Лк. 8—38. и молниѣла и касѣ народа окластѣла гадаринѣскаѣ. М.; герасгенна-скал. С. А. (τῆς περιχώρου τῶν Γερασσηνῶν). (гора) Лк. 22—39. и ишѣдѣ иде по скачаню къ горѣхъ ѣлеонѣскаѣхъ. М. З. (τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν)³. (градъ) Ио. 4—5. Прииде же исѣ къ градѣ самарѣска нарицаема εὐχαρά. М. З.; самаренска. А. (εἰς πόλιν τῆς Σαμαρείας)⁴. (озеро) Лк. 5—1. и тѣхъ εὐχοῖα

¹ Ср. аналогичный пример: Мф. 14—34. и прѣдѣлкѣхъхъ приидѣ къ землѣхъ геннисаретъ; С., в соответствии с греч. ἐπὶ τὴν γῆν εἰς Γεννησαρέτ; в других кодексах землѣхъ Геннисаретскѣхъ М. З. А.

² Только краткая форма: Мф. 8—28. и приидѣхъшѣхъ εμοῦ... къ странѣхъ герасгенна. М. З. А. (εἰς τὴν χώραν τῶν Γερασσηνῶν). землѣхъ герасгенна. С.; Мф. 11—24. къ землѣхъ содомскѣхъ отѣрадинѣхъ ѣждѣтѣ. М. З. (ἐπὶ γῇ Σοδομόν); Мр. 8—10. прииде къ странѣхъ дѣла-манѣутанѣскаѣхъ (τὰ μέρη Δαλμανουθᾶ); Лк. 3—1... четырѣхътоластѣхъ εὐχοῖα и трахонитѣскаѣхъ ετ(ρ)аноѣхъ. М.; страхонитѣскаѣхъ. З. А.; страхѣтѣскаѣхъ. С. (τῆς Ἰτουραίας καὶ Τραχωνιτίδων χώρας); Мр. 1—28. и изиде слоуѣхъ его аки во всѣхъ странѣхъ галланѣскаѣхъ. М. З. (τῇ περιχώρῳ τῆς Γαλιλαίας). Разночтения: Лк. 8—26. прѣдѣла на землѣхъ гадаринѣскаѣхъ (и). М.; геннисаретѣскаѣхъ. З.; гадаринѣскаѣхъ. А. С. (εἰς τὴν χώραν τῶν Γερασσηνῶν); Мф. 2—22. отиде въ с(р)анѣхъ галланѣскаѣхъ. А.; галлаѣ... жѣхъ. С. (εἰς τὰ μέρη τῆς Γαλιλαίας); Лк. 3—3. и прииде во всѣхъ странѣхъ норданѣскаѣхъ. М. З. С.; норданѣскаѣхъ. А. (τὴν περιχώρῳ τοῦ Ἰορδάνου); Мф. 10—15. отѣрадинѣхъ ѣждѣтѣ землѣхъ содомѣскаѣхъ и гоморѣскаѣхъ. М. содомѣскаѣхъ и гоморѣскаѣхъ. З. (γῇ Σοδομόν καὶ Γομόρρων); Мр. 1—5. и исхождааше къ нѣмоу всѣхъ нюдѣнскаѣхъ странѣхъ. М.; всѣхъ нюдѣнскаѣхъ. З.; нюдѣнскаѣхъ. А.; нюдѣнскаѣхъ. С. (πᾶσα ἡ Ἰουδαία χώρα); Мф. 3—5. исхождааше къ нѣмоу всѣхъ нѣрамъ... и всѣхъ странѣхъ норданѣскаѣхъ. А.; нюдѣнскаѣхъ. С. (ἡ περιχώρος τοῦ Ἰορδάνου); Ио. 3—22. прииде исѣ и оученици его въ нюдѣнскаѣхъ землѣхъ. М.; въ землѣхъ нюдѣнскаѣхъ. А. (εἰς τὴν Ἰουδαίαν γῆν). Отметим единственный случай с полной формой без разночтений: Лк. 1—65: и бѣхъ на всѣхъ с(р)анѣхъ страхъ... и въ всѣхъ странѣхъ нюдѣнскаѣхъ. М.; въ всѣхъ горни нюдѣнскаѣхъ. А. (ἐν ὅλῃ τῇ ὀρεινῇ τῆς Ἰουδαίας).

Только краткая форма: Мр. 7—31. ишѣдѣ исѣ отъ прѣдѣлахъ тѣрѣскаѣхъ и сидонѣскаѣхъ. МЗАС (τῶν ὁρίων Τύρου καὶ Σιδῶνος); Мр. 7—24. вѣставѣ иде къ прѣдѣлахъ тѣрѣскаѣхъ и сидонѣскаѣхъ. М. З. (τὰ μεθόρια Τύρου καὶ Σιδῶνος); Мр. 7—31. прииде... между прѣдѣлахъ декаполѣскаѣхъ. М. З. А. С. (μέσον τῶν ὁρίων Δεκαπόλεως); Мр. 10—1. прииде къ прѣдѣлахъ нюдѣнскаѣхъ. М. З. (τὰ ὅρια τῆς Ἰουδαίας); то же — Мф. 19—1, М.

³ В том же контексте соответственно с греч. τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν только краткая форма еще в четырех случаях: Мф. 21—1, М. С.; Мф. 24—3, М. А. С.; Мр. 11—1, М. З., Мр. 13—3, М. З.; и в четырех случаях разночтения: Мф. 24—30. ѣлеонѣскаѣхъ. М. А. С.; ѣлеонѣскаѣхъ. З.; Мф. 14—26. ѣлеонѣскаѣхъ. М.; ѣлеонѣскаѣхъ. З.; Лк. 19—37. ѣлеонѣскаѣхъ. М.; ѣлеонѣскаѣхъ. З.; Ио. 8—1. ѣлеонѣскаѣхъ. М.; ѣлеонѣскаѣхъ. З.

⁴ С существительным градъ только краткая форма: Лк. 1—26. посланѣ бѣхъ... къ градѣхъ галланѣскаѣхъ. М. З. А. (εἰς πόλιν τῆς Γαλιλαίας); Лк. 2—4. вѣзиде же носифъ с(р)а галланѣхъ из градахъ назарѣтѣскаѣхъ. М. З. А. С. (ἐκ πόλεως Ναζαρέθ); Лк. 4—31. вѣзиде исѣ къ капернаѣоу въ градѣхъ галланѣскаѣхъ. М. З. А. (εἰς... — πόλιν τῆς Γαλιλαίας); Лк. 24—49. вы же сѣдѣте къ градѣхъ нереѣсалимѣскаѣхъ. М. З. А. (ἐν τῇ πόλει Ἱερουσαλὴμ); Лк. 5—17. иже вѣхъ хъ приидѣ отъ всѣхъ коѣхъ всѣхъ галланѣскаѣхъ и нюдѣнскаѣхъ. М. З.; всѣхъ хъ всѣхъ галланѣскаѣхъ и нюдѣнскаѣхъ. А. (ἐκ πάσης χώρας τῆς Γαλιλαίας καὶ Ἰουδαίας); Лк. 9—52. вѣзидѣ въ всѣхъ оамѣрѣтѣскаѣхъ. М. З. (εἰς κόμην Σαμαρείτων). Краткая форма не преобладает при названии городов по области или по другому городу, например: Лк. 4—27. ниманъ сѣрѣскаѣхъ. М.; сѣрѣскаѣхъ. А. (Ναζαρέθ ὁ Σύρος); Лк. 4—26. къ сарѣфѣхъ сидонѣскаѣхъ. М. А. С. (εἰς Σαρεπτᾶ τῆς Σιδωνίας); Мр. 1—9. отъ назарѣтахъ галланѣскаѣхъ. М. З. С. (ἀπὸ Ναζαρέτ τῆς

нѣз при озерѣ ѣенисаретѣцѣ. М. З. А. (παρὰ τὴν λίμνην Γεννησαρέτ). (море)
Мф. 15—29. нѣ иде при мори галилѣицѣмъ. М. З. (τὴν θάλασσαν πτὴς
Γαλιλαίας)¹. (поуѣстѣнии). Мф. 3—1. проповѣдалъ въ поуѣстѣнии иерданѣцѣ. А.
(ἐν τῇ ἐρήμῳ τῆς Ἰουδαίας)².

Таковы случаи употребления прилагательных, образованных от собственных имен существительных, означающих место и выступающих в атрибутивной связи с существительными локативного значения (страна, градъ, море). В них наблюдается отсутствие закономерности в употреблении полной (resp. краткой) формы; преобладающее число примеров зафиксировано с краткой формой, меньшее число аналогичных примеров с полной формой, число разночтений — весьма значительно. Это объясняется тем, что лексическое значение рассмотренных конструкций прилагательное + существительное столь определено, что в этом отношении нет нужды в каком-либо дополнительном показателе (ср. подобное положение с притяжательными прилагательными). Само по себе сочетание типа градъ самарѣцѣ не может означать неединичный, неопределенный предмет. Поэтому полная форма как бы индифферентна к подобным случаям, — она может и наличествовать и отсутствовать, не нарушая этим определенности, единичности, которая заложена в самом лексическом значении данного сочетания³.

То же приблизительно отношение наблюдается в примерах, где определяемое существительное не локативного, а иного значения.

Мф. 1—11. въ прѣселеніи какилонѣцѣмъ С; въ прѣселеніи вавилонѣцѣмъ. А. (ἐπὶ τῆς μετοικεσίας βαβυλῶνος). Мф. 1—12. по прѣселеніи же какилонѣцѣмъ С; какилонѣцѣ. А. (τὴν θάλασσαν τῆς Γαλιλαίας)⁴.

Галилаіас); то же, Мф. 3—13, А.; Мф. 21—11, М. С.; Мф. 2—1. въ внѣшномъ иудѣицѣмъ. С. А. (ἐν βηθλεѣμ τῆς Ἰουδαίας); то же, Мф. 2—5, С.; иудѣицѣ. А.; Лк. 23—51. отъ ариматѣи града иудѣиска. М. З. (ἀπὸ Ἀριμαθαίας πολέως τῶν Ἰουδαίως); Ио. 12—21. отъ вид(е)санды галѣиска. М. З. А. (τῷ ἀπὸ Βηθσαιδα τῆς Γαλιλαίας); Ио. 2—1. въ кана галанацѣ. М. З.; галана. А. (ἐν Κανὰ τῇν Γαλιλαίας); то же. Ио. 2—11, М. А.; галана. З. Наконец, случай с разночтением: Ио. 21—2. от кана галанаска. М. З.; галанаска. А.

¹ В трех остальных случаях зафиксированы разночтения, в том же контексте: Мф. 4—18. галанаска. З. А.; галанаска. С.; то же, Мр. 1—16. галанаска. З.; галанаска. М.; Мр. 7—31. на море галанаска. М. А. С.; галанаска. З. В аналогичных примерах: Ио. 21—1. бѣи са пакы нѣ оученикомъ своимъ на мори таверѣдѣцѣмъ. М. З. А. (τῆς θάλασσης τῆς Τιβερίδος); Ио. 6—1. идѣ нѣк на онѣ поля морѣ галанаска таверѣдѣцѣмъ. М.; таверѣдѣска, З. А. (τῆς Γαλιλαίας τῆς Τιβερίδος).

² Остальные примеры с прилагательными, образованными от собственных имен существительных, означающих место: Мф. 3—6. нѣ крыжа са въ ерданѣцѣ рѣцѣ. С. А. (ἐν τῷ Ἰορδὸνῃ ποταμῷ); то же: Мр. 1—5, М. З. А. С.; Лк. 6—17. мнѣ множество много люди. . . и отъ нѣрѣмъ і померѣ тоурѣска и сидѣска. М. А. С.; тѣрѣска. З. (τῆς περὶ τοῦ Τύρου καὶ Σιδῶνος); Ио. 18—1. на онѣ поля потока кедрѣска. М. З. А. С. (τοῦ χειμάρρου τῶν Κεδρών); Ио. 9—7. оумыи са въ коупѣи сидѣгѣмъ. М. З.; сидѣгѣмъ. А. (εἰς τὴν κορυβήθρην τοῦ Σιλωάμ); Лк. 13—4. на наже падѣ сталѣ сидѣгѣмъ. М. З. (ὁ πύργος ἐν τῷ Σιλωάμ).

³ Ср. подобную непоследовательность в употреблении членной формы с географическими названиями в современном болгарском языке, где член выступает иногда лишь в силу языковой традиции, а не какой-либо строгой закономерности: *Дунавѣт*, но *Марица* и т. п. На это же явление указывал Л. П. Якубинский: „Аналогичные явления мы найдем и в языках с ярко выраженной категорией определенности и неопределенности. Ср. во французском яз. Paris — „Париж“ без члена, потому что определенность дана в лексическом значении слова, что „Новгород“, но le Havre — „Гавр“ с определенным членом по той же причине, что и „Новый торг“ (История древнерусского языка, М. 1953, стр. 213—214).

⁴ Ср. также: Мф. 1—17. до прѣселенія вавилонѣскаго. . . и отъ прѣселенія какилонѣскаго С. А. (в обоих случаях τῆς μετοικεσίας βαβυλῶνος).

Заметим, что в этом случае преобладает полная форма (ср. с греческим оригиналом). Случаи, где определяемое существительное со значением лица, рассмотрены ниже.

б) Несколько иное положение было в тех случаях, когда прилагательное образовалось от нарицательного имени существительного, означающего место (небеса¹, земля², морская и т. п.). Здесь почти во всех случаях выступает полная форма (примеры и их статистику см. в § 14). Число примеров с краткой формой исчисляется единицами; характерно при этом, что краткая форма фиксируется как раз в тех примерах, где определенность, единичность предмета — очевидна¹). Прилагательные типа земля², небеса² и другие, как указывалось выше, встречаются в исследуемых текстах параллельно с прилагательными земля¹, небеса¹ и др.; притом различие в суффиксах не отражается в употреблении полной (resp. краткой) формы.

Причину наличия полной формы в конструкциях типа црѣтко небеса²ское мы усматривали в конкретности их лексического значения, но определенность этих конструкций была не столь четкой, как в примерах типа градъ сидонскъ, — это, видимо, и требовало дополнительного грамматического оформления определенности в виде полной формы.

в) В исследуемых кодексах зафиксированы следующие случаи, когда прилагательное на -скъ, образованное от собственного имени существительного, означающего место (город, область и т. п.), выступает в качестве определения к имени собственному, означающему лицо:

Мф. 26—69. и ты еси сѣи нѣма галилеимскѣмъ. М. З. А. С.^{88, 105} (μετὰ Ἰησοῦ τοῦ Γαλιλαίου); Лк. 3—1. въ нѣмѣ на десѣте лѣто ...обладающею понтаскоюмоу пилатѣ иудѣемъ. М. З. А. С. (ἡγεμονεύοντος Ποντίου Πιλάτου)²; Мф. 26—14. иуда искаріотскѣмъ. М. З. А. С. (Ἰούδας Ἰσκαριώτης)³.

В этих случаях последовательно фиксируется полная форма. В них прилагательное выполняет ту же функцию, что и в устойчивых сочетаниях, рассмотренных выше (типа нѣкоко малаго, см. § 19), т. е. в именах, прозвищах и т. п. Полная форма выполняет здесь свою основную функцию индивидуализации, указывает на единичность лица. Важно отметить также, что оттенок притяжательности в данных примерах незначителен.

г) Иное соотношение полных и кратких форм наблюдается в тех случаях, когда прилагательное, образованное от собственного имени существительного, означающего место, выступает в качестве определения к нарицательному существительному со значением лица.

¹ Краткая форма только в двух случаях: Мф. 19—23. не оудѣмъ когатоу винѣти въ црѣтко нѣско. С; нѣско М.; нѣско А. (εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν); Мф. 18—35. такѣ и отѣцъ мѣи нѣскѣ ствѣрѣти вамъ. М.; нѣскѣ А.; нѣскѣ С. (ὁ πατὴρ μου ὁ οὐράνιος).

Здесь же можно привести примеры: Лк. 11—31. црѣца южаска встанѣти на сѣдѣ Мъ, южаска. З. (βασιλεῖσα νότον); то же: Мф. 12—42. южаска. З. Или: Мф. 23—33. како оубѣжите отъ сѣдѣ коньскааго Мъ, (ἀπὸ τῆς κρίσεως τῆς ἑξένης).

² Ср. также: Мф. 27—2. и прѣдѣши и понтаскоюму пилатѣ. М. З. А. С. (καὶ παρέδωκεν Πιλάτῳ τὸν ἡγεμόνιν).

³ В греческом оригинале и с членом и без него: а) без члена: Мр. 3—19. иудѣ искаріотскааго. М. З. (Ἰούδαν Ἰσκαριώτην); Мф. 14—43. иуда искаріотскѣмъ. З. (Ἰούδας); Лк. 6—16. иудѣ искаріотскааго. М. З. (Ἰούδαν Ἰσκαριώτην); Ио. 13—2. иудѣ симонѣ искаріотскоуму. М. З. С. 371—7. (Ἰούδας Σίμωνος Ἰσκαριώτης); Ио. 13—26. иудѣ симонѣ искаріотскоуму. М. З. (Ἰούδᾳ Σίμωνος Ἰσκαριώτου); б) с членом. Мр. 14—10. иуда искаріотскѣмъ. М. З. (ὁ Ἰούδας ὁ Ἰσκαριώτης); Ио. 12—4. иуда симонѣ искаріотскѣмъ. М. З. А. С. (Ἰούδας ὁ Ἰσκαριώτης); Ио. 14—22. иуда не искаріотскѣмъ. М. З. А. С. (Ἰούδας οὐκ ὁ Ἰσκαριώτης).

Мф. 27—32. исходные же окрѣтѣ чка куриниска именемъ симона. М. З. А. С. (ἄνθρωπον Κυρηναῖον). Лк. 23—6. каприси и аште чка галилѣиска еста. М. З. (ὁ ἄνθρωπος Γαλιλαῖος)¹.

В этих двух случаях краткая форма — закономерна. Лицо, определяемое прилагательным, ничем не выделяется из числа ему подобных, обладающих тем же свойством лица (один из киринейцев, один из многих ему равных, аналогично примеру чакка богата).

Специального объяснения требует наличие краткой формы в таких примерах, как: Лк. 23—28. ис ка нима рече дзигтери имски не плачте са о мнѣ. М. З. (θυγῆτέρες Ἰερουσαλήμ).

Здесь следовало бы ожидать полную форму, как и в примерах, приведенных выше на стр. 86, однако в данном случае, надо полагать, решающую роль сыграл другой фактор, — связь прилагательных на -иска с притяжательными прилагательными.

Эта связь особенно ярко выступает в таких примерах, как црл иуденска, где прилагательное иуденска понималось, видимо, славянским переводчиком, как царь, принадлежащий иудеям, царь иудеев (на это указывает и греческий текст, где фиксируется родительный притяжательный):

Мр. 15—18. радоуи са црлю иуденска. М. З. А. С. (βασιλεῦ τῶν Ἰουδαίων). Ио. 18—39. хощете ли оубо да оглагоушѣтѣ камъ црѣк иуденска. М. З. А. С. (τὸν βασιλέα τῶν Ἰουδαίων); Мф. 2—2. каде еста рожда са црѣ иуденска С. А. (ὁ τεχθεὶς βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων)².

Здесь, несмотря на обращение (звательный „падеж“) в первом случае и на вышеупомянутость во втором случае, употреблена краткая форма. Краткая форма иуденска выступает довольно последовательно во всех сочетаниях, зафиксированных в исследуемых памятниках, притом большинство из них относятся к случаям, когда речь идет о вполне определенном, единичном предмете или понятии (например пасха иуденска)³.

¹ Того же типа примеры: Мф. 15—22. и се жина хананиска отъ прѣдѣла тѣхъ. М. З. А. С. (καὶ ἰδοὺ γυνὴ χαναναῖα); различия зафиксированы в следующих примерах: Мф. 12—41. мжн нинкѣштѣтѣи кастаѣтѣ на едѣ. М. нинкѣштѣтѣи. З. (ἄνδρες Νινευῖται); то же, Лк. 11—32, М. З.; Мр. 6—21. вечерѣ твѣрѣши... старѣшнинама галилѣискама. М. З.; галилѣискима. А. (καὶ τοῖς πρῶτοις τῆς Γαλιλαίας).

² Всего сочетание црл иуденска всегда с краткой формой прилагательного в различных функциях и падежах (в греческом при этом последовательно формы с членом) зафиксировано в Савв. кн. 12 раз, в Мар. к. — 16 раз, Зогр. к. — 15 раз, в Ассем. к. — 15 раз.

³ Прилагательное иуденска зафиксировано также в следующих случаях: Ио. 3—1. кѣ же чакка отъ фарѣски никодимѣ нма емоу канаса иуденска. М. З. А. (ἄρχων τῶν Ἰουδαίων); Лк. 1—5 кѣ данн нрѣда цѣкѣрѣк иуденска М. З. А. (Ἠρώδου βαλέως τῆς Ἰουδαίας); Ио 18—12. и слоугы иуденски наса нса. М. З. А. С. (οἱ ὑπηρετοὶ τῶν Ἰουδαίων); различение: Ио. 19—21. главѣ же пилатови архирѣи иудеиски. М.; иудеиски. З. (οἱ ἀρχιερεῖς τῶς Ἰουδαίων); Лк. 7—3. посла к нмасу старѣца иуденски. М. З. С. старѣца людскыма (πρεσβυτέρους τῶν Ἰουδαίων).

Определяемым существительным является не лицо, а какой-либо предмет или понятие: Ио. 2—6. кѣ же тоу... по очищению иудеискоу. М. З. А. (τὸν καθαρισμόν τῶν Ἰουδαίων); Ио. 11—55. кѣ же канза пасха иуденска. М. З. (τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων); то же: Ио. 2—13, М. З.; иуденска. А.; Ио. 7—2. кѣ же канза праздниѣк иуденска. М. З. А. (ἡ ἑορτὴ τῶν Ἰουδαίων); праздниѣк иуденска еще: Ио. 6—4, М. З.; Ио. 5—1, М. З.; Ио. 19—42. тоу же за параскѣѣнѣж иудѣиски... положите нса. М. З. А. (τὴν παρασκευὴν τῶν Ἰουδαίων); наконец, страхъ иуденска. Ио. 20—19. идеже кѣхѣ оученици его събрани за страхъ иуденска. М. А. (διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων); то же: Ио. 7—13, М. З. А. и Ио. 19—38, М. З. А.; для этих примеров важно учитывать замечание А. Вайана о том, что „притяжательное

А. Вайан указывает, что „имена прилагательные на -лскъ в том случае, когда они выступают вместо родительного падежа множественного числа, ведут себя как притяжательные прилагательные и склоняются (по крайней мере так было вначале) только по неопределенному склонению: цѣсарѣ индѣискѣ (обычно), звательный падеж цѣсарю индѣискѣ Мф. 27—29 и др., дательный падеж множественного числа — старѣшиинамъ галилѣискѣмъ, М. VI, 21. М. З. О. (-лскимъ — Ас). Однако притяжательное значение не отграничено строго от обычного значения производных прилагательных, и определенные (полные — Н. Т.) формы колеблются в своем употреблении с неопределенными и впоследствии стремятся их вытеснить“¹.

Утверждение Вайана, данное в начале приведенной цитаты, вполне применимо для рассматриваемой нами группы прилагательных (типа „индѣискѣ“), но оно не относится ко всем прилагательным на -лскъ без исключения².

д) Конструкции, в которых выступает прилагательное на -лскъ не от существительных локативного значения (или названий народностей), — немногочисленны, но довольно разнообразны.

Почти все они образованы от существительных со значением лица (члвкъ, пророкъ и т. п.) и являются прилагательными родовой принадлежности.

Лк. 14—1. и блвтъ егда баниде ис къ домъ единого кнѣзѣ фарисеика. М. А. С. (τινὸς τῶν ἁρχόντων τῶν Φαρισαίων). Краткая форма закономерна после числительного едина, выступающего в функции неопределенного местоимения. В таком же примере, как: Мр. 8—15 блвдѣте сѧ отъ кнѣзѣ фарисеика. М. З. (τῆς ἐξουίης τῶν Φαρισαίων),³ она вызвана, видимо, тем же фактором, что и в примере страхъ индѣискѣ.

Однако, наряду с краткой формой, в данной лексической группе выступает и полная: Лк. 1—9. по обычаю иерусалимоу кнѣзи сѧ емоу покадити. М. З. А. (κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἱερουσαλῆμ); Лк. 23—23. и оучитѣхъ глаголи ихъ и архиепископни. М. З. (αἱ φωναὶ αὐτῶν καὶ τῶν ἁρχιερέων); Мф. 23—29. ѣко зиждете гробы пророцкыи. М. (τοὺς τάφους τῶν προφητῶν); Мф. 26—56. да събѣждѣтъ сѧ кнѣигы пророцкыи. М. З. А. С. (αἱ γραφαὶ τῶν προφητῶν).

При этом в последних двух примерах употреблена полная форма, несмотря на то, что в греческом ей соответствует родительный притяжательный множественного числа.

прилагательное может иметь объектное значение (пассивное) наряду с обычным субъектным значением (активным): страхъ индѣискѣ, Ио. 19—38 и др. — это не страх, испытываемый иудеями, но страх, который внушают иудеи“ (Руководство по старославянскому языку, стр. 161).

¹ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 157—158.

² В качестве дополнительного примера можно привести еще: Ио. 7—35. да в расказаннѣ индѣиско хощетѣ ити. М. З. (τὴν διασπορὰν τῶν Ἑλλήνων). В греческом родительный притяжательный отсутствует: Лк. 23—38. кѣ... же... написано... кнѣигами индѣискѣми и римскѣми и евреискѣми. М. З. А. С.; в Савв. к. грѣчскѣми вместо евреискѣми (κατὰ γραμμάτων Ἑλληνικῶν καὶ ῥωμαϊκῶν καὶ Ἑβραϊκῶν). У прилагательных, образованных от названий народностей, а также различных социальных групп, греческому родительному притяжательному множественного числа соответствует краткая форма. Однако от существительного пророкъ — полная форма, несмотря на греческий текст. Мф. 26—56. да събѣждѣтъ сѧ кнѣигы пророцкыи. М. З. А. С. (γραφαὶ τῶν προφητῶν).

³ Ср. аналогичные примеры: Мф. 16—6. блвдѣте сѧ отъ кнѣзѣ фарисеика и садукеника. М. З. (τῆς ἐξουίης τῶν Φαρισαίων καὶ Σαδδουκαίων); то же: Мф. 16—11, М. З. и Лк. 12—1, М. З.; и, наконец, Мф. 16—12. не отъ кнѣзѣ хлѣбнаго нѣ отъ оученикѣ фарисеика и садукеника. М. З. (τῆς ἐξουίης τῶν Φαρισαίων καὶ Σαδδουκαίων), где важно отметить вторичную упомянутасть.

Таким образом, если прилагательные на -лскл, образованные от существительных — названий народностей, — довольно последовательно выступают в краткой форме, то прилагательные, образованные от существительных, обозначающих представителей социальных групп, чаще встречаются с полной формой (ср. аналогичное положение с прилагательными локативного значения, образованными от имен собственных и от имен нарицательных).

е) Прилагательное, образованное от существительного члвкѣкѣ, чаще всего встречается в сочетании сын члвкѣкѣ, притом применительно к одному, определенному лицу — Иисусу.

Мф. 8—20. снѣ члвкѣкѣ не иматѣ кѣде главы подѣклонити. М. З. С.; члвкѣкѣ. А. (ὁ δὲ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου).

В подавляющем большинстве примеров фиксируется полная форма, однако есть случаи, когда в аналогичной функции выступает и краткая форма. Такое колебание вообще характерно для прилагательных на -лскл, занимающих промежуточное положение между притяжательными и качественно-относительными прилагательными¹.

В тех случаях, когда речь идет не о конкретном лице, а о людях вообще (см. первый пример) или о каких-либо предметах или явлениях вообще, свойственных, принадлежащих людям (см. второй и следующие примеры), выступает краткая форма.

Мр. 3—28. ѣко кѣкѣ огъноустатѣ сл снѣ члвкѣкѣкомѣ. М. З. (τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων); Мф. 23—4. ꙗкѣзлагѣтъ на плещѣ члвкѣкѣ. М. А. (ἐπὶ τοὺς ὤμους τῶν ἀνθρώπων); Мр. 9—31. ѣко снѣ члвкѣкѣ прѣданѣ вѣдетѣ кѣ рѣцѣ члвкѣцѣ. М. З. С.; члвкѣкомѣ. А. (εἰς χεῖρας ἀνθρώπων)²; то же: Лк. 9—44, М. З.

В приведенных примерах, с одной стороны, нет ярко выраженного обособления уникализации предметов (явлений), с другой стороны, опять-таки ощущается момент притяжательности (ср. греческий родительный притяжательный множественного числа), — это и обуславливает наличие краткой формы³.

¹ В греческом тексте в соответствии с конструкцией снѣ члвкѣкѣ или снѣ члвкѣкѣ всегда, без исключения, форма с членом (ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου или другая, в зависимости от падежа). В исследуемых текстах конструкция с полной формой на -лскл зафиксирована в Савв. кн. — 31 раз, в Мар. к. — 78 раз, в Зогр. к. — 70 раз, в Ассем. к. — 22 раза; с краткой формой: Савв. кн. — 11 раз, Мар. к. — 5 раз, в Зогр. к. — 3 раза, в Ассем. к. не зафиксировано ни одного случая. Этот кодекс отличается от других тем, что в нем широко представлена форма прилагательного с суффиксом -ѣ (члвкѣкѣ, всегда краткая). Это еще один пример, иллюстрирующий близость прилагательных на -лскл к категории притяжательных прилагательных. Важно отметить также, что все краткие формы на -лскл зафиксированы только как разночтения, т. е. в других кодексах в том же контексте — полная форма (исключение — один пример: Мф. 20—18. снѣ члвкѣкѣ прѣданѣ вѣдетѣ М., где нет того же контекста в остальных списках). Разночтения при этом не вызваны какой-либо особой функцией прилагательного; это относится и к конкурирующим формам члвкѣкѣ — члвкѣкѣскѣ в Ассеманиевом кодексе.

² Ср. аналогичные примеры: Мр. 7—8. дрѣжитѣ прѣданнѣ члвкѣкѣ. М. З. (τὴν παράδοσιν τῶν ἀνθρώπων); Мр. 7—21. ꙗкѣзвѣждѣ ко етѣ срдѣца ѣкѣкѣ помышлениѣ неходѣтъ. М. З. (τῆς καρδίας τῶν ἀνθρώπων); Иг. 12—43. вѣзвѣкшиѣ ко пачѣ славѣ члвкѣкѣ неже славѣ бжнѣ. М., чскѣ. З.; члвкѣ. А., (τὴν δόξαν τῶν ἀνθρώπων); Мф. 15—9. вѣ соѣ же чѣтѣтъ ма оучѣше оучениѣ заповѣден члвкѣкѣ. М.; заповѣди члвкѣкѣ. З. (ἐντάλματα ἀνθρώπων); то же, Мр. 7—7, М. З.; Мр. 13—28. онѣ же рече ꙗмѣ врагѣ ѣскѣ се сѣтворѣ. З.; врагѣ члвкѣкѣ. М. А. (ἐχθροὶ ἀνθρώπου).

³ Относительно прилагательного людскѣ, выступающего только в сочетании кѣннѣкѣннѣ людскѣ или старѣннѣ людскѣ, см. § 18.

То же положение наблюдается в примерах, где выступают прилагательные мѣжжскѣ, женѣскѣ, дѣтѣскѣ:

Мф. 19—4. нѣсте ли чашѣ ѣко сѣтворѣ и икони мѣжжескѣ пола и женескѣ. М. З.; мѣжа и женѣ. С. (ἀπ' ἀρχῆς ἄρσεν καὶ θῆλυ)¹. Мр. 7—28 ѣко и пѣи пода трапезѣж ѣдатѣ отѣ кроуѣниѣ дѣтескѣ. М. З. (τῶν ψικίων τῶν παιδίων).

ж) Наконец, следует отметить пример с прилагательным, образованным от названия животного:

Мф. 18—6. оу^нѣ емоу естѣ да овѣсѣтѣ жрѣнокѣ на вѣи его о^слаѣскѣ. М. (ὄσλος ὀνικός), ср. камена жрѣносѣны § 18 и три примера, когда прилагательное на -скѣ образовано от названий предмета или отвлеченного понятия:

Лк. 20—42. а самѣ дѣвѣ гѣетѣ кѣ книгахѣ пѣломѣскѣхѣ. М. З. (ἐν βιβλῷ ψαλμῶν); Лк. 21—34. ѣда когда отѣжажѣтѣ срѣдѣ башѣ... пѣчалами житѣнскѣми. М. З. А. С. (καὶ μερίμναις βιωτικαῖς². Ио. 1—13. ѣже не отѣ крѣки ни отѣ похѣти платѣскѣ, ни отѣ похѣти мѣжжскѣ родиша сѣ. М. З.; платѣскѣна. А. (οὐδὲ ἐκ θελήματος σαρκός).

Как видно, в старославянском языке примеры употребления прилагательных на -скѣ от названий предметов и отвлеченных понятий были весьма немногочисленны; впоследствии в отдельных славянских языках число прилагательных на -скѣ активно пополнялось именно за счет образований этого типа.

Таковы случаи употребления прилагательных на -скѣ в исследуемых кодексах. Как видно, они имеют целый ряд своих особенностей: четкая корреляция полных и кратких форм по признаку определенности и неопределенности, наблюдаемая, например, в качественных прилагательных, — в отдельных группах прилагательных на -скѣ отсутствует. Полная форма чаще и почти всегда выступает в тех случаях, когда прилагательное образовано не от имени собственного (типа сидѣнскѣ), а от имени нарицательного с локативным значением; при этом полная форма служит дополнительным грамматическим оформителем определенности. Краткая форма преобладает в конструкциях типа градѣ сидѣнскѣ; в этих случаях наличие полной формы не привносило сверх основного значения прилагательного еще какого-либо оттенка определенности. То же можно сказать и про конструкцию типа црѣ иудѣнскѣ, где иудѣнскѣ, воспринимавшись в качестве притяжательного прилагательного.

Примеров, в которых бы можно было наблюдать четкую корреляцию кратких и полных форм одного и того же прилагательного на -скѣ, исследуемые кодексы не дают. Наличие полной и краткой формы обуславливалось в первую очередь лексическим значением прилагательного³.

¹ Ср. также: Ио. 1—13. ни отѣ похѣти мѣжжскѣ... родиша сѣ. М. З. А. (οὐ ἐκ θελήματος ἀνδρός); Лк. 2—23. ѣко вскѣ младѣнцѣ мѣжжскѣ пѣлоу. М. З. А. С. (ὅτι πᾶν ἄρσεν διανοῦτον).

² Ср. также: Лк. 8—14. ѣ отѣ б(га)тѣствѣ и сѣастѣми житѣнскѣми ходѣше подавѣжѣтѣ сѣ. М. З. С. А. (τοῦ καὶ ἡδούτω τοῦ βίου).

³ Отметим попутно, что некоторые сторонники теории предикативности не могут объяснить употребление полных и кратких форм прилагательных на -скѣ со своих позиций, — эти прилагательные выпадают из их системы построений. „Наблюдения показывают, — пишет В. Л. Георгиева, — что для времени развитой древнерусской письменности нельзя даже в малейшей мере говорить о зависимости употребления именной или местоименной форм прилагательных данного типа, функционирующих в роли определения, от наличия или отсутствия в этом определении предикативности. Именная форма осталась только в сочетаниях такого типа, который, судя по семантике соответствующих его компонентов, является, очевидно, наиболее древним. Можно предполагать, что именно с этими и им подобными существительными ранее, чем со всеми другими (и еще до появления местоименной формы. — Разрядка

Наиболее конкретные по своему значению прилагательные (типа *сидонаскъ*) выступают преимущественно в краткой форме; именно на них падает наибольшее число несоответствий с греческим оригиналом¹.

Прилагательное с краткой формой типа *сидонаскъ* (почти так же как и притяжательное *негрокъ*) является благодаря своему лексическому значению не менее определенным, чем прилагательное на *-аскъ* с полной формой типа *небесски* (например, в конструкции *отъацъ небески*). Естественно, что подобная двойственность в формальном выражении двух типов прилагательных достаточно конкретного лексического значения не осталась без изменений. Полная форма в качестве грамматического оформления определенности стала все шире проникать в прилагательное типа *сидонаскъ*. Этот процесс мы наблюдаем уже вне границ старославянского языка. Во всех современных славянских языках без исключения прилагательные на *-аскъ* выступают лишь в полной форме. Закрепление только полной формы за прилагательными на *-аскъ* произошло рано. Даже в болгарском и сербохорватском языках, сохранивших до сих пор краткие формы в атрибутивной функции, уже в XIV—XV вв., надо полагать, прилагательные на *-аскъ* имели, в основном, только полную форму².

В современном болгарском языке, утратившем противопоставление полных и кратких форм из-за наличия члена, оказавшегося более ярким выразителем отношений определенности и неопределенности, все прилагательные без члена выступают всегда в краткой форме. Исключением из этого правила являются лишь прилагательные на *-ски*, не имеющие краткой формы. Видимо, это явилось результатом того, что проникновение полной формы в эту группу прилагательных закончилось к периоду, когда категория членных форм окончательно утвердилась в болгарском языке. Если бы этого к тому времени не произошло, мы вправе были бы ожидать в современном болгарском языке для прилагательных на *-ски* того же положения, что и для других прилагательных (форма с членом *българският*, форма без члена *българск*, по типу *червеният*, *червен*).

В современном сербохорватском языке, подобно болгарскому, прилагательные на *-ски* выступают только в полной форме, как и некоторые другие группы прилагательных; например: *сеоски*, *београдски*, *мајчински*, *лавовски*³.

моя, Н. Т.), могли сочетаться прилагательные, обозначающие принадлежность лица или предмета к определенному племени или народности. Привычность употребления в сочетаниях данного типа именной формы, вероятно, и привела ее к более длительному сохранению" (Указ. соч., стр. 8).

¹ Число этих несоответствий особенно значительно еще потому, что в данном случае часто греческий родительный притяжательный множественного числа с членом передается краткой, реже полной, формой прилагательного на *-аскъ*.

² В древнерусском языке почти все прилагательные на *-аскъ* имели полную форму; краткая форма сохранилась лишь у прилагательных наиболее конкретного лексического значения. "Примеры с именной формой этих прилагательных составляют лишь около 1/15 общей их массы и наблюдаются, в основном, в "Повести временных лет" в сочетаниях с существительным "земля", "племя", "дети", "сын", "язык", причем сами прилагательные представляют образования от названий племен или народностей (*Словеньска земля*, *Хананейско племя* и проч.)", В. Л. Георгиева. Указ. соч., стр. 8.

³ Отметим, что в поэтическом языке (язык народных песен, язык поэзии, подражающей народным песням) возможны некоторые отклонения, вызванные часто требованиями версификации. Например у Негоша: *спушки* — *спушку*, см. об этом: Т. Мареџић. *Jezik slavonskih pisaca*. Rad. 180, 170; Р. Але к с и ћ. *Језик Матије Антуна Рељковића*. Ј. С. Ф., X. 107; Д. Вуш о в и ћ. Прилози проучавању Његошевог језика. Ј. С. Ф. IX, 95; С. Матић. Употреба дужих и краћих придевских облика у народном и Његошевом десетерцу. "Наш језик". Београд, 1939, VII, 2—3, стр. 45—47; В живом разговорном и литературном језику эти отклонения не встречаются; см. Т. Мареџић. *Gramatika*. . . str. 198.

Такое положение, видимо, было характерно и для древнесербского языка.

Это объясняется, так же как и для старославянского языка, конкретностью лексического значения данной группы прилагательных и их близостью к притяжательным прилагательным; в сербохорватском языке, однако, связь употребления полной формы с семантикой прилагательного имеет еще большее значение.

§ 30. Единственной группой прилагательных в старославянском, где корреляция полных и кратких форм полностью отсутствует и употребляется исключительно краткая форма, является группа притяжательных прилагательных. Выделение этих прилагательных из общего числа качественно-относительных вызвано, таким образом, не только их семантикой (принадлежность одному конкретному живому существу), но и их морфологическими особенностями, — наличием только именного типа склонения.

Притяжательные прилагательные в старославянском языке несколько обособлены от других прилагательных и в отношении словообразования; для них характерны только суффиксы: *-овъ*, *-ѣ*, *-инъ* и *-ьнъ*. Отметим, что эти суффиксы при образовании других, качественно-относительных прилагательных мало используются¹.

При помощи суффикса *-ов(-ев)* образуются притяжательные прилагательные, как от имен собственных, личных, так и от нарицательных, обозначающих лицо или животное:

Лк. 1—39. *идѣ кѣ грѣх... кѣ градѣ иудокѣ*. М. З. А. С. (*εἰς πόλιν Ἰούδα*); Лк. 24—44. *кѣсѣмѣ написанимѣ кѣ законѣ мосѣокѣ*. М. З. А. С. (*ἐν τῷ νόμῳ μωυσέως*); Лк. 17—26. *ѣ кѣже вѣсѣтѣ кѣ дани носѣкѣ*. М. З. (*ἐν ταῖς ἡμέραις Νῶε*).

Мф. 26—51. *ѣ оудари раба архiereвока*. М. З. С. (*τὸν δούλον τοῦ ἀρχιερέως*); Ио. 3—29. *ѣ дроуѣтѣ женихока стоѣи и послоушаѣа его*. М. А. (*ὁ δὲ φίλος τοῦ νυμφίου*)².

Мф. 12—34. *штѣдаѣ ехиданова како можеѣе добро глаѣти*. М. З. А.; *имѣма аспидока*. С. (*γεννήματα ἐχιδνῶν*)³.

При помощи суффикса *-ѣ*, так же как и при помощи суффикса *-овъ*, образуются притяжательные прилагательные от имен собственных, личных; например:

Ио. 8—39. *гла имѣ иѣ аште чѣда акраамѣ вѣсѣтѣ вѣли дѣла акраамѣ тѣворили вѣсѣтѣ*. М. З. А. (*εἰ τέχνα τοῦ Ἀβραάμ ἐστὶ τὰ ἔργα τοῦ Ἀβραάμ ποιεῖτε*).

¹ Среди качественно-относительных прилагательных широко используется лишь суффикс *-ьн-*, который имеет весьма ограниченное применение среди притяжательных (см. далее). Суффикс *-ин-* вне сферы притяжательных мало употребляется; суффикс *-ѣ* крайне редко фиксируется только с прилагательными, образованными от географических названий (см. об этом в сноске на стр. 84), суффикс *-ов-* вне сферы притяжательных прилагательных употребляется редко (*травновѣ*, *истоковѣ*).

² Интересен пример: Мр. 3—17. *ѣ наричѣ имѣи ѣмѣи коанѣриѣхѣа еѣи еѣи сѣи громека*. М. З. (*ὁ ἐστὶν υἱὸς βροντῆς*), где гром понимается как одушевленная сила.

³ Выше указывалось, что отношение к месту ощущалось в древнем языке как принадлежность месту, поэтому прилагательные на *-овъ*, *-евъ*, образованные от названий места, выступают в краткой форме. Здесь выявляется, во-первых, связь с прилагательным на *-ьскѣ*, во-вторых, зависимость от словообразовательного момента — от суффикса. Однако эта связь существует лишь в границах притяжательности (в широком смысле); в тех случаях, когда прилагательное на *-овъ* оказывается не связанным с моментом притяжательности, возможна и полная форма. Например: Ио. 19—5. *изидѣ же иѣ вѣнѣ неѣа травновѣ вѣнѣца*. М. З.; *травнѣнѣ*. С. *травновѣ* А. (*ἀκύνθινον στεφανῶν*); Ио. 4—37. *ѣ самѣ ко еѣи слово истоковѣ*. М.; *истиннѣновѣ*. З. А. (*ὁ λόγος ἐστὶν ἀληθινός*); Мф. 22—19. *покажѣте ми складѣи кинѣсовѣ*. С.; *кинѣсанѣ* (*τὸ νόμισμα τοῦ χηνσου*).

Ио. 4—6. кѣ же тоу стоуденецѣ иѣкобѣ. М. З. (ἡν δὲ ἐκεί πηγὴ τοῦ Ἰακώβ). От имен нарицательных, означающих лицо или животное:

Мф. 10—41. і приемлиаи прѣвѣданика кѣ има прѣвѣданичѣ мѣздѣ прѣвѣданичѣ приметѣ. (εἰς ὄνομα δικαίου μισθὸν δικαίου). Мф. 21—5. и кѣсѣдѣ на о҃сала і жрѣба сѣа ѣраманича. М.; сѣа ѣраманика. С. (ἐπὶ πῶλον υἱὸν ὑποζυγίου)¹.

Мр. 1—6. кѣ же ионаѣ облачена кѣасѣ кѣлабѣжѣди. М. З. А. С. (τρίχας καμῆλου)².

Прилагательные типа сѣиднокѣ, кѣлабѣжѣди, в иных случаях и женихокѣ, прѣвѣданичѣ могут рассматриваться как притяжательные прилагательные родовой принадлежности. Однако в старославянском языке, надо полагать, не было между прилагательными личной и родовой принадлежности столь четкой границы, как это имеет место в современных славянских языках, где все более и более ощущается качественно-относительный оттенок прилагательных родовой принадлежности. Отметим также, что в старославянском языке еще значение родовой принадлежности было на первом плане и лишь через эту принадлежность и осознавался качественно-относительный оттенок (значение) прилагательного, даже в таких случаях, как, например, кѣасѣ кѣлабѣжѣди³. Поэтому притяжательные прилагательные личной и родовой принадлежности с суффиксом *-овѣ*, *-ѣ* и другими суффиксами выступали в краткой форме⁴.

При помощи суффикса *-инѣ* образуются прилагательные от довольно ограниченного числа существительных, преимущественно собственно-личных (случаи образования от имен существительных нарицательных, означающих лицо или животное, в исследуемых кодексах не зафиксированы). Например:

Ио. 1—43. ісѣ рече тѣи еси симона сѣа ионина. М. З. А. (ὁ υἱὸς Ἰωάννου); Лк. 1—41. і бысѣтѣ ѣко оу҃саѣша елисаветѣ цѣлоковѣе маринѣ. М. З. А. С. (τὸν ἀσπασμὸν τῆς μαρίας)⁵.

¹ В данном примере, в разночтениях, синтаксическая синонимика (притяжательное прилагательное — родительный притяжательный). Отметим, что случаи употребления родительного притяжательного в соответствии с притяжательными прилагательными в других кодексах наиболее характерны для Саввиной книги (см. об этом в книге: В. Погорелов. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы, стр. 29). III Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě, 1925, с. 29.

² Вне сферы притяжательных прилагательных суффикс *ѣ* употребляется при образовании прилагательных от собственных имен существительных, означающих место. При этом наблюдается полная синонимика суффиксов *-ьскѣ* и *ѣ*. Ио. 9—7. кѣ кѣпѣли сѣлоу҃амскѣ. М. З.; сѣлоамѣ. А.; (εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σιλωάμ). Ио. 9—11. нди кѣ кѣпѣлѣ сѣлоу҃амѣ. М. З. А. (ὅτι ὑπᾶγε εἰς τοῦ Σιλωάμ). Выше уже отмечались случаи синонимии *члѣвѣчѣ* и *члѣвѣчскѣ* (см. стр. 88). Из области синонимии суффиксов притяжательных прилагательных важно отметить также конкуренцию суффиксов *-овѣ* и *-ѣ* и *-овѣ* и *инѣ* при образовании прилагательных от имен собственных — личных: Лк. 3—34. авраамѣ. М. З.; Лк. 19—9. авраамѣ. М. З. А.; Лк. 1—39. нѣоу҃а М. З. А. С.; Лк. 3—26. нѣдинѣ. М. З.; см. об этом также А. Meillet. Études sur l'étymologie. . . , t. II. Paris, 1905, p. 370.

³ См. об этом в кн.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 514—522.

⁴ В качестве единственного исключения можно привести пример: Ио. 5—2, *єсть же в ѣрѣмѣхѣ на о҃вчѣи кѣпѣли*. М. З.; о҃вчин. А. (ἐπὶ τῇ προβατικῇ κολυμβήθρᾳ). Возможно, что он указывает уже на начало процесса формального разграничения лично-притяжательных и притяжательных родовых с усиленным качественно-относительным оттенком.

⁵ Прилагательные на *-инѣ* образуются исключительно от существительных основ на *-а*, в то время как с суффиксом *-овѣ*, например, возможно образование от существительных и других основ.

Наконец, при помощи суффикса *-ьнѣ* образуются притяжательные прилагательные от существительных нарицательных, означающих лицо.

В исследуемых кодексах зафиксировано только прилагательное от существительного *господа* — *господана*:

Мф. 28—2. *аѣѣ ко гна сѣшедѣ с нѣсе*. М. 3. А. С. (*ἄγγελος γὰρ κυρίου*); Лк. 1—9. *кѣчи са емоу покѣдѣти бѣшедѣшиу бѣ црква гнѣж*. М. 3. (*εἰς τὸν ναὸν τοῦ κυρίου*).

Таковы основные случаи употребления притяжательных прилагательных в старославянском языке. Наличие исключительно краткой формы во всех примерах определяется самой природой притяжательных прилагательных; по своему значению они существенно отличаются от всех остальных качественно-относительных прилагательных. Качественно-относительные указывают на свойство предмета или лица, притяжательные — на его принадлежность. Поэтому, как отмечает В. В. Виноградов, „притяжательные прилагательные лишены оттенка качественности и и сама прилагательность их условна“¹. „Прилагательные притяжательные, — пишет далее В. В. Виноградов, — подобно указательным местоимениям, несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю. Общности качества, выражаемого прилагательным качественно-относительным, здесь противостоит значение индивидуализирующего выделения предмета“².

Таким образом, сама природа притяжательных прилагательных, само их лексическое значение выполняет в известном роде ту же роль, что и полная форма при качественно-относительных прилагательных. Эта индивидуализация, обособляющее указание на принадлежность единичному обладателю, делает, естественно, излишним еще какое-либо формальное указание на нее. Лексическая определенность притяжательных прилагательных была столь ярка, что не возникла необходимость в грамматическом оформлении определенности. Отметим, что и в этом случае снова наблюдается зависимость употребления полной или краткой формы от лексического значения прилагательного.

В отдельных славянских языках судьба притяжательных прилагательных была различна. Тем не менее, можно отметить один общий процесс их развития, — в тех языках, где нарушалась корреляция полных и кратких форм качественно-относительных прилагательных в атрибутивной функции, наблюдалось вслед за этим проникновение полных форм в разряд притяжательных (лично-притяжательных) прилагательных. Однако этот процесс ни в одном славянском языке не достиг своего предела. Дальше всех пошел современный польский язык: в нем краткие формы притяжательных прилагательных употребляются лишь в составе сказуемого (*ojców, żonin, matczyn*), во всех остальных случаях выступает полная форма. В современном чешском языке притяжательные прилагательные (так же, как и в польском, лично-притяжательные только с суффиксом *-ův, -in* не могут выражать родовой принадлежности) склоняются

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 191.

² Там же, стр. 192; ср. это положение с еще одним высказыванием В. В. Виноградова, где та же мысль раскрывается несколько подробнее: „Прежде всего бросается в глаза некоторое сходство между ними (притяжательными прилагательными. — *Н. Т.*) и такими местоименными прилагательными, как: *мой, твой, наш, ваш, тот, этот*. Между обоими этими разрядами обнаруживается тесная смысловая связь. Оба они не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца“. „Этой особенностью притяжательные и указательно- или притяжательно-местоименные прилагательные резко отличаются от всех других. Они выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения“ (стр. 191).

по смешанному склонению, где одни падежные окончания имеют формы именного склонения (краткие), другие — местоименного (полные). Русский язык сохраняет краткие формы, также только для притяжательных личной принадлежности, и то непоследовательно, — в косвенных падежах часто выступает полная форма¹. В сербохорватском языке, подобно русскому, в именительном и винительном падежах лично-притяжательные прилагательные имеют только краткую форму; в косвенных падежах изредка возможны и полные формы². При этом существует довольно четкое разграничение притяжательных прилагательных личной и родовой принадлежности и в плане словообразования: лично-притяжательные прилагательные выступают всегда с суффиксом *-ов*, *-ин*, родовые с суффиксом *-ски* (ср. *лавов* — никогда не *лавови*, но *лавова*, а иногда *лавовог* и *лавовски* — всегда *лавовски*, *лавовског* и т. д.)³.

Отметим, наконец, что у притяжательных (лично-притяжательных) прилагательных в отдельных славянских языках никогда не было и не могло быть корреляции полных и кратких форм, так как это исключалось лексическим значением этих прилагательных.

Полная форма проникала в разряд притяжательных прилагательных лишь вслед за активным расширением сферы употребления полных форм в разряде качественно-относительных, проникала часто по аналогии с последними и являлась лишь средством более четкого морфологического обособления категории прилагательных вообще.

§ 31. Таким образом, краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражают отношения определенности и неопределенности существительного-предмета, к которому относится прилагательное. Корреляция полных и кратких форм в старославянском языке не шла по линии атрибутивности и предикативности или энергичности и неэнергичности признака предмета. Активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного, указывающая на то, что предмет, к которому относится прилагательное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду. Поэтому полная форма употребляется и в тех случаях, когда другими языковыми средствами подчеркивается это неравенство (с указательным местоимением, звательный „падеж“), когда нужно подчеркнуть, что предмет единичен и не имеет себе подобных (с числительным *ѣдинѣ* „единственный“), и в тех случаях, когда это неравенство вытекает из того, что конструкция „прилагательное + существительное“ означает фактически иной предмет или понятие (во фразеологических единствах — термин родства, названия болезней и т. п.), наконец, и в тех случаях, когда просто выделяется предмет по указанному принципу. Зафиксированы также отдельные примеры употребления полных форм и в так называемой нейтральной позиции; в ряде положений не всегда можно провести четкое разграничение полных и кратких форм (укажем, что наибольшее число разночтений по кодексам относится именно к этим случаям). Краткая форма, в отличие от полной, указывает на то, что существительное, определяемое прилагательным, ничем не отличается от множества равных ему по роду. Она выступает и в тех случаях, когда нужно подчеркнуть это равенство (с числительным *ѣдинѣ* „один из многих“, с местоимением *каждѣхъ*),

¹ См. В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 195.

² См. Т. Maretić. Gramatika i stilistika. . . , str. 197—198.

³ Некоторые ученые предполагали наличие подобного четкого соотношения и в старославянском языке, однако вышеизложенные факты старославянского языка не подтверждают этого полностью. Подобное соотношение выявлялось лишь в общем плане, четкого разграничения не было.

и в тех случаях, когда это равенство не подчеркивается, но вытекает из того, что предмет не выделяется из ряда ему подобных (с глаголом подобаѣти, в составе родительного части и др.), наконец, она преобладает в нейтральных позициях. Краткая форма прилагательного чаще всего просто указывает на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики.

В связи с этим основным значением кратких и полных форм момент вышеупомянутости выступает как второстепенный, подчиненный, как частный случай более универсальной категории определенности прилагательных. При вторичном упоминании предмета часто возникает необходимость в его уникализации (в указании, что предмет именно тот, а не другой), но в иных случаях такое выделение не обязательно. Отсюда — случаи употребления краткой формы при вышеупомянутости.

Одной из характерных особенностей старославянского языка, сохранившейся в полной мере в современном сербохорватском языке, является тесная связь полной формы с прилагательными определенных лексических групп. Семантика прилагательного в иных случаях играла огромную, подчас решающую роль при употреблении исключительно полной формы. К таким прилагательным относились темпоральные, локативные и некоторые другие группы прилагательных. В дальнейшем в отдельных славянских языках (в том числе и в сербохорватском) сфера прилагательных, имеющих только полную форму, расширялась. Без учета семантического момента нельзя объяснить наличие одной полной формы, а тем самым и отсутствие корреляции в целом ряде случаев, так же как и ее отсутствие в группе притяжательных прилагательных.

3. КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ

§ 32. Выступая в качестве составной части сказуемого, прилагательное выполняет особую, отличную от рассмотренной выше, синтаксическую функцию: прилагательное переходит из сферы атрибутивных отношений, основных для прилагательного, в сферу предикативных отношений, при которых оно, продолжая обозначать качество или свойство существительного (подлежащего), оказывается тесно связанным с глаголом (сказуемым). С формальной стороны, при этом прилагательное лишается одного из характерных для атрибутивной функции признаков: наличия двух форм, полной и краткой. В составной части сказуемого в старославянском языке выступает лишь краткая форма.

По определению акад. А. А. Шахматова, „предикативными отношениями называем изъяснительные, т. е. содержащие утверждение или отрицание чего-либо. Кроме этих отношений, существующих между субъектом и предикатом, между представлениями могут быть отношения атрибутивные, т. е. такие отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений; атрибутивными являются отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления, ибо расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката стоящих между собой в предикативных отношениях“¹.

При утверждении или отрицании какого-либо свойства или качества предмета, лица (субъекта), т. е. в тех случаях, когда глагол указывает на наличие (resp. отсутствие), возникновение (resp. исчезновение) свойства, качества субъекта, выраженного прилагательным, входящим в состав сказуемого, нет необходимости, вернее возможности, одновременно

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л. 1941, стр. 29.

характеризовать субъект с точки зрения его определенности или неопределенности. Такая характеристика может быть дана только в пределах атрибутивных отношений, ибо определенность (resp. неопределенность) субъекта не лексически может быть выражена исключительно при условии нерасчлененности этих двух моментов.

Этим объясняется наличие только одной, краткой формы прилагательных в их предикативном употреблении в старославянском языке.

§ 33. Отсутствие противопоставления полных и кратких форм прилагательных в составном сказуемом во многом облегчает задачу изложения фактического материала. Нет нужды приводить все примеры целиком или хотя бы большую их часть; достаточно указать на основные типы синтаксических конструкций с именем прилагательным в предикативной функции.

1. Конструкции с глаголом связкой (бѣти, кѣмѣ) со значением настоящего, прошедшего, будущего времени, повелительного и условного наклонения.

В этих конструкциях глагол в большинстве случаев лишен своего лексического содержания, — он выполняет формальную роль, обозначая категорию времени и отношение признака, выраженного прилагательным, к подлежащему, и является так называемой незначащей связкой.

а) Глагол-связка в настоящем времени:

Ио. 13—10. гла емоу иѣ измѣненѣ не тѣкоуѣтъ тѣкмо ностѣ оумити естѣ во века чистѣ і бѣ чисти есте. М. З. А. С.; Мр. 4—40. рече има чѣто тако страшнѣ есте како не имете вѣры. М. З.; Ио. 4—35. вѣздеѣте очи вашѣ и видите нѣкѣѣ ѣко плаваѣ сѣтъ кѣ жатѣѣ юже. М. З. А.

В приведенных примерах прилагательное обозначает признак постоянный, временно присущий предмету. Однако такое значение прилагательного в составе сказуемого нельзя считать единственно возможным; нередки случаи, когда с глаголом-связкой, особенно если он стоит в третьем лице, при вневременном настоящем, прилагательное обозначает признак, постоянно присущий предмету, независимо от момента речи. Такие конструкции выступают обычно в предложениях, сообщающих какое-либо умозаключение обобщающего порядка. Например:

Лк. 20—38. бѣ же нѣстѣ мрътвѣхѣ на живѣхѣ бѣси во томоу живѣ сѣтъ. М. З.; Ио. 7—6. гла же има иѣ вѣрѣма мое не оу приде а вѣрѣма ваше вѣсегда естѣ готово. М. З. А.

В последнем примере постоянность признака подчеркивается обстоятельством словом — наречием вѣсегда.

б) Глагол-связка в настоящем времени с союзом „да“ (в функции повелительного наклонения):

Мф. 23—26. фарисею сѣпле очисти прѣжде канѣтрѣнее стеклѣнниці і по-
рошнѣѣ да вѣдетѣ и канѣцѣнѣе има чисто. М.

в) Глагол-связка в будущем времени:

Лк. 11—34. егда оубо око твоѣ просто вѣдетѣ і касе тѣло твоѣ сѣтъзѣло вѣдетѣ. М. З.

г) Глагол-связка в прошедшем времени:

Лк. 16—19. чѣвѣка же единѣ ѣѣ богѣтъ. М. З. С. С.; Ио. 21—7. епен-
дигмоу прѣпоѣѣ сѣ ѣѣ во нагѣ. М. З. А. С.

д) Глагол-связка в повелительном наклонении:

Мр. 5—34. иѣ же рече еи дѣшти... иди сѣ миромѣ і вѣди цѣла отѣ
ранѣ твоѣѣ. М. З.

е) Глагол-связка в условном наклонении:

Ио. 9—41. аще висте слѣпи были. М. З. А.

Во всех приведенных примерах с будущим и прошедшим временем и повелительным наклонением отсутствует значение постоянной присущности признака, выраженного прилагательным в составе сказуемого, лицу или предмету, выраженному существительным-подлежащим; признак либо должен еще возникнуть (будущее время, повелительное наклонение), либо дается указание на то, что он был присущ предмету в прошлом или на всем протяжении его существования (чѣмъ же единъ бѣ когдѣ) или в определенный отрезок времени (спендѣтомъ прѣпоѣха сѣ къ ко нагѣ), либо, наконец, просто указывается на возможность того или иного признака для данного предмета (... аще висте слѣпи были).

§ 34. Конструкции, в которых прилагательное входит в состав сказуемого в сочетании с глаголом движения или пребывания в состоянии.

В этих конструкциях глагол сохраняет свое лексическое содержание, разделяя с прилагательным предикативную функцию и является так называемой знаменательной связкой. Лексическое содержание глагола без прилагательного в большинстве случаев оказывается неполным, действие (состояние), выражаемое глаголом, не раскрытым до конца (например: Мф. 20—6. чѣто стѣитѣ сѣде вѣсѣ дѣна праздни. М. А. С.), что указывает на неразрывную связь глагола с прилагательным, входящим в состав сложного сказуемого. В иных случаях, однако, взаимосвязь может ощущаться слабее (Мф. 21—5. се цѣрѣ тѣмъ грядѣтъ тѣбѣ кроутокъ. М. С., где прилагательное кроутокъ может при желании рассматриваться даже как обособленное определение), — при этом лексическое содержание глагола оказывается более полным, независимым. Некоторые исследователи поэтому усматривают в данной функции прилагательного полупредикативности или так называемую „разделенную предикативность“. Однако введение третьего понятия (категории, как полагают некоторые исследователи) — полупредикативности, помимо атрибутивности и предикативности, для данного исследования оказалось бы, по нашему мнению, излишним и запутывающим дело; конструкции „глагол со значением движения (состояния) + прилагательное“ следует относить к предикативному употреблению прилагательного¹, различая лишь большую или меньшую степень лексической знаменательности глагола.

Мф. 19—22. слышавъ же юноша сѣло се отиде печальнѣ. С.; отиде скръзѣ. М.; Мф. 20—6. і гла имѣ чѣто стѣитѣ сѣде вѣсѣ дѣна праздни. М. А. С.; Ио. 9—2. оучителю кѣто сѣгрѣши сѣ ли или родитѣлѣ его да слѣпѣ роди сѣ. М. З.; Лк. 1—22. і тѣ бѣ помакаѣ имѣ і прѣбывааше нѣмѣ. М. З.

Те же отношения наблюдаются и в примерах, где выступает причастная форма глагола.

Мф. 20—3. видѣ ны на трѣжницѣ стѣяща праздни і тѣмѣ рече. М. С.

В случаях, когда лексическая знаменательность ослаблена (например: прѣбывааше нѣмѣ), функция глагола приближается к функции глагола-связки. В тех случаях, когда лексическая знаменательность не ослаблена, в зависимости от порядка слов можно говорить о близости функции прилагательного, входящего в состав сказуемого, к функции обособленного определения.

Отметим также, что во всех приведенных примерах прилагательное выражает временный, преходящий признак.

§ 35. Конструкции, в которых прилагательное выступает в сочета-

¹ Укажем, что в этом отношении разногласий среди исследователей нашего вопроса нет. Те, кто усматривает в данной конструкции полупредикативность, не находят возможным рассматривать эту функцию прилагательного как атрибутивную.

нии с причастием настоящего времени *сѣи*, *сѣишти*, *сѣи* (или прошедшего времени *сѣиша*, *сѣиши*, *сѣиша*), образующим обособленный оборот.

В этой конструкции прилагательное выступает чаще всего в функции так называемого второго именительного; при этом оно „выражает не какое-либо другое, а именно, то качество предмета, которым объясняется соответствующее действие этого предмета, выраженного в сказуемом“¹. Такой оборот можно считать своеобразным „второстепенным сказуемым“ сохраняющим с основным сказуемым тесную смысловую и причинную связь и зависящим от него. Функция причастия *сѣи* приближается в данном обороте к функции незначительной связки в рассмотренном выше составном сказуемом.

Мф. 12—34. како можете до^{вр}о гла^гти зѣи сѣище. М. 3.; аж^кави сѣище. С.; Лк. 2—25. і се бѣ чѣзъ вѣ имѣѣ емоуже има сумеонъ і чѣзъ сѣ павѣденъ и чѣстивѣ чѣзъ оутѣхъ и издрѣклъ. М. 3. С.; Ио., 3—4. гла кѣ немоу никодимъ како мѣжетъ чѣзъ родити[а] старъ сѣи. М. 3.

§ 36. Несколько иные отношения наблюдаются в тех случаях, когда рассматриваемые конструкции относятся к дополнению, где прилагательное выступает в функции так называемого второго винительного. Например:

Лк. 18—24. онъ же сѣишавъ ее прискрѣбена бѣ ко когата сѣло видѣвъ же і прискрѣбена сѣища рече. С.; в других кодексах второй именительный: прискрѣбена бѣкѣ. 3.; прискрѣбена бѣкѣиши. М.

Важно отметить единственный случай, где зафиксирована полная форма: Ак. 10—30. остакѣише і сѣѣ жикого сѣища отиде С. В других кодексах краткая форма: остакѣише і сѣѣ жикѣ сѣишга. М. 3.

Отмеченная нами полная форма могла возникнуть в результате значительного обособления второго винительного от первого винительного, — в данном контексте употребление прилагательного в сочетании с *сѣи* приближалось к случаям вышеупомянутым. Ср. чѣзъ единъ сѣхождааше отъ ісма вѣ сѣихъ і вѣ разкони^кклъ кападе иже и сѣкѣише и чѣзъ вѣзложѣише отидѣ остакѣише і сѣѣ жикого сѣища... Нужно признать, однако, что такое объяснение едва ли достаточно убедительно.

§ 37. Конструкции, в которых прилагательное в сочетании с причастием *сѣи* образует оборот, именуемый дательным самостоятельным.

Конструкция с дательным самостоятельным не находится в зависимости от подлежащего или сказуемого главного предложения. Между главным предложением и рассматриваемым оборотом существует только соотносительная во времени связь.

В этой конструкции причастие довольно четко выступает в роли так называемой незначительной связки.

В исследуемых текстах зафиксирован единственный пример: Мр. 8—1. бѣ та дѣи пакѣ мѣногоу сѣиштоу нарѣдоу. М. 3. Приведем также характерный пример из Супрасльской рукописи: ...како ко иматъ сѣтрѣпѣти толи^к пѣтъ бѣдноу сѣиштоу и горъноу. Супр. 31—10.

§ 38. Особо отметим конструкции, в которых прилагательное выступает в функции второго косвенного падежа (второй винительный и др.). В этих конструкциях прилагательное указывает на признак предмета, выходящий лишь посредством действия, выраженного сказуемым. Связь прилагательного с глаголом не позволяет рассматривать данную функцию прилагательного как чисто атрибутивную.

¹ В. Л. Георгиева. Указ. соч., стр. 107.

На это указывал А. М. Пешковский: "...Особенность всех этих сочетаний по сравнению с типом 6 (прилагательное + существительное) (т. е. чисто атрибутивными отношениями. — Н. Т.) состоит в том, что падеж прилагательного здесь не подчинен падежу существительного, к которому оно относится, а подчинен прямо глаголу, наравне с самим существительным. *Муж жену любит здоровую* — ощущается как *любит жену + любит здоровую*, а не как *любит здоровую жену*... В связи с этим между прилагательным и существительным устанавливается особое отношение предикативности, приближающее это сочетание к сочетанию *муж жену любит, когда она здорова*. Вторые падежи так и называются часто „предикативными“, наравне с именительным и творительным предикативными, хотя, конечно, прав у них на такое название, собственно, нет, так как в состав сказуемого они не входят“¹.

В старославянском языке в этой функции всегда выступает краткая форма прилагательного.

Лк. 3—4. оутѣхайте ѡбѣ гнѣ правѣ творите стѣза его. М. З. С.;
Ио. 5—11. онѣ же оутѣхаша имѣ иже ма сътвори цѣла. М. З.

§ 39. Таковы, в основном, случаи употребления прилагательных в предикативной функции. Предикативное употребление прилагательных в старославянском языке в плане поставленной проблемы не дает многообразного материала: как видно из приведенных примеров, прилагательное в составе сказуемого всегда выступает в краткой форме.

Это явление объяснялось исследователями различно. Так, например, сторонники теории „предикативности“ (Истрина и др.), естественно, и в данном случае правильно, объясняли наличие краткой формы связью прилагательного с глаголом (сказуемым), и ошибочно, по нашему мнению, они в „предикативности“ видели нередко единственную причину употребления краткой формы и в атрибутивной функции.

Сторонники теории „определенности и неопределенности“, со своей стороны, давали часто неполное, спорное объяснение исследуемому вопросу. Так, Л. П. Якубинский полагал, что употребление исключительно кратких прилагательных „в качестве сказуемого-предиката, т. е. в предикативной функции... объясняется тем, что предикат в именном сказуемом выступает сам по себе, как признак, приписываемый или открываемый в уже известном, определенном предмете; в этом случае существительное, к которому относится прилагательное (подлежащее), оказывается всегда определенным для высказывающегося. Раз я приписываю в именном сказуемом какой-нибудь признак какому-то предмету, ясно, что этот предмет мне уже известен. Член здесь решительно излишен; он никогда не ставился в подобных случаях“². С таким утверждением трудно согласиться. Можно указать на целый ряд случаев, когда в именном сказуемом приписывается признак какому-либо неопределенному, не выделенному из числа других ему подобных, предмету. При этом неопределенность предмета (подлежащего) может быть подчеркнута каким-либо неопределенным словом (ср., например, *чакѣ единѣ бѣ богаты*. Лк. 16—19 и др.). Предмет, выраженный подлежащим, может быть и определенным и неопределенным; на это указывает и употребление с ним в качестве атрибута указательных и неопределенных местоимений, а также полных и кратких прилагательных³.

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 309.

² Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного, стр. 57.

³ Отметим еще раз, что в нашем понимании „определенность“ и „известность“ — не одно и то же. Критерий „известности“ слишком широк и слишком зависим от раз-

Другое объяснение дает А. Белич. „Как известно, — пишет он, — предикатом выявляется в сознании (мышлении), что-то новое, выражается новая связь субъекта с каким-либо свойством или действием. Отсюда неопределенный вид (т. е. краткая форма. — Н. Т.), употребляющийся в сказуемом, означает нечто проходящее, случайное, впервые опознанное и т. д., так что по отношению к нему определенная (полная. — Н. Т.) форма должна обозначать свойство постоянное, являющееся составной частью самого предмета нашей мысли“¹. В отличие от мнения Л. П. Якубинского, полагавшего, что прилагательное в предикате относится к известному („определенному“) предмету (подлежащему) и потому не нуждается в формальном выражении определенности, А. Белич считает, что прилагательное в предикате всегда выражает временное свойство и потому выступает в краткой („неопределенной“) форме.

Однако принимать момент временности и постоянства признака определяющим употребление краткой формы в предикативной функции для всех случаев едва ли правомерно, так как в предикате прилагательное отнюдь не всегда выражает временное, преходящее свойство. Выше были приведены примеры, когда прилагательное выражает постоянное, неизменное свойство предмета. Правда, такие примеры встречаются в текстах значительно реже, чем примеры с прилагательным, выражающим временное свойство, однако мы не должны недооценивать их роль и значение в развитии исследуемой категории.

Постоянство и временность признака в предикате в старославянском языке формально не противопоставлялись. Такое противопоставление в разряде качественных прилагательных, и то далеко не всегда последовательное и четкое, возникло позднее в русском языке после проникновения полной формы в предикат².

В старославянском этого не было по той причине, что полные и краткие формы несли другую нагрузку в области атрибутивных отношений, а именно выражали определенность и неопределенность. При таком положении употребление полной формы в составе сказуемого оказывалось невозможным; полная форма проникла в сказуемое (в отдельных славянских языках) лишь тогда, когда в атрибуте были утрачены значения определенности и неопределенности.

Таким образом, причину отсутствия полных форм прилагательных в составе сказуемого, по нашему мнению, нужно находить прежде всего в том, что основным значением полной формы в старославянском языке было значение определенности, которое относилось не к прилагательному („определенность свойства“), а к определяемому существительному („определенность предмета“). Определенность эта имела в основном значение уникализировующее. Функция полной формы была близка в этом отношении к функции указательного местоимения (примерно: *dobrá žena* = хорошая эта женщина). Представление определенности и представление предмета не могут быть расчлененными, ибо определенность входит в состав одного сложного, нерасчлененного представления, представления конкретного (выделенного) предмета. Такие отношения,

личных субъективных моментов, чтобы на нем можно было основываться. Опираясь на критерий „известности“, мы оказываемся бессильными в определении границ его действия. (Что такое „известность“? — общеизвестность, известность говорящему, известность для группы лиц?).

¹ А. Белич. „Южнославянски филолог“, кн. XIII. Београд, 1933—1934, стр. 216. (Рец. на книгу Г. Гуннарсона „Recherches syntaxiques...“).

² См. Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. „Уч. зап. МГУ“, вып. 150. Москва, 1951.

как указывалось в начале настоящей главы, возможны лишь в сфере атрибутивной¹.

Предикативные отношения неминуемо ведут к разрыву двух представлений (здесь представления предмета и его качества), к отнесению одного из них к субъекту, другого к предикату. Определенность предмета не может быть выражена в сфере предикативной², не считая чисто лексических возможностей.

§ 40. История проникновения полных форм прилагательных в предикат в отдельных славянских языках подтверждает наши основные выводы в отношении старославянского языка. В этом плане наибольший интерес представляет материал современного русского и сербохорватского языков, сохранивших, правда, не в полной мере, употребление кратких прилагательных в предикативной функции. В западнославянских языках (польском, чешском, словацком), а также в украинском и западно-белорусских говорах произошел процесс закрепления в предикате только полной формы (за исключением единичных случаев). Интересующий нас материал современного и древнерусского языка достаточно полно изложен в ряде работ³; поэтому нам представляется целесообразным отметить лишь некоторые наиболее важные моменты, связанные с процессом проникновения полной формы в состав сказуемого. Некоторые исследователи производили наблюдения над развитием отношений кратких и полных форм прилагательных в предикативной функции, не учитывая одновременно изменений, происходящих в атрибутивной функции, не устанавливая их взаимосвязи. А между тем, очевидно, что полная форма начала проникать в предикат лишь после того, как в атрибуте оказалось нарушенным противопоставление полных форм кратким, как бы ни объяснять это противопоставление, — различием по линии определенности и неопределенности или „предикативности“ и атрибутивности. Только — когда старая система корреляции в атрибутивной функции была нарушена, когда в атрибуте стали почти безраздельно господствовать полные формы и значение определенности и неопределенности для полных и кратких форм стерлось, в предикат стала активно проникать полная форма. Это произошло довольно поздно, не ранее XVI в. (первые единичные случаи употребления полных форм в предикате относятся к XV в.). Однако прежние значения (определенности и неопределенности) не исчезли полностью: полные и краткие формы, присущие уже только качественному прилагательному, оказавшись в предикате связанными с глаголом (с действием или состоянием), естественно, изменили

¹ Отметим также, что в атрибутивной сфере возможна расчлененность, подобная предикативной. Таковы случаи так называемого обособленного определения, при котором возникают синтаксические отношения, нарушающие единство сложного, нерасчлененного представления. В этих случаях в старославянском языке последовательно фиксируется краткая форма — и не *кѣди ми подражатѣль словоу и грѣшнуу глаголю вѣгда и не творѣху*. Мак. глаг. листок. 1—10.

² Ср. положение, по которому в современном русском языке и в других славянских языках указательное местоимение не может быть именной частью составного сказуемого (например, рус. — *книга — эта, дом — тот*, или серб. *књига је ова, дом је онај*). В просторечии известны подобные выражения: „девица — та“, или „девица — еще та“, обычно с восклицательной интонацией, но в них указательное местоимение прилагательное выступает в роли качественного прилагательного. Расчлененными могут быть представления качества и предмета, но никак не определенность предмета.

³ См. следующие работы: Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском языке XV—XVII вв. „Докл. и сообщ. ИРЯЗ АН СССР“, вып. 1, 1948 (автореферат канд. диссерт.); см. также саму диссертацию — М. 1948 г.; а также указ соч. Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы...; Указ. соч. В. А. Георгиевой. Синтаксические функции...; указ. работу Г. Гуннарсона „Recherches syntaxiques...“

свое значение и стали выражать первые — постоянное, вторые — временное свойство. Поэтому противопоставление кратких и полных форм сохранили только прилагательные, способные выступать в качестве временных эпитетов¹. Значение постоянного (resp. временного свойства, как указывалось, являлось характерным в ряде случаев для полных (resp. кратких) форм в атрибутивной функции, но оно не было тогда основным, решающим; главным оставалось значение определенности и неопределенности. В предикате отношения изменились: связь с глаголом выставила в качестве основных значения постоянства и временности признака.

Однако развитие полных и кратких форм в составе сказуемого пошло дальше. В современном русском языке, в отличие от языка XIX и XVIII вв., все чаще употребляется полная форма и при обозначении временного свойства. В прошедшем и будущем временах временность и постоянство свойства обозначаются в современном языке также творительным и именительным падежом полных форм. Краткая форма, употребляемая только в составной части сказуемого и потому неизменяемая по падежам, стала выделяться в особую категорию — категорию состояния, порывая тем самым связь с категорией прилагательных². Между краткими и полными формами возникает значительная семантическая дифференциация. Этим знаменуется новый, последний этап в процессе развития значений кратких и полных форм в предикате.

Таким образом, процесс становления новых соотношений кратких и полных форм в составе сказуемого начинается только после того, как оказывается окончательно нарушена корреляция полных и кратких форм в атрибутивной функции. При этом в предикате на первых порах возникает новая корреляция, видоизмененная и суженная (в связи с характерными особенностями предикативной функции и ограничением круга прилагательных с двумя формами исключительно качественными прилагательными), но все же связанная по значению с предыдущей (новая корреляция по принципу временности и постоянства свойства). Таковы, в общих чертах факты из истории русского языка.

Сербохорватский язык также отошел от того состояния, какое мы наблюдаем в старославянском языке. Однако в нем, в отличие от русского, не нарушена корреляция полных и кратких форм в атрибуте. Полные и краткие формы выражают отношения определенности (resp. неопределенности)³. Активизация полных форм связана, повидимому, с лексическим значением прилагательных. В сербохорватском языке краткую форму утратили относительные прилагательные на *-ски*, локативные и темпоральные прилагательные, прилагательные, выражающие отношение к различным частям тела, к определенным единичным предметам, а также некоторые другие, в том числе и ряд качественных (*мали* и др.)⁴. Важно подчеркнуть, что в современном сербохорватском языке, в отличие, например, от русского, нет ни одного прилагательного, которое бы в предикативной функции имело только краткую или полную и краткую, а в атрибутивной только полную форму. В тех случаях,

¹ "... в кругу имен прилагательных лишь временные эпитеты, лишь обозначения временных свойств имеют полную и краткую форму". В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 262.

² См. в статье: Н. С. Поспелов. „Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке. „Вопросы языкознания“, 1953, № 6, стр. 62—63.

³ В этом мнении сходятся все исследователи сербского языка — А. Белич, Т. Маретич, Л. Стоянович, М. Решетар и др. Оно отражено и в сербской грамматической терминологии: „одређени вид“ — определенный вид (полная форма), „неодређени вид“ — неопределенный вид (краткая форма).

⁴ См. Т. Mar e ti ć. Gramatika i stilistika, str. 459, а также § 17 настоящей работы.

когда в предикате краткая форма, в атрибуте употребляется и полная и краткая; но, если в атрибуте употребление краткой формы невозможно, в предикате тоже выступает только полная форма¹.

Полные формы в предикате, таким образом, не сосуществуют с краткими, а вытесняют их параллельно с вытеснением их атрибута; краткая форма одновременно исчезает и в предикате и в атрибуте. Так, в современном сербохорватском языке в предикате не возникает той корреляции кратких и полных форм, которая характерна для русского языка (XIX — отчасти XX вв.). Естественно, нет и условий для перехода кратких прилагательных в категорию состояния. Это происходит потому, что сербохорватский язык сохраняет противопоставление полных и кратких форм в атрибутивной функции (корреляция определенности и неопределенности), хотя для некоторых прилагательных и не во всех падежах (из-за совпадения окончаний именного и местоименного склонений и характера ударения)².

Некоторые данные старославянских памятников позволяют сделать предположение, что в старославянском языке начинался процесс, который позднее нашел свое более полное выражение в сербохорватском языке, т. е. начиналась указанная выше одновременная утрата кратких форм и в атрибутивной и в предикативной функциях.

Нами зафиксирован лишь один пример с употреблением полной формы прилагательного в предикативной функции:

Мф. 20—16. тако ѡбѣщѣхъ послѣднии прѣвни и прѣвни послѣднии. М. А. (οὕτως ἔσονται οἱ ἔσχατοι πρῶτοι καὶ οἱ πρῶτοι ἔσχατοι).

Прилагательные локативного и темпорального значения, образованные от наречий, в атрибутивной функции в краткой форме не зафикси-

¹ Другими словами, если относительное прилагательное может иметь краткую форму в предикате (например прилагательное *необорив* (и), а. о. — бесспорный, непреоборимый), — *овај доказ је необорив* — (это доказательство бесспорно, т. е. неопровержимо), то полная форма в предикате будет уже невозможна. Нельзя сказать: *Овај доказ је необориви*. В современном сербохорватском языке краткие и полные формы в предикате не могут существовать, подобно тому как это имеет место в современном русском языке: *это доказательство бесспорно* — *это доказательство бесспорное*. Притом в данном случае, т. е. когда в предикате употребляется исключительно краткая форма, в атрибутивной функции в им. (вин.) падеже должна обязательно сохраняться корреляция двух форм (*необориви доказ: необорив доказ*; например, *Необориви доказ натерао га је да призна своју кривицу* ([это] неопровержимое доказательство заставило его признать свою вину), наряду с *само необорив доказ може да га натера да призна своју кривицу* (только неопровержимое доказательство может заставить его признать свою вину). Если же в атрибутивной функции во всех случаях употребляется лишь полная форма (например прилагательное *тајни*, а, о — тайный — *тај и ортак ми је рекао* (тайный компаньон мне сказал), наряду с *за тај посао може да се нађе тајни ортак*. (Для этого дела можно найти тайного компаньона), т. е. противопоставление в атрибуте отсутствует, — в предикате краткая форма невозможна и употребляется лишь одна полная форма. Поэтому нельзя сказать: *овај ортак је тајан*, а можно сказать лишь — *овај ортак је тајни* (этот компаньон — тайный). То же положение наблюдается и с относительными прилагательными на -ски и другими группами относительных прилагательных, перечисленными выше. Качественные прилагательные в этом отношении ничем не отличаются от относительных. Нужно отметить только, что число качественных прилагательных, имеющих исключительно полную форму, весьма незначительно. Так, в атрибутивной функции возможно: *он је метнуо на главу црни шешир и изишао* (он одел черную шляпу — эту, определенную — и вышел); *црни шешир му је врло добро стојао* (черная шляпа — вообще — ему очень шла). В предикативной функции: *његов шешир је био црн* (его шляпа была черная) форма — *је био црни* — невозможна. Параллельно этой группе примеров можно привести следующие: *он је метнуо на главу свој мали качкет и изишао* (он одел свою маленькую кепку и вышел); *мали качкет му је врло добро стојао* (маленькая кепка ему очень шла) и, наконец: *његов качкет је био мали* (его кепка была маленькой).

² Об ударении см. Буро Д а н и ч и ћ. Српски акценти. Београд-Сремски Карловци, 1925.

рованы (§ 13). В предикативной функции другие прилагательные этой группы (кроме *покладливый*) не обнаружены. Можно также предположить, что указанная группа прилагательных вообще не имела краткой формы.

4. КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ФОРМЫ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 41. Прилагательное, субстантивируясь, переходит из сферы выражения атрибутивных отношений в сферу выражения предметных отношений. При этом и с формальной стороны прилагательное лишается некоторых признаков своей категории и приближается к категории существительного. Переходя в существительное, субстантивированное прилагательное не теряет в полной мере связи с категорией прилагательного потому, что при субстантивизации, как правило, название предмета заменяется названием его наиболее характерного и постоянного свойства, затем уже само это свойство начинает обозначать предмет¹. В зависимости от того, насколько утрачено значение свойства (качества), можно говорить о той или иной степени субстантивации прилагательного.

Нужно отметить, однако, что не всякое прилагательное, не во всех случаях может быть субстантивировано. Для субстантивации необходимы известные условия. Основным и в большинстве случаев решающим условием нужно считать наличие определенного лексического ряда субстантивированных прилагательных².

При рассмотрении субстантивированных прилагательных применялись различные классификации в зависимости от того, с какой стороны исследовалась данная категория. Так, при изучении самого процесса субстантивации отмечались обычно четыре основных момента перехода прилагательных в существительные: 1) прилагательные с начальной субстантивацией; 2) атрибутивно-субстантивные прилагательные; 3) прилагательные с завершающейся субстантивацией; 4) прилагательные с законченной субстантивацией. При рассмотрении семантической стороны данной категории устанавливаются различные ряды субстантивированных прилагательных. А. Пешковский разграничивает субстантивированные прилагательные еще по одному признаку. „Можно сказать, — утверждает А. Пешковский, — что в прилагательном есть намек на предмет, и если предмет настолько известен, что одного намека достаточно, или если, напротив, он неизвестен, но говорящий не хочет сделать его

¹ На этот процесс впервые обратил внимание А. Потебня. Он писал: „Я думаю, что во всяком языке, имеющем прилагательное, эта часть речи может указывать на носителя признака и в этом смысле обозначать его“. — „Из записок по русской грамматике“, т. I—II, стр. 97; см. также т. III, стр. 49—50, 59—64. Основные положения А. Потебни были развиты А. Шахматовым („Субстантивация — переход в существительные самих названий признаков“. — „Синтаксис русского языка“, стр. 455 и далее) и А. Пешковским („Вообще в прилагательных признак ведь изображен не сам, а как заложенный в предмете, и потому в нем заключено и смутное указание на самый предмет, в котором заложен данный признак“. — „Русский синтаксис в научном освещении“, стр. 146).

² О принципе классификации по лексическим рядам см. Л. Б. Перльмуттер. Переход прилагательных в существительные. „Русский язык в школе“, 1948, № 1, стр. 12—21. См. также диссерт.: И. М. Подгаецкая. Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка XVIII—XX вв. М. 1950. „Пешковский рисует процесс субстантивизации как прикрепление прилагательных к существительным. В целях экономии существительное в дальнейшем не употребляется в речи. Но не всегда языковая практика подтверждает эту теорию. Почему не субстантивизируется, например „вечная ручка“? Потому что нет других названий для ручки. А какая еще бывает ручка? Для субстантивации нужно, чтобы были ряды“. Например, ряд комнат: ванная, столовая, передняя, прихожая, кладовая и т. п. См. Л. Б. Перльмуттер. Указ. соч., стр. 14.

известным, а хочет только намекнуть на него — существительное опускается¹. В одних случаях, полагает А. Пешковский, „существительное опущено потому, что оно было хорошо известно разговаривающим... в других случаях мы употребляем прилагательные в смысле существительных нарочно, чтобы не думать о каком-нибудь определенном предмете, а только о своих предметах, имеющих данный признак“². Разграничение это близко по своей сущности к классификации по принципу „определенности“ (единичности) и „неопределенности“ (неединичности), и если при исследовании материала современного русского языка оно едва ли имеет первостепенное значение, то при разрешении нашей проблемы такое разграничение крайне важно.

Поэтому при рассмотрении материала старославянского языка для выяснения значений кратких и полных форм прилагательных наиболее правильным принципом классификации нам представляется следующий:

1. распределение субстантивированных прилагательных по рядам;
2. обнаружение прилагательных с единичным и неединичным значением внутри каждого ряда субстантивированных прилагательных.

Степень субстантивации отмечается лишь в отдельных случаях, так как с одной стороны, для старославянского языка она трудно определима, с другой, — она не является решающим фактором при употреблении полной (геср. краткой) формы прилагательного. В той же мере безразлично, в качестве какого члена предложения (подлежащего или дополнения) выступает субстантивированное прилагательное; более важным является учет различных других синтаксических и лексических связей отдельных субстантивированных прилагательных в атрибутивной функции.

Отметим также, что не всякое прилагательное, выступающее самостоятельно, без существительного, можно считать субстантивированным. Есть такие случаи, как например:

Ио. 2—10: гла емоу вѣтъкъ чѣвъкъ прѣжде доброе вино полагаѣтъ і егда оупиѣтъ сѧ тогда тѣтъѣ. М. З. А.; Лк. 23—30, 31. глѣтъ горамъ ... зане аште къ сѣрѣ дрѣтъ сѧ творѣтъ въ соудѣ что вѣдетъ. М. З.

Здесь налицо обычное опущение существительного, допущенное во избежание вторичного повторения одного и того же слова.

§ 42. Наиболее многочисленной является группа субстантивированных прилагательных со значением лица. Разнообразие лексических значений прилагательных, входящих в состав этой группы, дает возможность установить еще ряд подгрупп (лексических рядов) внутри общего лексического ряда лица. Таковыми являются: субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по индивидуальным качествам, по физическим качествам, по социальному положению, по степени родства, по локальному и темпоральному признаку и др.

§ 43. В исследуемых кодексах зафиксированы следующие субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по качествам характера: вѣрънѣи, неѣтърънѣи, грѣшнѣи, добръи, бл҃гѣи, злыи, кроткѣи, милостѣи, правѣднѣи, неправѣднѣи, мѣдрѣи, прѣмѣдрѣи, разумнѣи, ниции (дхѣмѣ), чистѣи (срѣцѣмѣ).

Субстантивированные прилагательные со значением неединичности: Лк. 16—10. вѣрънѣи въ малѣ и въ мнозѣ вѣрънѣ естѣ і неправѣднѣи въ малѣ и въ мнозѣ неправѣднѣ естѣ. М. З. А. С. (ὁ πιστὸς ἐν ἐλαχίστῳ... ὁ ἐν ἐλαχίστῳ ἄδικος).

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, М. 1938, стр. 346.

² Там же, стр. 146.

В приведенных примерах прилагательные вѣрными и неправедными обозначают лицо в обобщенном смысле — тот, кто верен (генерализующая функция)¹, — в атрибутивной функции в этом случае обычна краткая форма.

В той же функции выступает прилагательное злыми в примере: Мф. 5—45. яко слышце словеса сиего на злого и на добраго и на джжитца на праведных и на неправедных. С.

Если же субстантивированное прилагательное, обозначающее в единственном числе лицо в обобщенном смысле, заменяется соответствующим субстантивированным прилагательным во множественном числе, то обычно фиксируется краткая форма (вообще злые, вообще добрые). Сравните тот же пример:

Мф. 5—45. яко слышце словеса сего на злы и на блгды и джжитца на праведны и на неправедны. М.; то же З., где зафиксировано праведными (ἐπὶ πονηροὺς καὶ ἀγαθοὺς... ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους); здесь уже преобладает краткая форма, но ее нельзя считать единственно возможной для данного случая. Сравните тот же пример в Ассем. к., где во всех случаях зафиксирована полная форма (злыми, блгды, праведными, неправедными). Число колебаний в данном положении достаточно велико, значительная часть разночтений относится именно к этому случаю употребления субстантивированных прилагательных. Например:

Мф. 11—25. яко оутанах еси се отъ прѣмѣдрыхъ и разоумныхъ. М. З. (ἀπὸ σοφῶν καὶ συνετῶν). В том же контексте:

Лк. 10—21. яко оутанах еси се отъ прѣмѣдръ и разоуменъ². М. З. А. С. 31, 128. (ἀπὸ σοφῶν καὶ συνετῶν).

Отметим случай, где краткая форма субстантивированного прилагательного выступает наряду с существительными:

Мф. 23—24. сего ради се азъ слыа къ вамъ пркы и прѣмѣдры и кзникъны. М. А. (σοφοὺς...).

Краткая форма выступает вместо существительного (единственный случай разночтения такого рода).

Лк. 6—32. и грѣшныи ко кбвѣцѣмъ ихъ любѣтъ. С. (οἱ ἁμαρτωλοὶ).

В других кодексах грѣшники — М. З. А., в том же кодексе далее грѣшники — Лк. 6—33.

Краткая форма употреблена после прилагательного в атрибутивной функции:

Мр. 6—13. и мазаахъ олемъ многы недѣжны и ицѣлаахъ. М. (πολλοὺς ἀρρώστους); Мр. 1—34; и ицѣли многы недѣжны имѣшга разлычны таса. М. (πολλοὺς κακῶς ἔχοντας).

В Зографском кодексе в обоих случаях полная форма недѣжными.

В употреблении краткой и полной формы субстантивированных прилагательных данного ряда со значением неединичности трудно устано-

¹ Ср. в современном болгарском языке в той же функции последовательно употребляется постпозитивный член: *умният винаги побеждава*.

² Отметим также случаи разночтения в так называемых „заповедях блаженства“; Мф. 5—5. блаженни кротцыи яко ти наследѣтъ земьж. С. А.; кротцы. З.; Мф. 5—8. блаженни чисти срдцѣмъ яко ти кз бжрѣ. С. З.; чисти. А.; Мф. 5—3. блаженни нищии дхѣмъ яко... С. З.; нищии. А. Без разночтения зафиксирован лишь один пример: Мф. 5—7. блаженни милостивии яко ти... С. З. А.

вить четкую закономерность: наряду с краткой формой выступает и полная:

Мр. 6—56. и ѣможе коликѣдо вѣхѣждаше къ васи ли къ града ли къ седа на распѣтихъ полагаѣхъ недѣжжнѣмъ. М. З. (τοὺς ἀσθενούτους); Ио. 6—2. и по нема идѣше народа много ѣко видѣахъ знамени ѣже творѣше на недѣжжнѣхъ. М. З. А. (ἐπὶ τῶν ἀσθενούντων).

Полная форма в рассматриваемом положении является в общем более употребительной¹.

Последовательное употребление полной формы зафиксировано в случаях при противопоставлении одного субстантивированного прилагательного (во множественном числе) — другому, при этом оба прилагательных вместе означают определенный круг лиц, взятый целиком (для данного контекста).

Мф. 13—47, 48, 49. пакѣ подобно есть цѣрѣтѣе небѣское небѣдоу кѣкрѣженоу къ морю и отъ каскѣго рода избѣракъшию... сѣдѣше избѣраша дѣрѣмъ къ сѣждѣи, а зѣламъ изкрѣжъ конъ (τὰ καλὰ... τὰ σαπρὰ)... такѣ каждѣтъ къ сѣконѣчанне кѣка изидѣтъ дѣнѣи и отълѣчатъ зѣламъ отъ срѣдѣи правѣднѣхъ. М. З. С. (τοὺς πονηροὺς τῶν δικαίων).

Данный пример отличается от остальных приведенных выше: в нем субстантивированные прилагательные означают не злых и праведных вообще, а злых и добрых в определенных конкретных условиях, взятых при этом полностью: здесь значение неединичности отсутствует. То же приблизительно положение наблюдается в примерах, где субстантивированное прилагательное выступает наряду с определительным местоимением каса².

Лк. 13—17. и каси людѣ радѣваахѣ са о каскѣхъ слабѣннѣхъ бѣкаѣи штѣи отъ него. М. З. С. (ἐπὶ πάντων τοῖς ἐνδοξοῖς).

С местоимением каса зафиксировано лишь одно разночтение, вызванное, вероятно, тем, что определение каса относится более к словам ѣже скрѣтѣжъ, а не к субстантивированным прилагательным зѣламъ, дѣрѣмъ, которые несколько обособлены:

Мф. 22—10. сѣбѣраша каса ѣже сврѣтѣжъ зѣламъ же и дѣрѣмъ. М. (πάντας... πονηροὺς τε καὶ ἀχθούους); в Ассеманиевом кодексе полная форма: зѣламъ и дѣрѣмъ.

В таком примере, как: Мф. 25—1 по 9. тѣгда оуподобѣтъ са цѣрѣтѣе небѣское дѣсѣти дѣкѣ... патѣ же бѣ отъ нихъ боуи и патѣ мѣдрѣ... боуѣ ко приѣмѣша сѣѣтилѣники сѣсѣ не вѣзѣмъ са сѣсѣ оубѣ. а мѣдрѣмъ при

¹ Помимо изложенных примеров, приведем остальные: Мф. 13—43. тѣгда правѣднѣи просѣятѣ са ѣко слѣнѣи. М. З. А. (οἱ δίκαιοι); Мф. 23—29. ѣко зидѣтъ грекѣ прѣрѣсѣкѣи и красѣи ракѣ правѣднѣхъ. М. (τῶν δικαίων); Лк. 1—17. ократѣи срѣдѣи отъцѣмъ на чадѣ и прѣтѣнѣмъ къ мѣдрѣи правѣднѣхъ. М. З. А. (ἀπειθεῖς... δικαίων); Лк. 14—14. вѣзѣдѣтъ ко ти са ко выскрѣшенне правѣднѣхъ. М. З. (τῶν δικαίων); Лк. 12—46. и прѣтѣштѣи часть его сѣ небѣрѣннѣи положитѣ. М. З. (τῶν ἀπίστων); Лк. 6—35. ѣко тѣ благѣ есть на небѣзѣлѣ гѣдѣтѣннѣи и зѣламъ. М. З. А. (ἐπὶ τοὺς ἀχάριστους καὶ πονηροὺς).

² Сюда же относятся случаи, когда местоимение каса отсутствует, но сам контекст указывает на то, что в данных условиях речь идет обо всех вместе взятых лицах с определенными индивидуальными качествами. Для этих случаев характерна полная форма: Лк. 10—8, 9. и въ ныжѣ г(д)радѣ коликѣдо вѣхѣдѣтъ... цѣлѣи недѣжжнѣи нижѣ сѣтъ къ къмъ. М. З. (τοὺς ἐν αὐτῇ ἀστενεῖς); Мф. 14—14. и нишѣ не видѣ народа много и милѣ срдѣи о нихъ и нецѣлѣи недѣжжнѣи нихъ. М. З. А. С. (τοὺς ἀρρώστους).

ѢША СЛѢН... БОУА РѢША МѢДРИМЪ... ОТВѢШТАША ЖЕ МѢДРАНА ГЛѢШТА.
М. З.; БОУА РѢША МѢДРИМЪ. С. А. (αἱ γὰρ μωραὶ λαβοῦσαι τὰς λαμπάδας... αἱ δὲ φρόνιμοι ἔλαιον αἰ ἐς μωραὶ ταῖς φρονίμοις εἶπαν... ἀπεκρίθησαν δὲ αἱ φρόνιμοι...), наблюдается вторичная упомянутость лица; однако, как видно из примера, полная форма в этих условиях выступает не всегда последовательно¹. Для рассмотренного примера нужно признать также момент неполной субстантивации.

Значение единичности, полная субстантивация и вышеупомянутость характерны для следующего примера, взятого, из другого лексического ряда:

Ио. 5—7. ОТВѢЩА ЕМОУ НЕДЖЖЪНЪ. М. З. А. (ὁ ἀσθενῶν); предыдущий контекст: БѢ ЖЕ ТОУ ЕДИНЪ ЧАККА Ъ І СМА ЛѢТЪ ИМА КЪ НЕДЖСѢ СВОЕМА. Здесь зафиксирована только полная форма без различий.

При обращении (звательный „падеж“) довольно последовательно употребляется полная форма:

Лк. 1—28. КАШЕДЪ КЪ НЕН АНѢСА РЕЧЕ РАДОУИ СѢ БЛАГОДАТНАѢ ГЪ СѢ ТВОЕЖ. М. З. А. (χαῖρε κεχαρισμένη); Лк. 4—34. БѢМА ТѢ КТО ЕСИ ЕТАИ БЖН. М. З.; ЕТАИ. А. (ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ).

Разночтение зафиксировано лишь в одном примере:

Лк. 24—25. І ТЪ РЕЧЕ КЪ НИМА: Ѡ НЕГЪМАИГЪНАА И МѢДНА СРДЦЕМЪ. М.; МѢДНАА. З. А. (ὁ ἀνόητος καὶ βραδείς τῇ καρδίᾳ).

Колебания в употреблении полной или краткой формы вызвано противодействием двух факторов. Звательный „падеж“ требует полной формы, а при обстоятельственном определении в творительном падеже (срдцемъ) выступает обычно прилагательное в краткой форме.

Флексия звательного „падежа“ единственного числа на -е редко употребительна.

Лк. 12—20. РЕЧЕ ЖЕ ЕМОУ БЪ БЕЗОУМАНЕ КЪ СѢЖ НОЦѢ ДШЖ ТВОЖ ИСТА-САЖТЪ ОТЪ ТЕБЕ. М. З. А.; БЕЗОУМЪ. С. (ἄφρων), ср. БОУЕ (см. ниже, § 44).

После указательного местоимения всегда, без исключения, выступает полная форма субстантивированного прилагательного:

Мф. 27—24. НЕ ПОКИНЕНЪ ЕМЪ ОТЪ КРАКЕ СЕГО ПРАВЕДНААГО. М. А. С.; ПРАВЕДНИКА. З. (τούτου τοῦ δικαίου).

§ 44. В исследуемых кодексах зафиксированы следующие субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по физическим качествам: ГЛОУХЪН, СЛѢПЪН, ХРОМЪН, НѢМЪН и др.

Употребление краткой и полной формы вызвано в основном теми же факторами, что и в предыдущем лексическом ряду субстантивированных прилагательных.

Субстантивированные прилагательные со значением неединичности выступают и в краткой и в полной форме. В этом положении зафиксировано значительное число колебаний.

Мр. 7—32. І ПРИКЪСА БЪ НЕМОУ ГЛОУХЪ ГЖГНИКЪ І МОЛѢХЖ (κωφὸν καὶ μουλωχτόν). М. С.; ГЛОУХЪ ГЖГНИКЪ. З.; ГЛОУХЪ И НѢМА. А.; Лк. 7—21. І МНОГОМЪ СЛѢПОМЪ ДАРОВА ПРОЗРѢННЕ. М. З. (τυφλοῖς πολλοῖς); Лк. 4—19.

¹ Ср. также: Мф. 21—40, 41. вѢДА ЖЕ ОУКО ПРИДЕТЪ ГНЬ ВНОГРАДА ЧТО СЪТВОРИТЪ ДѢЛАТЕЛЕМЪ ТѢМЪ. ЗЪАМЪ ЗЪАКЪ ПОГОУБИТЪ Я И ВНОГРАДЪ ПРѢДАЕТЪ НИКЪМЪ ДѢЛАТЕЛЕМА. М. А.; ЗЪАМА. С. (κακὸς κακῶς ἀπολέσει αὐτοῦς). Здесь, однако, нет вторичной упомянутости самого субстантивированного прилагательного.

ТЪГДА ПРИКЪСА КЪ НЕМОУ БЪСЪНЪЖИРА СЪ СЛѢПА И НѢМА И ИЩЕЛИ И КЪО СЛѢПА И НѢМА ГЛАШЕ И ГЛАДАШЕ. М. В Зографском кодексе СЛѢПА и ГЛОУХЪ — при вторичном упоминании. (Τότε προσηνέχθη αὐτῷ δαιμονιζόμενος τυφλὸς καὶ κωφὸς καὶ ἐθεράπευσεν αὐτόν ὥστε τὸν κωφὸν λαλεῖν)¹. И тем не менее, несмотря на вышеупомянутость, употреблена краткая форма. Отметим, однако, что при подобных условиях полная форма встречается гораздо чаще краткой².

При обращении (звательный „падеж“):

Мф. 23—17. БОУИ И СЛѢПИИ КТО КОЛЕН ЕСТЬ ЗЛАТО ЛИ ИЛИ ЦРЪКЪИ. М. (μωροὶ καὶ τυφλοὶ); аналогично — Мф. 23—19, М. Единственное число с флексией е:

Мф. — 5—22. иже речеѣа коуе повиненъ естъ геωνѣ и гнѣнѣ. З. (μωρέ).

К рассматриваемому лексическому ряду можно отнести и субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по отношению к жизни или смерти. Таковы: ЖИВЪИИ И МРЪТЪИИ. Почти во всех случаях, как и в тех, где выражается индивидуализация лица, так и в тех, где она не выражена, выступает полная форма³. Например:

Лк. 7—15. і сѣде мрѣтѣи и начатъ глаголи. М. З. А.⁴ (ὁ νεκρὸς) — вторичное упоминание после слов се изнѣсѣахъ сумерсѣа снѣ. Лк. 24—5. рѣсте къ нимъ, чѣто ищете живѣаго сѣ мрѣтѣиимъ. М. З. А. (τὸν ζῶντα μετὰ τῶν νεκρῶν) — обращение ангела к женам мироносицам.

Мф. 10—8. колѣца цѣлите мрѣтѣиѣ вѣскрѣшѣте. М. З. С. (νεκρούς);

Лк. 7—22. ѣже видѣста... ѣко... прокаженни очиштѣаѣ сѣ глѣуѣни сѣлѣшѣа мрѣтѣи вѣстѣаѣ. М. З. (νεκροί).

Зафиксирован лишь один случай разночтения: Ио. 5—25. ѣко градѣа година и нѣнѣ естъ егда мрѣтѣи оуслѣшѣа глѣа ѣна вѣжѣ. М. А.; мрѣтѣи. З. (οἱ νεκροί).

¹ Ср. болгарский текст: „тогази му доведохъ единого бѣснѣмъ, слѣпъ и нѣмъ; и го исцѣли, щото слѣпый и нѣмый и говорѣше и виждаше“.

² Ср. также примеры: Мф. 8—28, 33. сѣрѣтѣ и дѣла вѣсѣна отъ живѣи ісхѣдѣаши люѣ сѣло і шѣаши въ градъ. вѣзвѣстиши вѣсѣ і о вѣсѣноуѣ. М. З. А.; в вѣсѣноуѣши сѣ. С. (οὗο δαιμονιζόμενοι... τὰ τῶν δαιμονιζομένων); Мр. 8—22, 23. і приѣса къ нему слѣпа і моѣѣхъ и да и коснѣа і емѣ за рѣжж сѣлѣаго М. З. (τυφλόν... του τυφλου); Лк. 8—36. вѣзвѣстиши же нѣмъ и видѣашии како сѣспѣса сѣ вѣсѣновѣи М. З. А.; вѣсѣны С. (ὁ δαιμονισθεὶς); Лк. 11—14. вѣстѣ же вѣсоу изгнѣнѣу прѣгла нѣмъ. М. З. (ὁ κωφός) и уже приведенный пример: Ио. 5—7. отѣвѣша емуѣ недѣжѣны. М. З. А. (ὁ ἀσθενῶν).

³ Ср. также: Ио. 11—41. вѣзѣаши же камень идеже вѣ лежѣ мрѣтѣи. С.; сумерѣи. М.

⁴ С субстантивированным прилагательным живѣи — два случая: один — приведенный выше, другой — Мф. 22—32. иѣстѣ къ мрѣтѣиѣхъ нѣ живѣиѣхъ. М. (ζῶντων); аналогично — Мр. 12—27, М. З. и Лк. Лк. 20—38, М. З. С субстантивированным прилагательным мрѣтѣи — 32 случая: 4 приведенных и 28 остальных. Укажем на основные: Ио. 5—21. ѣко ко оуѣ вѣскрѣшѣа мрѣтѣи и живѣтѣ. М. З. А. (τοὺς νεκρούς); Мф. 22—31. о вѣскрѣшѣи же мрѣтѣиѣхъ иѣста ли чѣли. М. (τῶν νεκρῶν); аналогично — Мр. 12—26, М. З., Мф. 23—27. вѣнѣтрѣаѣ же пѣли сѣѣ кѣстин мрѣтѣиѣхъ. М. (τῶν νεκρῶν); Лк. 16—30. нѣ иѣте кѣто отъ мрѣтѣиѣхъ і дѣтѣ къ нимъ. М. З. А. С. (ἀπὸ νεκρῶν); Лк. 20—37. а ѣкѣже вѣстѣаѣ мрѣтѣи. М. З. (οἱ νεκροί); Мф. 8—22. іе же гла емѣ... остави мрѣтѣиѣ по рѣти своѣхъ мрѣтѣиѣхъ. С.; скоѣ мрѣтѣиѣ. М. З. А.; то же: Лк. 9—60, М. З. А. С. (ἵφεα τοὺς νεκρούς θλίψαι τοὺς ἐχθρῶν νεκρούς); Ио. 20—9. подекаѣа емуѣ отъ мрѣтѣиѣхъ вѣскрѣшѣти. М. А. Кроме того, зафиксированы еще аналогичные примеры, всего 21: в Мар. к. — 20 раз, в Зогр. к. — 17 раз, в Ассем. к. — 16 раз, в Савв. кн. — 6 раз.

§ 45. В исследуемых кодексах зафиксированы следующие субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по социальному признаку богатыи, бѣдѣи, нищии, сѣланѣи, крѣпкѣи, сѣмѣренѣи и др.

Краткая форма зафиксирована только от прилагательных богатыѣ и нищѣи:

Мр. 10—25. оудскѣ естѣ кельѣждоу ексозѣ и҃гланѣи оуши проити неже богатоу кѣ цѣр҃кѣи е҃жеи вѣннѣи. М. З. (ἡ πλούσιον); аналогично. Мф. 19—23, М. А. С. и Лк. 18—25, М. З. А. С. Мр. 19—23. тако не оудска богатоу вѣннѣи кѣ цѣр҃кѣи не҃ко. С.; вѣннѣѣи богатыѣ. М. (πλούσιος).

Здесь краткая форма прилагательного выступает в генерализующей функции (ср. примеры в § 43, где зафиксирована полная форма), значение единичности отсутствует. Нет значения единичности и в следующих примерах;

Мр. 12—41. мнози богатыи вѣмѣтаах҃х многа. М. З. (πολλοὶ πλούσιοι); Лк. 6—24. обаче горе вѣмѣ богатыимѣ. М. З. (τοὶς πλούσιος).

Прилагательное нищѣи выступает в полной форме, притом необходимо отметить, что почти все примеры относятся к случаям неединичности:

Мф. 26—11. вѣсѣгда во нищѣи имате сѣ сокобѣ. М. З. А. С. (τοὺς πτωχοὺς). В том же контексте: Мр. 14—7, М. З. и Ио. 12—8, М. З. А. С.; Лк. 14—21. и нищѣи и бѣдѣи и хромѣи и сѣпѣи вѣвѣди сѣмо. М. З. А. С. (τοὺς πτωχοὺς); Лк. 14—13. нѣ егда тѣвориши пира зови нищѣи, маломощѣи, хромы, сѣпѣи. М. З. (πτωχοὺς ἀναπήρους)¹.

Для других прилагательных данного лексического ряда характерна также полная форма:

Лк. 1—52. низложи сѣланѣи сѣ прѣстола і вѣзнесе сѣмѣренѣи. М. З. (δυνάστας... ταπεινούς); Лк. 11—21. егда крѣпкѣи оу҃р҃жа сѣ хранѣи сѣон дѣр҃а. М. З. (ὁ ἰσχυρός); Мф. 20—25. и велиици обладаѣтѣ малими. М. (οἱ μεγάλοι). Здесь в трех примерах прилагательное выступает в значении неединичности, так же как и в первом случае следующего примера.

Мр. 3—27. никтоже не можетѣ сѣсѣдѣ крѣпкааго вѣшедѣ кѣ дома его расхѣтити аште не прѣжде крѣпкааго сѣвѣжетѣ і тѣгда дома его расхѣтитѣ. М. З. (τοῦ ἰσχυροῦ... τὸν ἰσχυρόν). Аналогично — Мф. 12—29, М. З. Второй случай — уже вторичная упомянутасть лица. Вышеупомянутость также и в примере:

Лк. 16—19 по 22. чѣлѣкѣ же единѣ вѣ богатыѣ... нищѣи же бѣ единѣ... и желашѣ насытити сѣ отѣ кроу҃ницѣи падаѣш҃тихѣи отѣ трапѣзы богатыаго... вѣстѣ же оумѣрѣти нищѣиоу... оумѣрѣтѣ же и богатыи. М. З. А.; оумѣрѣтѣ же и богатыи чѣ. С. (τοῦ πλουσίου... τὸν πτωχόν... ὁ πλούσιος). В Саввиной книге вторичная упомянутасть закреплена указательным местоимением.

Значение единичности зафиксировано в примере:

¹ Приведем остальные примеры: Лк. 4—18. благочѣститѣ нищѣимѣ (всем?) послѣла ма. М. А. С. (πτωχοῖς); Лк. 7—22. чѣже видѣста... мѣртѣици вѣстаѣтѣ нищѣици благочѣстоу҃жѣи. М. З. (πτωχοῖς); Ио. 12—5. чѣсе ради мѣро се не предано вѣстѣ на тѣ пѣлѣкѣ і дано нищѣимѣ. М. З. А. С. (πτωχοῖς); примеров, аналогичных этому, зафиксировано еще шесть: в Савв. кн. — 2 раза, в Мар. к. — 6 раз, в Зо҃гр. к. — 2 раза: в Ассем. к. — 3 раза. Важно отметить также пример, где, казалось бы, налицо разночтение: Ио. 12—6. се же рече кѣ тако о нищѣихѣи пѣчашѣ сѣ не яко тѣчѣ кѣ. С. З.; нищѣихѣи. М. А. (τῶν πτωχῶν). Есть основание полагать, что в данном случае не колебание, — полная и краткая форма, — а стяжение гласных в слове „нищихѣ“, об этом свидетельствует и предшествующий контекст: Ио. 12—15. чѣсе ради мѣро се не предано вѣстѣ... і дано нищѣимѣ.

Лк. 1—49. ѣко сѣткори мѣнѣ величѣт сѣзанаѣ і сѣкто има его. М. З. А. (*ὁ θυναιτός*).

Субстантивированные прилагательные в сравнительной степени зафиксированы лишь в именительном падеже единственного числа, где краткая и полная форма совпадают.

Лк. 7—28. мѣни же кѣ цѣрѣтки кожи колни его сѣгѣ. М. З. (*ὁ δὲ μικρότερος*); аналогично — Мф. 11—11; Лк. 11—22. а понеже крѣплен его ашеда повѣдѣтѣ. М. З. (*ισχυρότερος*).

С указательным местоимением последовательно полная форма:

Мф. 25—45. понеже не сѣткористе единому отѣ сѣхѣ мѣнѣшнѣхѣ ни мѣнѣ сѣткористе. М. З. А. С. (*ἐπὶ τούτων τῶν ἐλαχίστων*); то же и при положительной степени:

Мр. 9—42. иже аще сѣблздитѣ единого отѣ мѣнѣшнѣхѣ сѣхѣ вѣроу иштитнѣхѣ кѣ мѣ. М. З. (*τῶν μικρῶν τούτων*); то же: Мф. 18—6, М.; Лк. 17—2, М. З.; аналогично — Мф. 18—10, М. А. С.; Мф. 18—14, М. А. С.

§ 46. В исследуемых кодексах зафиксировано следующее субстантивированное прилагательное, характеризующее лицо по степени родства: ишчѣдѣни.

Ио. 1—14. видѣхомѣ сѣбѣж его сѣбѣж ѣко ишчѣдѣго отѣ оца. М. З. А. (*μονογενοῦς*). (Ср. § 19).

К этому же лексическому ряду можно отнести и субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо в отношении его близости или отдаленности от других лиц. Таковы: тоуждени, ближани (искрани).

Ио. 10—4, 5. егда сѣоѣ сѣзѣа ижденѣтѣ. . . сѣзѣа по нѣмѣ идѣтѣ ѣко кѣдѣтѣ глазѣ его по тоуждема же не идѣтѣ из кѣдѣтѣ отѣ него. ѣко не знаѣтѣ тоужденихѣ глазѣ. М.; штюждего. З.; тоуждадо. А. (*ἀλλοτρίων*. . . *τῶν ἀλλοτρίων*); Лк. 10—27. казакѣ ближанѣго сѣоѣго такѣ і самѣ сѣ. С., искраниѣго. М. А.; подрѣтѣ. З. (*τὸν πλησίον*). То же: Мф. 5—43, М. З. А. С.; Мф. 19—19, М. А. С.; Мф. 22—39, М. А. С.; то же, где и в Зографском кодексе искраниѣго: Мр. 12—31, М. З. А.; аналогично — Мр. 12—33, М. З. А.

Во всех случаях зафиксирована полная форма, хотя значения единичности в рассмотренных примерах нет. Отметим, что прилагательное ближани образовано от предлога-наречия близѣ; можно полагать, что краткая форма от него в старославянском языке была невозможна (ср. § 13). Ягич в словаре Маринского кодекса дает только ближани. Прилагательное ближани можно отнести также к лексическому ряду, обозначающему лицо по локальному признаку.

§ 47. Субстантивированное прилагательное, характеризующее лицо по темпоральному признаку, — дрѣкани:

Мф. 5—27. сѣишѣстѣ ѣко рѣчено кѣи дрѣканимѣ. М. З. (*τοῖς ἀρχαίοις*); то же: М. 5—33, М. З.; Лк. 9—19. оки же (рѣша) ѣко прѣзѣ единѣ дрѣканихѣ воскрѣсе. М. З. (*τις τῶν ἀρχαίων*); аналогично — Лк. 9—8, М. З.

Субстантивированное прилагательное дрѣкани, так же как и ближани, известно было, видимо, только в полной форме. У Ягича в словаре только дрѣкани.

Субстантивированные прилагательные, характеризующие лицо по локальному признаку: кѣшани, нижани, послѣдани.

Мф. 20—16. такѣ кѣдѣтѣ послѣдани прѣзѣни і прѣзѣни послѣдани. М. З. (*οἱ ἔσχατοι*); то же: Мр. 10—31, М. З.; Мф. 20—8. і дажда имѣ

мѣздѣ наченѣ отъ послѣднихъ до прѣвѣихъ. (τῶν ἐσχάτων); аналогично: Ио. 8—9, М.; Ио. 8—23. гл҃аше имѣ вѣ отъ нижанихъ есте азъ отъ вѣшанихъ есмѣ. М. З. А. В Зографском кодексе только отъ вѣшанихъ (ἐκ τῶν κατω... ἐκ τῶν ὑνω); то же: Ио. 8—23, М. З. А.; Лк. 19—38. мирѣ нѣсе и слава къ вѣшанихъ. М. З. (ἐν ὑψίστοις); аналогично — Лк. 2—14, М. З. А. С.; Мф. 21—9, М. С.

Субстантивированные прилагательные данного лексического ряда выступают всегда в полной форме, независимо от того, выражают они единичность лица или нет (сравн. § 13).

Случай единичности:

Лк. 1—31. наречеши имѣ емоу и҃зъ сѣ вѣдетѣ велии і снѣ вѣшани҃аго нарече҃тъ сѣ. М. З. А.; аналогично — Лк. 1—76, М. З. А., Лк. 6—35, М. З. А. (ὑψίστου. Л. 1—32); Лк. 1—35. а҃хъ сѣи наидетѣ на та і сила вѣшани҃аго о҃бѣтитѣ та. М. З. А. С. (ὑψίστου).

С указательным местоимением:

Мф. 20—14. хоштѣ же емоу послѣдниму дати тѣко и тѣбѣ. М. А. (τούτῳ τῷ ἐσχάτῳ); Мф. 20—11—12. рѣшѣтаахъ на гнѣ гл҃аште како сѣи послѣднѣа едина҃ ча҃сѣ сѣтворѣша. М.; тѣко снѣ послѣднии. А. (οἱ ἐσχάτοι).

К рассматриваемому лексическому ряду можно причислить также и субстантивированное прилагательное домашнѣнии.

Мф. 10—36. крази чѣкоу домашнѣнии его. М. З. (οἱ οἰκιακοί). У Ягича в словаре только домашнѣнии.

§ 48. Вне приведенных выше шести лексических рядов осталось субстантивированное прилагательное: страннѣнии.

Мф. 27—7. сѣвѣтъ же сѣтворѣше коупиша имѣ село ск҃вделѣнникова къ погрѣбанию страннѣнѣа М. З. А. С. (τοῖς ξένοις).

Таковы случаи употребления субстантивированных прилагательных, означающих лицо в исследуемых кодексах.

§ 49. Группа субстантивированных прилагательных с предметным значением крайне малочисленна. В исследуемых кодексах зафиксировано всего три примера:

Лк. 5—11. і извезѣше корабѣ на соухо и остаѣше вѣсе къ слѣдѣ его идѣ. М. З.; на землѣ А. (ἐπὶ τὴν γῆς).

А. Вайан объясняет наличие краткой формы в данном примере тем, что считает его застывшим оборотом¹. Тем не менее, нет основания считать данный оборот извезѣше на соухо — фразеологическим единством или сращением. Скорее можно сблизить данную конструкцию краткого прилагательного с предлогом с конструкциями наречного характера (типа къ малѣ, из лихѣ — см. § 54), однако считать ее устойчивым наречным выражением едва ли правомерно. Основную причину наличия краткой формы в конструкции на соухо нужно искать в том, что субстантивированным качественным прилагательным является не какой-то конкретно выделяемый предмет, а предмет вообще (вообще суша, а не море).

Ио. 21—5. гл҃ же имѣ и҃с дѣти еда что снѣдѣно имате. М. З. А. С. (τι προσέχουσιν); то же: Лк. 24—41, М. А.; Мф. 21—20, 21. оученици дикѣша сѣ гл҃аште како а҃вѣ оу҃сѣше смоковница... а҃ще имате кѣрѣ и не оу҃сѣжмѣните сѣ не тѣкмо смоковничѣное сѣтворите нѣ а҃ште и горѣ сѣи рече҃те двигни сѣ... М. (τὸ τῆς συκῆς).

¹ А. Вайан. Указ. соч., стр. 201.

§ 51. Наконец, примеры с субстантивированными прилагательными вполне абстрактного значения:

Ио. 3—12. аште земѣна рѣхѣ камѣ и не вѣроуоуте како аште рѣхѣ камѣ нека вѣроуоуте. М.; земѣнаа, некаа. А. (τὰ ἐπίγεια ... τὰ ἐπουράνια); Мф. 6—7. не дадите стаго промѣ. М.З.А.; цѣнѣна. С. (τὸ ἄγιον); Лк. 16—12. і аште вѣ тоуѣжема вѣрѣни не вѣсте вѣше кѣто камѣ дѣстѣ. М.З.А.С. (ἐν τῷ ἄλλοτρίῳ); Мф. 13—11. ꙗко камѣ дано естѣ разумѣти таинаа цѣрствѣ некааго. М.З. (τὰ μυστήρια); аналогично — Мр. 4—11, М.; Лк. 5—26. ꙗко видѣхѣ(мѣ) дикѣна дѣнесѣ. М.З.С.; дикѣнаа. А. (παράδοξα).

Все примеры, за исключением последнего, относятся к случаям, где отсутствует уникализация, что вообще более свойственно для данного лексического ряда прилагательных.

К случаям уникализации нужно отнести пример с указательным местоимением: Мф. 5—37. лихѣ ко сѣх отѣ неприѣзни естѣ. М.З. (τὸ δὲ περισσόν), здесь, естественно, употреблена полная форма субстантивированного прилагательного.

§ 52. Особую группу составляют субстантивированные качественные прилагательные: благѣ, доброѣ, злоѣ. Краткая и полная форма этих субстантивированных прилагательных вступает в тесное взаимоотношение с существительными добро, благо, зло; факты старославянского языка, а также древнерусского, древнесербского и других славянских языков не позволяют нам рассматривать в отдельных случаях существительные добро, благо, зло наравне с другими субстантивированными прилагательными среднего рода данного лексического ряда¹. Существительные добро, благо, зло нельзя считать субстантивированными прилагательными, — они восходят, видимо, к той эпохе, когда еще категория прилагательного не выделилась полностью из категории существительного: в ту пору, очевидно, имя (существительное — прилагательное) не имело столь отвлеченного значения и должно было означать более конкретные понятия и предметы.

Субстантивированные прилагательные типа злоѣ, доброѣ „обозначают не всякое лицо и не обобщенно все лица, обладающие данным качеством, а обобщенно все и лица и предметы, обладающие тем или иным признаком“². Для данного лексического ряда субстантивированных прилагательных, таким образом, характерно „отсутствие определенной субстантивности (определенности)“². Определяя для субстантивированных прилагательных типа зло, злоѣ и существительных типа зло степень их определенности (определенной субстантивности), можно установить следующую градацию: 1. субстантивированные прилагательные краткой формы злоѣ; 2. субстантивированные прилагательные полной формы злоѣ; 3. существительное зло — от меньшей степени определенности к большей. Такая градация возможна, ибо семантического

¹ В данном случае я полностью присоединяюсь к мнению В. А. Георгиевой по этому вопросу. Ею выдвинуто положение об „омонимичности“ именной формы субстантивированного прилагательного добро и существительного добро. См. упомянутую диссертацию.

² В. А. Георгиева. Указ. соч.

³ И. П. Лысков. О частях речи. М., 1926, стр. 29. Эту определенность нужно понимать в несколько ином плане, чем определенность и неопределенность исследуемой нами категории прилагательных. И. П. Лысков говорит об определенной субстантивности, далее он добавляет: „Это принуждает нас сравнить их (субстантивированные прилагательные типа разумѣсе, доброѣ, вечное. Н. Т.) с безличными глаголами типа светает, под которыми нельзя мыслить никакого подлежащего“. (Там же, стр. 29).

разрыва между субстантивированными прилагательными злаго и злаго (также добро, добро) и существительным злаго (также добро) не произошло, — «омонимия» оказалась неполной, относительной. Например:

Лк. 6—45. благы чакъ отъ благаго скровища срдца своего износитъ благое. М. З. (τὸ ἀγαθόν); Мф. 12—35. добры чакъ отъ добраго скровища износитъ добра. М. З. А.; блага. С. (τὰ ἀγαθά); Мф. 7—11. колыми паче отца ваша иже естъ ниже дастъ блага прослави его. М. З. (ἀγαθός).

Случай разночтения:

Лк. 16—25. рече же акраамъ чадо помѣни ѣко всприимъ еси ты блага твое къ животъ твоемъ. М. С. З.; блага твое. А. (τὰ ἀγαθά); Ио. 5—29. и изидѣтъ сътвори блага въ вскрѣшение животу. М. А.; блага. З. (τὰ ἀγαθά).

Пример употребления существительного наряду с субстантивированным прилагательным полной формы:

Лк. 12—17, 18, 19. и манѣаше къ себѣ гла что сътвори ѣко не имамъ къде сверати... плода моихъ и рече се сътвори разорѣ жити ница моѣ и боаша свиждѣ и сверѣ тоу къ жити моѣ и добро моѣ и рекѣ дш моѣ дше имамъ много добро лежаще на лѣта много. М. З.; добро моѣ.

А. С. (τὰ ἀγαθὰ μου... πολλὰ ἀγαθὰ).

Пример с существительным:

Лк. 14—34. добро естъ солъ, аште же солъ окоуѣтъ о чемъ оголитъ сѣ. М. З. (καλόν).

Те же отношения наблюдаем и с субстантивированным прилагательным злаго.

Полная форма:

Мф. 12—35. злаы чакъ отъ злагаго скровища износитъ злаа. М. З. А.; ажкака. С. (πονηρά); Лк. 6—45. злаы чакъ отъ злагаго скровища срдца своего износитъ злаое. М. З. (τὸ πονηρόν); Ио. 5—29. и изидѣтъ сътвори блага въ вскрѣшение животу а сътвори злаа въ вскрѣшение сждоу. М. З. А. (τὰ φαῦλα); Лк. 16—25. рече же акраамъ... ѣко всприимъ еси ты блага твое къ животъ твоемъ и лазаръ такоже злаа. М. З. А. С. (τὰ κακά).

Краткая форма при отрицании ничем не выражает неопределенность, неконкретность субстантивированного прилагательного:

Лк. 23—41. и къ оубо къ правдѣ достойна ко дѣломъ наи всприимъ сѣ и ничего зла не сътвори. М. З. А. (οὐδὲν ἄτοπον).

Существительное злаго:

Лк. 23—22. онъ же третини рече къ нимъ что бо сътвори злаго. М. З. (κακόν); Ио. 3—20. къ ѣкъ бо дѣлаи зла ненавидѣтъ сѣ. М. А. (ὁ φαῦλα).

С указательным местоимением:

Мр. 7—23. къ си зла из жтръ исходатъ и скернатъ чѣка. М. (πάντα ταῦτα τὰ πονηρά).

Таковы все примеры, в которых употребляются прилагательные и существительные типа добро, добро. Как видно из самого контекста и из сравнения с греческим оригиналом, существительные типа добро употребляются для передачи более конкретных понятий, их значение уже и потому определеннее значения субстантивированных прилагательных.

тельных типа *дсѣрѣн*, охватывающего все лица и предметы, обладающие данным свойством. Колебания наблюдаются только при употреблении субстантивированных прилагательных (*дсѣрѣн* или *дѣсѣро*), при употреблении существительных колебаний не зафиксировано. Характерно, что с указательным местоимением употреблено именно существительное *дсѣро*, а не субстантивированное прилагательное, пусть даже полной формы, имеющее широко обобщающее значение. Вообще случаи употребления указательных местоимений с субстантивированными прилагательными, означающими отвлеченные понятия, редки (см. единственный случай, § 43). Это можно считать характерным для данного лексического ряда.

§ 53. Более конкретное значение имеют притяжательные прилагательные, что объясняется их грамматической природой, так как они „не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания на владельца“¹. Однако и в данном случае средний род указывает на широкую обобщенность, на меньшую конкретизацию значения, чем в атрибутивной функции.

Зафиксированы следующие примеры:

Мф. 22—21. *тагда гла имѣ въздадите оубо кесарека кесареви ꙗже ѡбѣтъ бѣи*. М. А. С. (*τὰ Καίσαρος*); то же: Мр. 12—17, М. З.; Лк. 20—25. *въздадите оубо кесарекое кесареви ꙗже сѣтъ ѡбѣтъ бѣи*. З.; *оубо ꙗже сѣтъ кесарека*. М. (*τὰ Καίσαρος*).

Особый интерес представляет последний пример. Нужно отметить, что он является единственным случаем в исследуемых кодексах, когда притяжательное прилагательное имеет полную форму². Не случайно, что полная форма появилась сначала именно в данном положении, т. е. при субстантивации. Притяжательное прилагательное в атрибутивной функции, как говорилось выше, столь определенно по своему лексическому значению, что нет нужды в дополнительном его определении. При субстантивации же, когда принадлежность предмета сама по себе должна выражать субстанцию, оказалось возможным закрепить это отношение полной формой. Полная форма уже в старославянском языке стала носить в себе момент не только определяющий, но в известной мере и субстантивирующий.

§ 54. Особняком стоят наречные выражения, возникшие из субстантивированных прилагательных. К ним относятся зафиксированные в исследуемых текстах *о малѣ*, *о дѣлѣхъ*, *о лѣхъ* (*о шѣхъ*):

Наречные образования типа *о малѣ* (*къ малѣ*) можно считать характерными для старославянского и других славянских языков. Краткая форма субстантивированного прилагательного среднего рода послужила основой для их образования³.

Мф. 25—21. *рече емоу гдѣ его дѣрѣи рабе... о малѣ бѣ кѣренѣ надѣ мнози тѣ поставѣ*. М. З. А. С. (*ἐπὶ ὀλίγα*); Лк. 16—10. *кѣрѣни къ малѣ*

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 191.

² Подобные случаи можно отметить и в других, уже более поздних памятниках старославянского языка. Например: *Христосовоу образу*. Супр. 289—14; *Христове рождѣство*. Клоц. сб. 1—894; *Христове изъ мрътвыхъ порождѣнѣ*. Клоц. сб. 897.

³ Такой морфологический тип наречий широко представлен в современных славянских языках. В. В. Виноградов отмечает: „Бросается в глаза, что нет наречий этого типа, обнаруживающих в своем составе нечленные формы множественного числа и нечленные формы женского рода единственного числа. Кроме того, в большей части этих наречий этимологически различается форма среднего рода единственного числа. Все это говорит о том, что наречия такого типа возникли из субстантивированных именных форм прилагательных“. „Русский язык“, стр. 352.

и кѣ маѣностѣ кѣренѣ естъ. М. З. А. С. (ἐν ἐλχίστῳ); Ио. 16—15, 16. сего ради рѣхѣ камѣ ꙗко о҃гѣ моего приметѣ и кѣзвѣститѣ ка(мѣ). кѣ малѣ и к томоу не видите мене и пакѣ кѣ малѣ и оузрите ма. М. З. А. С. (μικρόν).

Выступая в предложении в качестве обстоятельного слова, не согласующегося с именем, а лишь примыкающего к нему (равно как и в отдельных случаях к глаголу), наречие выполняет функцию качественного определения или обстоятельного отношения. Однако эта определительная функция наречия существенно отличается от функции прилагательного. Грамматические категории, характеризующие прилагательное, по справедливому замечанию А. А. Шахматова, „не сопутствуют сами по себе представлению о прилагательных; этому представлению сопутствует неизбежно представление о субстанции, определяемой, характеризуемой прилагательным... представление о прилагательном вызывает неизменно представление о субстанции как носителнице тех пассивных признаков, которые выражаются прилагательным“¹. Если же говорить о наречии, то ясно, что в нем такое представление о субстанции отсутствует, поэтому наречие не может определять субстанцию со стороны ее определенности или неопределенности, единичности или неединичности. Естественно, что при образовании наречий от прилагательных в их основу легли краткие формы.

Того же типа наречие из лихѣ, например:

Мф. 27—23. они же из лихѣ кѣпѣхѣ глѣшѣ. М. З. А. С. (πρισσῶς), однако, нельзя твердо установить, лежит ли в основе этого наречия краткое субстантивированное прилагательное или существительное лихѣ, такого же типа, как и существительное добро, зло.

Наряду с рассмотренными, в старославянском языке были известны также наречные выражения, образованные от прилагательных полной формы. Таковы о деснѣжѣ, о лѣвѣжѣ, например:

Мф. 22—44. рече гѣ гѣи моемоу еднѣ о деснѣжѣ мене. М. З. А. (ἐκ δεξιῶν); Мф. 25.33 ꙗ поставитѣ оуѣца о деснѣжѣ себе. М. З. А. С. (ἐκ δεξιῶν)².

Число подобных примеров с полной формой значительно; с краткой формой зафиксировано лишь два случая:

Мф. 25—34. тѣгда рече гѣ цѣрѣ лѣштинѣмѣ о деснѣжѣ его. М. З. С.; о деснѣ. А. (ἐκ δεξιῶν); Мф. 20—33. а еже сѣсти о деснѣ и о шѣжѣ мене нѣстѣ маѣ сего дати. М. (ἐκ δεξιῶν).

Наречное выражение о лѣвѣжѣ зафиксировано только в полной форме:

Лк. 23—33. окого оуѣо о деснѣжѣ, а другѣго о лѣвѣжѣ. З. С.; о шѣжѣ. М.; о шѣжѣ. А.³ (ἐξ ἀριστερῶν).

¹ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 490.

² Так же еще в 14 случаях: Мф. 26—64, М. З. А. С.; Мф. 27—38, М. З. А. С.; Мр. 10—37, М. З. А. С.; Мр. 10—40, М. З. А. С.; Мр. 12—36, М. З. А.; Мр. 14—62, М. З.; Мр. 15—27, М. З. А. С.; Мр. 16—5, М. З. А.; Мр. 16—19, М. А.; Лк. 1—11, М. З. А.; Лк. 20—42, М. З.; Мк. 22—69, М. З.; Лк. 23—32, М. З. А. С.; Ио. 21—6, М. З. А. С.

³ В Мариином и Ассем. кодексах употребляется лишь синоним: шѣн (шѣн). Наречное выражение о лѣвѣжѣ зафиксировано также в следующих примерах: Мф. 27—38. еднѣго о деснѣжѣ и еднѣго о лѣвѣжѣ. С.; шѣжѣ. М.; шѣжѣ. З.; шѣжѣ. А.; Мр. 15—27. еднѣго о деснѣжѣ а другѣго о лѣвѣжѣ его С.; шѣжѣ М. З., шѣжѣ. А.; Мр. 10—40. нѣ сѣсти о деснѣжѣ мене и о лѣвѣжѣ нѣстѣ маѣ дати. С. З.; о шѣжѣ. М.; о шѣжѣ. А.; Мр. 10—37. еднѣнѣ о деснѣжѣ тѣкѣ а другѣнѣ о лѣвѣжѣ тѣкѣ. С. З.; о шѣжѣ. М.; о шѣжѣ. А.; Мф. 25—33. и поставитѣ... козѣнѣнѣ о лѣвѣжѣ. З.; о шѣжѣ. М. А.; о шѣжѣ. С.; Мф. 25—41 тѣгда рече и сѣнѣнѣ о (шѣ)шѣжѣ. М.; о шѣжѣ. З. А. С.; М. 20—21. да сѣдѣтѣ... еднѣнѣ о деснѣжѣ тѣкѣ и еднѣнѣ о шѣжѣ тѣкѣ. М.

Наличие полной формы в приведенных выше примерах легко объяснимо. Наречные выражения о дѣлѣжѣ, о лѣтѣжѣ являются по сути дела эллипсами (о дѣлѣжѣ странѣ). На это указывает и неизменная для данной группы форма винительного падежа единственного числа женского рода. В функции же определения для прилагательных данного лексического ряда характерно абсолютное преобладание полной формы (см. § 15).

§ 55. Таковы случаи употребления полных и кратких форм субстантивированных прилагательных в старославянском языке. Рассмотрение примеров показывает, что в тех случаях, когда субстантивированное прилагательное означает лицо или предмет, выступающий в контексте как единичный, уникализированный, наличествует полная форма, независимо от того, к какому лексическому ряду относится данное субстантивированное прилагательное. Здесь, при употреблении полной формы прилагательного, выступающего в роли существительного, отражается действие тех же закономерностей, что и в атрибутивной функции. С указательным местоимением, с определительным местоимением *ѣѣ*, при обращении (звательная форма) последовательно употребляется полная форма.

В остальных случаях, которые мы обозначили вслед за А. Пешковским как случаи неединичности, употребляются обе формы прилагательного. Краткая форма вполне последовательно выступает лишь тогда, когда неопределенность лица или предмета (выраженного субстантивированным прилагательным) подчеркнута каким-либо другим неопределенным словом (например, *ѣдинѣ—ѣдинѣ ницѣ*, ср. то же явление в атрибутивной функции). В атрибутивной функции, в так называемой нейтральной позиции, как мы отмечали выше, возможно употребление и полной и краткой формы при общем преобладании последней (если не принимать во внимание прилагательные, имеющие исключительно или почти всегда полную форму).

Рассмотрев употребление полных и кратких форм субстантивированных прилагательных в случаях, когда единичность предмета не выражена (т. е. случаи, соответствующие неопределенности и нейтральности в атрибутивной функции), мы вынуждены отметить преобладание полных форм. Однако удельный вес полных форм по отношению к кратким неодинаков в различных лексических рядах. Здесь приходится еще раз подчеркнуть связь употребления полной (resp. краткой) формы прилагательного с семантикой последнего. Наибольший процент кратких форм зафиксирован в лексическом ряде, характеризующем лицо по его физическим качествам (*слѣпа*, *хромѣ*), затем по индивидуальным качествам (*прѣмѣдрѣ*) и социальному положению (*богатѣ*). Отметим, что в основном в краткой форме выступают качественные прилагательные и такие относительные, как *хромѣ*, *слѣпа* и т. п.

В лексических рядах, характеризующих лицо в отношении его родства (*иночадѣ*), его близости или отдаленности от другого лица (*близканин*), в рядах, характеризующих лицо по темпоральному (*древанин*) и локальному признаку (*вышанин*, *послѣданин*), зафиксирована только полная форма. В эту обширную группу входят относительные прилагательные с более конкретным лексическим значением (ср. аналогичное явление в атрибутивной функции).

Субстантивированные прилагательные с предметным значением — немногочисленны. Но и здесь в употреблении полных и кратких форм также достаточно четко сказались отношения определенности и неопределенности, единичности и неединичности (ср. примеры на *сѣхѣ*, *сѣнѣдано* и *сѣмококодничѣно*).

Субстантивированные прилагательные абстрактного значения отражают в равной мере, как и другие субстантивированные прилагательные, зависимость употребления полной (resp. краткой) формы от указанных выше первостепенных факторов (например, с указательным местоимением полная форма: *аѹхосѣѣѡ*) и от лексического значения прилагательного (*кѡнѣѡтрѣнѣе*, *кѡнѣѡшѣнѣе* — только полная форма). Важно отметить только, что для этого лексического ряда характерно в общем незначительное число кратких форм в случаях неединичности.

Общее рассмотрение функций субстантивированных прилагательных двух форм позволяет сделать следующие выводы: во-первых, употребление кратких (resp. полных) форм обуславливается теми же факторами и дает в основном те же результаты, что и в атрибутивной функции; во-вторых, единственным и наиболее существенным отличием в употреблении рассматриваемых форм при случаях субстантивации прилагательных от их употребления в атрибутивной функции является больший удельный вес, большая распространенность полных форм прилагательных в примерах неединичности.

На это отличие уже обращали внимание многие исследователи, полагая даже, что субстантивация в старославянском языке требовала и своего формального выражения в виде полной формы. Исследуемый материал показывает, что в древних старославянских кодексах зафиксировано значительное число субстантивированных прилагательных в краткой форме. Основываясь на фактах старославянского языка, можно лишь говорить о процессе, ведущем к закреплению полной формы в качестве единственной формы для субстантивирования прилагательных. Этот процесс получил свое окончательное завершение в современном сербохорватском и других славянских языках¹.

Прилагательное при субстантивации не просто указывает на качество (свойство) предмета, оно именно, — по меткому замечанию А. Потехни, „в этом смысле и обозначает его“².

Указание на качество (свойство) не отсутствует, но и не является единственной функцией прилагательного, которое одновременно выражает и субстанцию, принимая на себя и ее функции. Качественный (относительный) признак и субстанция даны в одном прилагательном (ср. „старый“ и „старый человек“, где во втором случае „старый“ — лишь качественный признак, а „человек“ — субстанция). Естественно, что такой признак никак не может считаться временным, непостоянным для субстанции, а постоянство признака ведет к большей определенности последней. Однако, как уже указывалось, постоянство, так называемая „определенность“ признака, не есть еще определенность предмета (субстанции). Центр тяжести рассматриваемой категории определенности и неопределенности лежит не в признаке, а в субстанции. Предмет может оставаться неопределенным, не выделенным из числа других предметов, и в том случае, если мы знаем, что он обладает каким-либо постоянным, „определенным“ качеством (свойством). Отсюда —

¹ В сербо-хорватском языке субстантивированное прилагательное выступает лишь в полной форме (*стари, чупави, бели, црни*). Это отмечает и Т. Маретич: „Только определенная форма, я полагаю, употребляется в тех случаях, когда прилагательное выступает без существительного, но относится к существительному, которое хорошо известно, например: *али безазлени све прима драге воље, Даничић, писъма 128*. (см. Т. Maretić, *Gramatika i stilistika*... , str. 458). С местоимением *сваки*, с числительным *један* употребляется однако и краткая форма: *сваки жив га је жалио* (И. Андрић). В современном болгарском языке субстантивированное прилагательное, как правило, употребляется с членной формой (*старијат, рошавият, белијат, чернијат*); только с указательным местоимением и с неопределенным местоимением *един (някой)* — краткая форма (*един черен, този черен*).

² А. Потехня. Из записок по русской грамматике, ч. I, II, стр. 97.

возможность кратких форм при субстантивированных прилагательных. В современном сербо-хорватском языке, отчасти и в других славянских языках, полные и краткие формы выражают уже несколько иные отношения: постоянность и временность признака становятся здесь более решающими факторами при употреблении той или иной формы¹. Старославянский язык указывает нам лишь на начало этого процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 56. Результаты наблюдений над употреблением полных и кратких форм прилагательных отдельно в атрибутивной и предикативной функциях и при субстантивации изложены соответственно в конце каждой главы. При этом наиболее важными для понимания исследуемой категории оказались выводы второй главы (атрибутивная функция); выводы из двух последующих глав лишь подтвердили уже полученные результаты, позволили глубже охарактеризовать категорию кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. Это позволяет нам, подводя окончательные итоги, остановиться только на главном, опуская все более частные и второстепенные моменты.

Полные и краткие формы прилагательных в старославянском языке выражали отношения определенности и неопределенности существительного, к которому относилось прилагательное. Корреляция полных и кратких форм не шла, таким образом, по линии атрибутивности и предикативности или „энергичности“ и „неэнергичности“ признака.

Параллельное изучение полных и кратких форм прилагательных с учетом контекста и других языковых моментов, фиксирующих их характер (наличие указательных местоимений, числительных *единъ*, обстоятельственных слов, наречий и т. п.), помогло определить основное значение рассматриваемой категории.

Активным членом корреляции является полная, определенная форма прилагательного (*дъсърин*). Она обозначает, что предмет, к которому относится прилагательное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, уникализирован (или, по терминологии И. Курца и других, индивидуализирован), воспринимается как один, единственный в своем роде. Именно этот момент — уникализация и неуникализация — и является основным содержанием, основным значением категории определенности и неопределенности. Остальные моменты, такие, как, например, вышеупомянутость, эмфаз и тому подобное, являются лишь частными случаями, частными проявлениями основного значения².

Краткие формы, в отличие от полных, выступают как нейтральные, „неопределенные“ в том смысле, что они не выполняют роли полных форм, не выделяют определяемый предмет из ряда ему подобных, обладающих тем же качеством. Они лишь наделяют предмет тем или иным свойством (качеством), не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики.

Таково основное значение кратких и полных форм прилагательных.

¹ Ср. отношения полных и кратких форм в предикативной функции в современном русском языке. „В кругу имен прилагательных лишь временные эпитеты, лишь обозначения временных свойств имеют полную и краткую форму“ (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 262); „Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте, отнесенный к определенному времени“ (там же, стр. 263).

² При вторичном упоминании предмета может возникнуть необходимость в его выделении („тот же самый“, „тот, о котором шла речь, а не другой с подобными качествами“), а может и не возникнуть. Отсюда и случаи употребления краткой формы при вышеупомянутости.

Однако нужно указать, что на конкретном материале старославянского языка оно в ряде случаев представляется более сложным. Во-первых, отсутствие специальной неопределенной формы, подчеркивающей значение, противоположное определенной форме, приводит к тому, что полные и краткие формы прилагательных в иных случаях не оказываются полярными, ни в каких случаях не перемежающимися, не сталкивающимися формами. Между этими двумя категориями, впрочем как и между другими синтаксическими категориями (например различными прошедшими временами), в некоторых функциях нельзя провести абсолютно четкой границы. Среднее, нейтральное положение характеризуется часто не только краткой, но и полной формой.

Во-вторых, рассматриваемая нами категория определенности и неопределенности в старославянском языке была свойственна исключительно прилагательным и не распространялась на те случаи, когда существительное выступало самостоятельно без атрибута. И здесь лексическое значение прилагательных в свою очередь играло огромную, подчас решающую роль. Ряд прилагательных (притяжательные на -скъ, -инъ, отчасти притяжательные на -къкъ) благодаря определенности (конкретности, единичности) своего лексического значения вовсе не нуждались в наличии полной формы и не имели ее; ряд прилагательных в силу большой конкретности своего лексического значения (темпоральные, локативные и др.) почти всегда принимали полную форму и тем самым не имели достаточно четкой корреляции двух форм.

Вскрытие тесной связи полной формы с отдельными, семантически выделенными группами прилагательных, является вторым наиболее важным выводом нашей работы, дополняющим вышеизложенное определение значения полных и кратких форм. Без учета этого фактора (т. е. семантики прилагательного), без этой существенной поправки определение основного значения исследуемой категории в старославянском языке было бы слишком общим, абстрактным, а потому в некоторых случаях неверным.

Связь полных форм с прилагательными определенных лексических групп в дальнейшем, в истории отдельных славянских языков крепла и активизировалась, разрушая и упраздняя в этих группах корреляцию полных и кратких форм. Сама корреляция (и в других группах прилагательных) в отдельных славянских языках нарушалась и видоизменялась, уступая место новым отношениям.

Примечание от автора: В настоящей статье, завершенной почти три года тому назад, к сожалению, не приняты во внимание следующие ценные труды: К. Horálek, *Evangeliaře a čtveroevangelia*, Praha 1954 (важно для § 3 и др.); M. Brodowska-Honowska, *Uwagi o prostej i złożonej odmianie przymiotników staro-cerkiewno-słowiańskich*, „Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego” Nr 9. Filologia str. 265—267 (важно для § 1, 2 и др.); M. Brodowska-Honowska, *Staro-cerkiewno-słowiańskie przymiotniki o sufiksie—owъ na tle porównawczym*, там же str. 205—223 (важно для § 30 и др.). Эти работы, безусловно, следует учесть будущему исследователю нашей темы.